

ЮНОСТЬ

9

1969

Н. А. АНДРЕЕВ.

Портрет В. И. Ленина
[рисунок с натуры]. Москва, Кремль. 1920 г.

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ
ПЯТНАДЦАТЫЙ

9

(172)

СЕНТЯБРЬ

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

Сагин
Жыгенбаев

Памятник Ленину

Над течением горной летящей реки
Встал аул, где в далекие дни я родился,—
Родники там звенят, веселы и легки,
А на пустошах солнечный колос налился,
Поднялись над песками березы сейчас,
Шелестя на ветру...

Мы в дороге и дома,—
Наш Ильич, о как много ты сделал
для нас! —
Говорим, вспоминая твой образ знакомый.
Высекали мы облик по памяти твой
Из поющего камня, не зная покоя,—
И из белого мрамора к нам, как живой,
Ты шагнул с устремленною в дали рукою.
Тебе степи и горы до края видны —
Ты стоишь возле школы, у самого входа,
И когда еще утром долины темны,
Освещен ты прямыми лучами восхода.
И не зря здесь поставили памятник мы,
Чтоб глаза твои все на земле замечали,
Чтоб всегда твои внуки, не знавшие тьмы,
На рассвете тебя вместе с солнцем
встречали.
Чтоб нам было легко от твоей высоты:
Каждый может послать тебе слово привет,
Чтобы день, за который всю жизнь отдал ты,
Прикоснулся к тебе первой искрой
рассвета!

Перевел с казахского
Олег ДМИТРИЕВ.

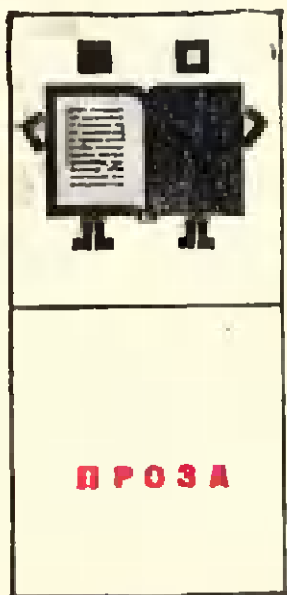
Геннадий
Юшков

Моя звезда

Родись я до Октябрьских лет,
Я, сын таежного народа,
Не прожил бы не то что года,—
Я б месяца не прожил, нет!
Я стал бы жителем погоста,
Еще б недели не прошло.
— Господь прибрал,— сказали б просто.
Иль так:
— Горячкой унесло!

А выжил бы — играл бы, голый,
На печке в косточки телят
И никакой не знал бы школы,
Лишь «Отче наш», да рай, да ад.
Ведь если б и решили даже
Отцы открыть в деревне нашей
Вдруг школу в кои на веку,
Как тот же Пуришкевич скажет:
— К чему учиться мужику!
Вот так и шла бы жизнь моя,
И, неокрепший, взял бы я
Топор, пеньковую веревку:
В тайгу заготавливать сортовку
Иду...
Харчи в мешок собрал...
А вот уж санки по дорогам
Ташу — наняться углежогом
Я пробираюсь на Урал.
Потом бы в армию попал,
Меня бы там, как замшу, терли,
Стянули бы мундир на горле...
Когда б в казарме не пропал,
В бою, наверно, умер честно,
За что — о том царю известно...
Но я под алою звездой
Рожден.
Я не знаком с бедой.
Мне не было и дня от роду,
А Ленин мне добыл свободу.

Перевел с коми
Владимир ПАВЛИНОВ.

Сайяр

МОЙ БРАТ— ШУКУР-АКА

РАССКАЗ

Рисунки В. Юдина.

1

Дорога... Дорога... Дорога...
Все безмолвно. Потрескавшаяся солончаковая земля. Поблескивают вершины холмов. Верблюды щиплют колючку. Казахстанские просторы, дороги без конца и края.

Наступила ночь. В вагонах зажглись лампочки, и под потолком растекся тусклый свет. На полках, вытянувшись, лежали призывники. Только старшина стоял возле топившейся печки и курил папиросу. Когда он ее прикуривал, приоткрыв дверцу, пламя отчетливо освещало его круглое лицо с кривоватым

носом и толстыми губами. Под левым глазом чернело родимое пятно величиной с горошину.

— Товарищ старшина, вы не можете сказать, куда мы едем?

— Могу.

— Куда?

— Отсюда не видать.

Разозлившись, я повернулся к стенке.

Старшина начал ходить по вагону взад и вперед. Меня укачало, и я заснул.

Когда я открыл глаза, была уже полночь, за окном суетились снежинки.

Двое суток бежал наш эшелон сквозь леса. С детства мечтал я зайти в дремучий бор, страшноватый, таинственный. Но таких лесов в нашем краю не было. И вот они тянутся — леса... Плотной стеной встали они с двух сторон вдоль дорожного полотна, оставив для поезда лишь узкий просвет дороги. Стройные березы и островерхие ели тихо дремлют, осыпанные снегом...

В дороге все быстро перезнакомились. Ребята играли в домино, в шашки. А я лежал и думал о своем Ташкенте: «До свидания, хороший мой город, до свидания, улицы твои и дома». А еще я думал о своем старшем брате. Наверное, этой же дорогой сжал он

Перевели автор
и М. МУРАВНИК.

когда-то на фронт. Брат мой Шукур-ака не вернулся с войны. Мать все время ждет его. Может, ей теперь мнится, что и меня забрали на войну? Может, извелась она вся от этих мыслей? Обязательно напишу ей письмо, как только прибудем на место!

2

На одиннадцатый день раздалась команда:
— Выходить из вагонов!

На платформе лежал снег. Сверху сыпались снежные хлопья, сыпались настолько густо, что в двух шагах ничего не было видно.

Мы долго топали по засыпанной снегом дороге, густые клубы пара валили от нас, словно от самоваров в чайхане. Вошли в город. Выстроились. Двинулись строем. Большой, красивый город. Прямые улицы расчищены, но вдоль тротуаров высокие сугробы. И всюду снег, такой для нас для всех непривычный.

Старшина приказал не заговаривать с прохожими. Но ребята заговорили и узнали: город зовется Калинин, а река — Волга. Волга! Кто из нас не мечтал побывать на Волге! Она, правда, оказалась здесь не такой широкой, как мы думали... Но все же Волга. И все мы, пока строем шли по мосту, смотрели на нее и на берега. И там внизу увидели памятник. Бронзовый человек в старинной одежде шагает к реке... Тут я вспомнил урок географии. Ведь этот город звали когда-то Тверь. Отсюда, по этой реке, отправился когда-то первый русский путешественник в Индию. И имя его вспомнил: Афанасий Никитин.

Так вот в каком старом русском городе нам служить...

Нас повели прямо в баню...

Когда после бани я посмотрелся в зеркало, узнал себя с трудом: моими оставались только большие глаза, родинка над бровью да нос с горбинкой. Маленькая, щуплая фигурка совсем потерялась в просторной шинели. До чего же военная форма меняет внешность! Не сразу узнал и ребят, с которыми ехал, и насмешил всех, заговаривая с русскими по-узбекски, а с узбеками — по-русски...

Нас снова выстроили. Предстоял еще немалый путь. Один чужак посоветовал мне взять сапоги побольше, «чтобы легче было снимать». Вот я и намучился с ними, потому что всю дорогу ноги в них ерзали. Идти было трудно, и я устал больше других.

Как только мы прибыли, нас сытно накормили. Потом часа два строили, перестраивали и в тот же день разделили на роты и взводы. Ребята из моего вагона все попали в одну роту.

Служба началась с уборки коек и тумбочек. Моя койка была у прохода возле двери — на самом видном месте, и, естественно, мне пришлось убирать ее с особой тщательностью.

Может, потому, что я неумело заправлял ее, помкомвзвода Шатров трижды заставлял меня заново перестилать постель. Приду со двора — смотрю, опять она разобрана. Дневальный сказал:

— Будешь разбирать, пока не научишься.

Я опять заправил постель. Вечером перед сном у солдат свободное время. Занимаются кто чем: пишут письма, пришивают пуговицы, меняют подворотнички. Но написать матери в тот день мне так и не довелось, все возился с койкой, возился и думал: «Мама! Хоть бы ты меня научила кровать убирать!» И еще думал: «С детства нужно ко всему приучаться, не то в жизни наглотаешься всяких пилуль. Все

седьмой сон видят, а я одеяло кладу да перекладываю». Наконец лег. Только заснул — «Подъем!». Мы наспех оделись и выскочили наружу. Старшина принялся нас отчитывать:

— Если и завтра будете так шевелиться, проведем занятия за счет сна. Вы что, дряхлые старики?

Никто не проронил ни звука. Знали уж, что значит команда «Смирно!», знали и то, что командиру не положено возражать.

Утомительнее всего утренняя пробежка. Двадцать пять градусов ниже нуля, а мы, хоть и в нижних рубашках, обливаемся потом. Клубится пар над стриженными нашими головами. Холодным воздухом к горлу подступает тугой комок... И когда раздается команда: «Шагом арш!» — мы, благословляя судьбу, с облегчением, тяжелым шагом через большие ворота направляемся в часть. Сердце продолжает учащенно биться и после того, как обольешься холодной водой.

А старшина Шатров — он у нас любит при случае блеснуть эрудицией — все повторяет:

— Ничего, трудно в учении — легко в бою. Так говорил генералиссимус Суворов-Рымникский.

В те первые мои армейские дни заветной моей мечтой было хоть раз выпастись вдоволь, и потому мое первое письмо в Ташкент было коротким:

«Дорогая мама! Я жив, здоров. Служба идет как положено. Каждый день — новости и новые люди. Вообще жизнь веселая, скучать некогда. Пишите чаще. Ваш сын Феруз».

Написал я это письмо ночью, положил в конверт. Оделся, отнес его в ящик, который висел у ворот, и вернулся в роту. Часы показывали четверть шестого. А подъем в шесть. Разве выспишься за сорок пять минут? Да и постель испортишь — потом опять старайся заправляй... Вздремну-ка я в сушилке...

Так я и сделал. Стараясь не обращать внимания на тяжелый портяночный дух, я расположился на решетчатом помосте и слегка задремал. Объявили подъем. Я побежал в спальню, второпях снял шинель, бросил ее на подушку и выскочил во двор.

Утренняя зарядка прошла спокойно. После занятий, когда мы построились, чтобы идти на завтрак, раздался голос старшины:

— Боец Иноятов, два шага вперед!

Я стал перед строем.

— За то, что вы по неизвестной причине сегодня ночью не были на своем месте, — два наряда вне очереди!

— Есть! — ответил я.

Когда после отбоя ребята заснули, Шатров позвал меня в каптерку.

— Уберите это, боец Иноятов, — сказал он.

Ну что ж, наряд есть наряд. Это я уже понял. И, ругая себя за то, что вздумал писать письмо ночью, принялся за уборку каптерки. Никогда мне дома этим заниматься не приходилось. Потеряв на войне старшего сына, мать берегла меня, ограждая от всяческих домашних забот. Даже такое дело, как уборка, теперь приходилось постигать заново. Но я убирался на совесть. Даже нашел в этом какое-то удовлетворение.

Когда после уборки строгий старшина заглянул ко мне, глаза его потеплели:

— Да ты чуть не вылизал все.

Я ничего не ответил. Потом он отозвал меня с занятий и провел со мной короткую «личную беседу».

— Мало знаешь жизнь, рядовой Иноятв. Учись жить!—И что-то похожее на улыбку мелькнуло на замкнутом его лице. А я подумал, что старшина все-таки еще не разучился улыбаться, и ответил:

— Наверно, мало.

— Что значит, «наверно, мало...»?

— Ну, просто... я не проходил еще военную службу...

— А вообще-то ты в жизни хоть что-нибудь видел?—повысил голос старшина.

— Скорее всего не видел. Только мысленно воображал, во всем полагаясь на родителей...

Старшина не почувствовал в словах моих скрытой насмешки.

— Наверное, так...—серьезно сказал он.— Очень уж ты какой-то хрупкий! Стань попроворней, не будь размазней...—Потом добавил:—И станешь. Армия и не таких людьми делает...—И снова свое любимое:—Помни: трудно в учении—легко в бою...

И неожиданно закончил:

— Ночью вы выполняли наряд, даю разрешение спать до обеда.

Я стоял, не двигаясь.

— Выполняйте приказ,—тихо повторил он.

3

...И вот начались настоящие учения. Недалеко от части высился старый большой сарай. На одном из занятий нашему взводу приказано было «взять» его. Объяснили, что там пулемет «противника».

Мы пошли в атаку.

Тут мне очень пригодились наши игры в войну с мальчишками. Перебегая от дерева к дереву, я добежал до одинокого бугорка, прижавшегося к постройке, и залег за ним. Другие же—по двое, по трое лежали, вытянувшись, на открытом месте—отличная мишень! На фронте лежавшие так бойцы уже больше не вставали.

Моя позиция была самой безопасной. Приподнявшись, я бросил учебную гранату. Целил под крышу постройки. Ведь пулемет «бил» оттуда. Бросил и закричал:

— Вперед!

Солдаты поддержали меня. Сарай был «взят».

Я не очень еще был уверен, так ли я себя вел. Но ведь так вел себя и Александр Матросов, такое помню я и в письмах брата Шукур-ака. И я очень порадовался, когда помкомвзвода, не щедрый на похвалы человек, сказал:

— Сегодня Иноятв вел себя, как и подобает настоящему советскому солдату, проявил отвагу и смекалку...

В этот день я чувствовал себя героем. Будто и в самом деле, в настоящем бою подавил пулемет противника. И на этот раз написал матери письмо подлиннее, написал даже, что, может быть, из меня выйдет когда-нибудь такой же солдат, как наш Шукур-ака.

Однажды в сильный мороз я стоял на посту, охраняя склад с топливом. Было часа три ночи. Издалека показались две тени. Под их ногами звонко поскрипывал снег.

— Стой! Кто идет?

— Командир роты,—ответил один из них.

— Осветите лицо!—приказал я, вспомнив устав караульной службы.

Загорелся огонек зажигалки. Действительно, это был наш командир. Мгновение я колебался. Как быть? Командир мог и рассердиться. Но устав есть устав. Это я уже знал. И как можно тверже приказал:

— Капитан, разрешаю вам приблизиться. Остальным—не двигаться с места!

Капитан подошел и, довольный, погладил усы.

На вечерней проверке комроты объявил мне благодарность за отличное несение службы и старание в учебе.

Теперь и бегать становилось легко. Когда бодр духом, кажется, что вырастают крылья. Уверенность—великое дело.

Через две недели командиром нашего взвода назначили вновь прибывшего лейтенанта Погребнева—совсем молодого человека, спортсмена, штангиста. Силищей он мог потягаться со всем взводом—огромные плечи, мощный торс. А руки что кувалды. И при всем том человек он был открытый, душевный. Мы любовались своим лейтенантом—вот каким должен быть мужчина!

Как-то он взял мою руку в свои широкие ладони. Сжал легонько, а кости затрещали.

— Эти руки винтовки не держали. Они разве что ручку удержат,—покачал он головой.

На другой день я чистил карабин и мучился, потому что никак не мог вытащить шомпол из ствола. Откуда ни возмись—лейтенант. Он легко, словно нитку из иголки, вынул из ствола шомпол и сказал:

— Рядовой Иноятв, буду заниматься с вами лично.

Признаюсь, я огорчился: этого не доставало! Теперь и вечера будут заняты. Да и получится ли из меня что-нибудь путное?

Я знал, Погребнев уже тренирует трех-четырех человек. Я безо всякой надежды да и охоты присоединился к ним. Не успел явиться, услышал, как один из тех, кого он тренировал, здоровенный парень, тихо сказал:

— Товарищ лейтенант, зачем этот замухрышка сюда пожаловал?

— А вот для того и пожаловал, чтобы не быть замухрышкой!—Погребнев ободряюще посмотрел на меня:—Зовусь Александром, по отцу—Сергеевич. После занятий вне строя можешь звать Сашей.

На сердце потеплело. Я-то знал, что никогда не назову его по имени, но все же ответил:

— Будет исполнено!

Наступил день, когда нас впервые повели на полигон. Каждый давно уже изучил свое оружие, не раз собирал, разбирал его и чистил. Мы обязаны были знать номер своего оружия и его короткую историю. Я стрелял из карабина № 3639, которым до меня владел украинский парень Василь Терещенко. Мне сказали, что он обычно выбивал девятки или десятки и был лучшим стрелком во взводе.

Иду на стрельбище сам не свой: здорово, конечно, что карабин с такой, так сказать, биографией, но какое это имеет значение при неопытном стрелке! Сам карабин не стреляет, а я в жизни не сделал ни одного выстрела, даже на охоте. Бывало, ребята приглашают: «Пойдем в тир». А я отвечал: «Ни в кого никогда стрелять не собираюсь и учиться этому делу не хочу». Теперь вот и пришлось расплачиваться за свою глупость.

Утрамбовали снеговой настил — линию огня. Большинство стреляло впервые в жизни. Я очень робел. Лейтенант заметил это и подошел ко мне — показал, как лучше держать приклад, как плавно и мягко нажимать на спусковой крючок. Показывая, лейтенант пошутил: «Не бойся, винтовка назад не стреляет...»

Стыдно было: карабин дрожит в руках. Я постарался сосредоточиться, нашел нужную мишень, нажал крючок. Раздался выстрел, легонько толкнуло в плечо. Но страх прошел. Второй и третий выстрелы сделал уже уверенней.

Одна пуля, как говорят, «ушла за молоком». Но остальные попали — тройка, пятерка, шестерка, единица. Из пятидесяти возможных я выбил пятнадцать. Маловато, конечно. У других было и больше. Но я все-таки был доволен — я уже не боялся стрелять, и это было главное.

Дни сменялись днями и были похожи один на другой. Скучать некогда — время рассчитано по минутам.

Солдаты в нашем взводе сдружились, изучили друг друга. Теперь это была как бы одна семья, с общими заботами, с общими интересами. Случались, конечно, и происшествия.

Однажды часа в три ночи по команде «Тревога!» вся рота вскочила на ноги. Начался переполох. Я тоже вскинулся и стал лихорадочно искать свою одежду. Но она как сквозь землю провалилась. Обыскал все закоулки, однако на месте стояли только сапоги. «Тыфу ты! Везет же!» Но что будешь делать? Надел шинель на белье, натянул сапоги и, схватив карабин, выскочил на площадку.

Комвзвода и его помощник были довольны, что все выбежали одновременно. Подошел командир роты.

— Расстегнуть шинели! — раздалась команда помкомвзвода.

Все расстегнули шинели, а я стоял как вкопанный.

— Боец Иноятов! Команда подана для всех! — повысил голос помкомвзвода.

— Слушаюсь, товарищ старшина, но...

— Никаких «но». Ротный командир хочет проверить сам лично.

— Товарищ старшина, разрешите доложить...

— Докладывайте.

— У меня не оказалось гимнастерки...

— А нижнее-то белье по крайней мере на месте? — с трудом сдерживая улыбку, спросил старшина.

— Так точно, — чуть слышно ответил я.

Взрыв хохота заглушил ответ. Я готов был провалиться сквозь землю.

Старшина подошел ко мне.

— Где ваша гимнастерка?

— Потерялась, — прошептал я, чувствуя, что говорю глупость.

Услышав разговор на нашем фланге, быстрым шагом подошел комроты. Помкомвзвода отвернулся, боясь расхохотаться:

— Рота в полной боевой готовности, если не считать бойца Иноятова...

— Боец Иноятов, четыре шага вперед!

— Слушаюсь! — Громяхая тяжелыми сапогами, я выступил вперед и оказался под фонарем. В ярком электрическом свете летали снежинки. Я стоял, уста-

вившись, в землю, и прикидывал, какое наказание меня ожидает.

— Боец, натянувший две гимнастерки, — четыре шага вперед! — приказал командир.

Строй замер. Вдруг я увидел, что от него отделилась знакомая фигура Назаренко. На ходу он снимал шинель, ища глазами, куда бы ее положить. Вот он сложил ее возле столба и, сопя, начал стаскивать гимнастерку.

Вся рота смеялась. Успел подойти сам командир части — очень строгий и, как всем нам казалось, не умеющий даже улыбаться человек. Впервые мы увидели смеющимся и его...

Потом Назаренко рассказывал, как все это случилось. Оказывается, проведая в штабе, что будет ночная тревога, он лег, не раздеваясь, а когда вскочил, натянул со сна первую попавшуюся гимнастерку и выбежал на площадку...

Взыскания нам не дали, но мы прославились на всю часть. И часто теперь нам приходилось слышать за спиной:

— Этот, что ли, в нательной рубахе в строй встал?

— Этот...

Боевые учения становились все трудней — надо было проползать под колючей проволокой, преодолевать препятствия. Но удивительно, что все усложнявшиеся задания как бы становились легче. Я подтянулся, висевшая когда-то мешком шинель стала плотней облегать фигуру. Даже погоны, которые прежде топорщились так нелепо, плотно легли на плечи, и ремень, раньше сползавший вниз, наконец-то стал держаться на месте. И я прямо-таки физически ощущал, что из мальчишки становлюсь мужчиной, таким, каким я видел моего старшего брата Шукур-ака на той единственной карточке, какую он прислал домой с фронта незадолго до того, как письма от него перестали приходить и мама получила извещение, что рядовой Шукур Иноятов пропал без вести.

Как-то, уже в конце зимы, нам объявили, что назначается лыжный кросс.

Я в жизни не ходил на лыжах, но дело это показалось нехитрым. Я сказал себе «была не была» и принялся налаживать крепления.

Некоторые намазали лыжи чем-то вроде мыла. Я не стал. Зачем? Ведь не на первенство мира пойдем... До ворот лагеря как-нибудь дотяну.

Но когда мы двинулись, было объявлено, что пройти надо будет десять километров. Когда до меня дошел смысл этой цифры, я загоревал. Что же делать? Ничего не поделаешь. Вскоре ребята исчезли в глубине леса.

Я отстал, но все-таки, продолжая придерживаться лыжни, тихонько продвигался вперед. Иду и иду. Меня обступают высоченные березы: заглядишься на вершины — шапка валится. Все окутано снегом, все хранит молчание, все таинственно, как в сказке. Переставляю ноги, а самому страшновато: я же один.

Через некоторое время я вышел к кладбищу: ограды, могильные холмики. Словно игрушечный крепостной городок. На многих плитах — фотографии. Отдельно, группой, солдатские могилы. Над ними обелиски со звездочками. Вышел на дорогу. Она увела меня в лес, потом стала взбираться на пригорок.

Съехать с него я не решился и, перекинув лыжи через плечо, потопал пешком по снежной целине. Как бы там ни было, рядовой Феруз Иноятлов идет вперед. Он не дезертир, он выполнит приказ!

Солнце уже садилось, когда я неожиданно очутился возле нашего полигона. Оказывается, меня давно хватились и послали солдат в лес на поиски. Командир роты жестом подозвал Погребнева и что-то стал ему говорить.

Попросив разрешения у капитана, я обратился к своему командиру:

— Товарищ лейтенант, рядовой Иноятлов прибыл!

Погребнев рассмеялся:

— Идите поешьте, рядовой Иноятлов.

«Слава богу, пронесло!» — подумал я. Но я рано радовался. На другой день многие отпросились на прогулку по городу: посмотреть тамошний, как говорили, очень интересный музей. Меня вызвал Погребнев и сказал:

— А мы отдохнем с тобой на бугорке — покатаемся на лыжах.

И мы действительно весь тот день тренировались на подъемах и спусках. Тут на бугорке мы познакомились с двумя девушками, пришедшими на лыжах на ту же горку.

Представляя меня, лейтенант сказал:

— Феруз прибыл из Ташкента, который недаром зовется солнечным. Снега там почти не бывает, а лыжи в диковинку.

Девушки с интересом посмотрели на меня.

— У нас в селе знали солдата-узбека, — сказала вдруг одна из них.

— Откуда? Проходил здесь службу?

— Нет, он здесь воевал... — ответила девушка, и мне показалось, что лицо ее стало грустным.

Девчат звали одну Катей, другую — Валей. У обеих были тугие светлые косы, от мороза и лыжного бега покраснели щеки. Глаза блестели. Я с любопытством разглядывал их — русские, симпатичные лица.

Я сначала стеснялся своего акцента.

Катю, кажется, заинтересовало мое молчание.

— Да он у вас словно красна девушка в высоком терему, — сказала она лейтенанту.

— А вы разговариваете его! — улыбнулся Погребнев. — Попробуйте.

— А ну, ташкентец, догоняй! — И, швырнув в меня пригоршню снега, Катя бросилась с горы. Я кинулся было за ней. Лыжи мои сцепились, я тяжело грохнулся на спину и беспомощно забарахтался в снегу.

Кое-как поднявшись, заторопился к девушке, но не сумел затормозить и толкнул ее. Мы оба упали в пышный нетронутый сугроб. Нас засыпало снегом.

— Все равно не догнал, — запыхавшись, говорила Катя, помогая мне подняться.

— Эх, были бы здесь кони! Вот бы на чем нам с тобой потягаться! — выпалил я, но запнулся, испугавшись этого невольно вырвавшегося «ты». А Катя обрадовалась.

— Товарищ лейтенант! — звонко крикнула она. — Отдайте этого солдата мне на выучку. Я его тренирую.

Погребнев помахал рукой и вместе с Валей съехал по другой стороне холма.

Мать писала мне:

«Дорогой мой сын! Ты пишешь, что служишь на Волге, в городе Калинин. Ведь наш Шуккур-ака тоже воевал близ этого города. Об этом мне написал его товарищ после того, как он пропал, когда бои шли за этот город... Сынок, попроси у своих начальников и командиров, пусть отпустят тебя — посмотри там солдатские могилы... Может быть, найдешь там, где покоится наш дорогой Шуккур-ака».

С тех пор я не забывал письма матери, лез из кожи вон, стараясь до очередной увольнительной как-нибудь не оплошать. Тут действительно были большие бои. Одно из солдатских кладбищ я уже видел. И братскую могилу тоже видел во время первого неудачного лыжного похода. Да и Катини слова об узбеке теперь не выходили у меня из головы.

Утром в выходной меня вызвал к себе лейтенант Погребнев. Вызвал на квартиру.

— Катя придет? — спросил он.

— Нет.

— Почему? Разве ты ее не пригласил?

— Как я могу ее пригласить? Я же себе не принадлежу...

— «Не принадлежу!» — передразнил Погребнев. — Обязательно надо было пригласить...

— Слушаюсь!

— Что сегодня делать будешь?

— Если разрешат, хотел бы посмотреть кладбище...

— Кладбище? — удивился лейтенант.

— Хочу поискать могилу старшего брата. Он погиб в этих местах...

Погребнев посерьезнел, словно увидев меня впервые, оглядел с головы до ног. Потом сказал:

— Все-таки в двенадцать заходи ко мне. Будут Валя и Катя. Вместе и пойдем искать кладбище.

— Слушаюсь! — вытянулся я и даже пристукнул каблуками.

Погребнев мягко положил руку мне на плечо:

— В моем доме ты не солдат и я не командир.

Солдатские могилы... Не знаю, сколько времени стояли мы у каждого маленького обелиска. Мы прочли все надписи. Разные были на них имена — русские, украинские, грузинские. Узбекского не было.

— Катя, а другое кладбище у вас есть?

— Феруз одним кладбищем не сыт — другое ему подавай, — сказала Валя, которую поиск этот явно не устраивал.

— Я ищу могилу одного узбека...

— Может быть, того самого ташкентца?

— Да.

Вдруг Катя сказала:

— Придется тебе встретиться с моей мамой. Видишь вон ту березу, во-он ту, далекую, в стороне от всех, на полянке?

— Вижу!

— Там есть могила... Колхоз собирался строить там ферму, но мать пошла в райком и добила, чтобы ферму строили в другом месте. Она сказала: то место священное, а белая береза — как памятник погибшим, кости их тревожить нельзя. Райком распорядился — ферму строят в другом месте. А тут... тут памятник будет.

— Тот из Ташкента здесь?

Я волновался и, видимо, побледнел. Катя быстро сказала:

— И ташкентец, и... мой отец тоже... — Она отвернулась.

Некоторое время мы молчали. Потом она спросила:

— Этот погибший узбек — твой родственник?

— Мой старший брат. — Я схватил ее за руку. — Пойдем туда, к той березе, нужно посмотреть!..

Катя покачала головой:

— Нет! Сегодня уже поздно. Видишь, смеркает-ся. Сходим в следующий твой выходной.

Погребнев, стоявший с Валею уже на дороге, крикнул:

— Эй, друзья! Марш-марш вперед! Нет крепости, которую мы бы не одолели! На сегодня наша боевая задача — занять мой дом.

Девушки не возражали, и мы повернули к опушке...

Играл патефон. Я, расхрабрившись, пригласил Катю на вальс. Мы закружились. Потом я ее провожал и, прощаясь, поцеловал. Она, улыбаясь, тихо отвернулась. Торопясь к себе в часть, я думал: какие же они хорошие, добрые русские люди... Столько лет прошло — и помнят неизвестного им узбека, заботятся о его могиле. И Катя, какая она милая, веселая, славная... Нет, честное слово, ко мне здесь относятся так тепло, что и зима не ощущается!

5

В следующий выходной день мы отправились в поход. Уже пахло весной, снег подтаял, лес тревожно гудел под ветром. Мы скатали шинели и, связав их, надели через плечо. К поясам были подвешены саперные лопатки, за спиной — автоматы, сбоку — противогазы. В вещмешках — сухари, сахар и консервы. В общем, полная выкладка.

Было около двенадцати. Раздалась команда: «Стройся!» Лейтенант Погребнев разъяснил маршрут. Идти двадцать пять километров... Стало страшновато, но о том, что нас ожидало в действительности, мы даже и не подозревали.

Мы вышли за ворота и растянулись по дороге. Позади на машинах двигались полевая кухня, санитары и еще несколько пустых грузовиков. Остановимся мы — останавливаются и они. Через каждые десять километров привал.

Колонны потеряли стройность и растянулись по дороге. В глазах мельтешило, их щипал едкий пот. А мы шли и шли, и я думал только об одном: лишь бы не упасть, не упасть, не упасть!

Наш старшина идет рядом, серьезный, с нахмуренными бровями. А лейтенант Погребнев, наоборот, в каком-то радостном возбуждении. Усталость не берет его. Ему будто даже радостно, что путь такой длинный и трудный. А может быть, он нарочно идет будто играючи, чтобы нас подбодрить.

Я оглянулся на своего соседа в походе Юру Козлова, русского парня из Тамбова. Его осунувшееся лицо залито потом.

— Ну как, Юра?

— Порядок!

А какое там «порядок»? Еле идет... Когда-то я читал в одной книге, что в длинных переходах нужно сосать сахар, и захватил с собой пачку пиленого.

Протянул кусок Юрке:

— Соси.

Он удивленно посмотрел на меня, но положил сахар в рот. Потом я дал по куску другим ребятам, а Коле Назаренко — известному сластене — даже два. Не знаю уж, помог ли нам сахар, или мы втянулись и пришло, как говорят спортсмены, второе дыхание, но идти стало вроде бы легче, и лейтенант Погребнев уже реже кричал: «Взвод, подтянись!»

Впереди показался мост. Родилась надежда, что где-то возле него будет очередной привал. До чего же длинными казались на этот раз десять километров! Теперь я не чувствовал уже ни рук, ни ног. Иду ли я? Похоже, что иду: не ноет натертая шинелью шея — она начинает ныть только во время остановок. Значит, идем. Саперная лопатка бьет по ногам. Надо разозлиться, но и на злость не хватает сил.

Что такое? Командир роты идет в нашу сторону. Что-нибудь случилось?

— Рота! Слушать мою команду! Мост разрушен. Мы должны занять противоположный берег. Первый взвод, вперед!..

Эх, развеселая жизнь! Целехонький мост называют разрушенным!.. Погребнев вынул из кобуры пистолет.

— Взвод, за мной! — крикнул он и кинулся к прибрежным кустам. Мы взяли автоматы наперевес. — Вперед перебежками. Ура!

И вот удивительно: действительно, мы побежали, проваливаясь в мокрый снег. Откуда только снег взялся? Я бежал одним из первых, и, когда вскарабкался на крутой откос и очутился возле лейтенанта, он спросил:

— Устал?

— Никак нет, — ответил я, еле переводя дыхание.

— Молодец, Феруз! Герой!

Когда подошла полевая кухня, он шутливо распорядился:

— Иноятову две порции! Заслужил!

На серых от пота лицах солдат засветились улыбки. Смеяться ребята уже не могли, потому что для смеха тоже нужны силы.

Возвращались мы на машинах. Дремали, чувствуя, как отдыхает тело, отходят отекающие ноги. И, казалось, не успели оглянуться, как уже были в части. Объявили двухчасовой перерыв. Одни стали мыться, другие стирать белье. Я лежал пластом. Ноги горели и так распухли, что напоминали домру. Но нас подняли и вновь заставили выстроиться. Наш взвод занял первое место, и нам объявили благодарность.

И мы радовались. И не этой благодарности, нет, а тому, что тяжелый этот поход как бы заставил всех нас поверить в свои силы.

6

Прошло больше месяца. Началась весна. Кругом все зазеленело. У нас под Ташкентом весной степь цветет. Все зацветает. Здесь природа посуровее, но весна тоже чудесная.

Однажды в наш выходной подходит ко мне Юра Козлов и сообщает:

— Там у ворот тебя девушка спрашивает.

— Что за девушка?

— Тебе лучше знать! — заговорщически подмигнул Юра.

Я побежал к воротам... Там стояла Катя.

— Ты нас совсем забыл, Феруз. — Катя глядела в сторону, носком ботинка старательно приминая землю.

— Ведь на службе... У нас знаешь...

— Почему же Погребнев находит время?... Через вечер у Вали.— Медленно заливаясь краской, она исподлобья взглянула на меня.

— Погребнев — офицер, у него есть свободное время...

— Идем к нему! — вдруг сказала она и, словно девочка, потянула меня за рукав.

— Нет, нет. Надо отпроситься у старшины.

И я отправился искать старшину. Еле нашел его за кухней. Он курил с четырьмя сержантами. Заметив меня, крикнул:

— Иноятов, тебя лейтенант ищет. Быстро к нему домой!

Взявшись за руки, мы побежали с Катей от ворот. Из окон погребневской квартиры доносились звуки протяжной русской песни. Пластика. Сильный мужской голос начал подтягивать.

До чего же русские любят песню! И все поют. Умеют ли, не умеют, а как услышат — не могут удержаться, сразу подхватывают.

Мы постучались.

— Голодные? — вместо приветствия крикнул Погребнев.

— Я сыт, а Катя... Не знаю.

— Катя свое получила — пила и ела...

«Ага, значит, она здесь уже была...»

— Станцуйте-ка с Катюшей... Давайте сменим пластинку, а то девушки скучают, — предложил лейтенант.

— Товарищ лейтенант... можно нам погулять... у нас с Катей разговор...

— Валя, как ты на это смотришь?

Многозначительно посмотрев на меня, девушка без колебаний решила:

— Давно не виделись... Пусть идут!

— Ну ладно, идите!

Мы вышли из дому. Катя спросила:

— К той одинокой березе?

— Да...

— Отсюда четыре километра...

— Хоть сто! Мы, знаешь, какие марши совершали!

Начали подниматься на песчаный косогор. Вдали показалась возвышенность — вся белая, похожая на наши хирманы с хлопком. По сердцу моему прокатилась теплая волна.

— И у вас сеют хлопок?

Катя недоуменно подняла брови.

— Вон там, видишь? — показал я на белевшую возвышенность.

— А... Так это же птицеферма, — улыбнулась девушка.

Мы рассмеялись.

Миновав лес, вышли на просторную поляну. И увидели ту белоствольную березу, покачивающую на ветру длинными нежно-зелеными ветвями. К ее подножию прижался небольшой холмик. Его прикрывала плита. На ней надпись:

Колхозному бригадиру

Никифору АРХИПОВУ

и

бойцу ШУРИКУ,

от Надежды АРХИПОВОЙ

Сняв пилотку, я долго молчал. К глазам подступали слезы. Мы уже знали, что в этих местах покоятся сотни солдат, погибших в боях, которые здесь бушевали. Но эта могила... Одинокая береза, будто прикрывшая своими ветвями покой солдат. Эта

скромная плита... И эта странная надпись: «Бойцу Шурику...»

Мы медленно пошли назад... Нет, это не мой брат. Но, может, мой брат тоже покойся где-то здесь...

— Катя, а в селе кто-нибудь знает историю этой могилы?

— Ты бы лучше спросил, кто ее не знает... А березу эту посадила моя мама. И плита ее... Получила премию в колхозе за птицу и заказала плиту.

— А почему «Шурику»? Почему нет фамилии?

— «Шуриком» бойца называла моя мать. На самом деле его звали не Шурик, а как-то по-другому, он был нерусский, и имя такое мудреное...

— Так это он был узбек?

— Да, он был узбек.— Катя внимательно смотрела мне в глаза.— Он был узбек. У мамы есть его карточка. На обороте нерусская надпись. А вот адреса он не оставил. И фамилию забыли. Пойдем к нам—мама покажет.

— Значит, он был жив, когда его видела твоя мама?

— Жив. Мать две недели выхаживала его. Умирая, он просил не сообщать родным о его смерти. Он сказал, что мать не вынесет утраты и что лучше остаться для них пропавшим без вести. Пусть мама живет, ожидая его...

— Вот человек! — вырвалось у меня.

— Да, хороший человек,—согласилась Катя.

— И ты знаешь, как он погиб?

— Конечно. Весь наш колхоз знает.

И Катя рассказала:

— Когда немецкие танки прорвались сюда из-за Волги, три наших разведчика засели в силосной башне и по радио докладывали обо всем, что происходило на шоссе. А отсюда все очень хорошо видно. И по их наводке артиллерия обрушила на эти танки огонь. Немцы поняли, откуда напасть, и расстреляли башню из орудий. Она загорелась. Мать знала в тех местах каждую ложбинку, каждый бугорок. Когда артиллерия стихла, она пробралась туда.

— Ты говорила, что твой отец тоже погиб? Он погиб тогда же?

— Нет. Незадолго до этого его расстреляли как коммуниста...— Катя говорила размеренно и негромко, стараясь не выдать волнения.

— А он...

— Не мешай,—опять остановила она меня.—С финской войны папа пришел инвалидом. Не стал эвакуироваться — думал, его, изувеченного, немцы не тронут. А его потащили на допрос, били... Он молчал... Ну и застрелили... Так вот, когда мама добралась до башни, она услышала тихие стоны. Подползла поближе. Видит, лежит черноволосый боец. Ранен. Да к тому же еще и обгорел. Наш боец... Она взвалила его на себя и потащила бесчувственное тело. Принесла домой, уложила, смазала опаленные места кислым молоком. Мазала и на другой день и на третий. На четвертые сутки раненый открыл глаза... Спросил про свои сапоги — у него документы там

были, письмо к матери и фотография. «Отправьте», — попросил он и вновь потерял сознание. Врача поблизости не было, шли бои, наши уже рвались за Волгу. К оме ожогов, у него было ранение в грудь. Мать старалась лечить бойца, как умела, своими домашними средствами. Прошло еще три дня. Бойцу стало как будто лучше. Подозвав маму, он сказал: «Не отправляйте письмо. Я писал, что иду навстречу смерти с важным заданием и если выживу, то никогда не умру. Вот я живой. Напишу другое письмо...» Мама так обрадовалась!.. Но он не дотянул до утра... Не написал.

Катя всхлипнула. У меня комок подступил к горлу, и я не мог говорить. До Катиного дома мы не проронили ни слова.

Вошли в горницу. Навстречу поднялась невысокая, худенькая женщина, похожая на подростка, и вопросительно посмотрела на дочь.

— Мама, познакомься. Этот товарищ из Ташкента. Земляк нашего Шурика... Я тебе о нем рассказывала.

Молча поздоровавшись и ни о чем не спрашивая, женщина достала из комода шкатулочку и вынула оттуда несколько листов пожелтевшей бумаги, исписанной химическим карандашом, и фотокарточку. Дрожащей рукой подала мне.

Чего только не бывает в жизни! Одни говорят — случай, другие — судьба. Взглянув на карточку, я даже вскрикнул. С нее смотрел наш Шукур-ака. Мой старший брат... Я сразу узнал его. И подумал: у нас, в далеком кишлаке, бабушка Зебо зимой и летом держит незапертыми ворота... все ждет. И мать никогда не говорит о нем как об умершем. Ах, жизнь, как ты безжалостна к матерям!

Все плыло у меня перед глазами. Попросив прощения у хозяйки, я повернулся и бегом бросился на улицу. Пробежал почти полдеревни, когда Катина мать, почти задохнувшись, догнала меня:

— Вот письмо с фотографией... Возьмите... Отдайте своей матери...

Я мягко отвел ее руку:

— Не надо. Я не возьму ни фотографии, ни письма. Мать столько лет ждет сына! Пускай ждет, зачем разбивать материнское сердце!

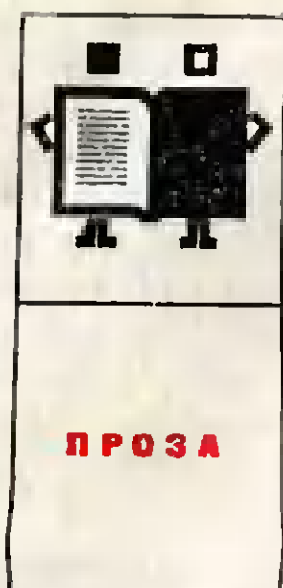
Женщина прижалась ко мне, обняла, поцеловала и, вытирая слезы, пошла назад.

На другой день я написал домой письмо:

«Дорогая мамочка! Я жив-здоров. Разыскиваю Шукур-ака. Обошел уже все кладбище, но ничего не нашел. Значит, не стоит искать его среди могил. Там лежат только мертвые. А Шукур-ака с боями прошел эти места. Вот и все.

Дорогая мамочка, я хочу стать смелым, находчивым бойцом. А если будет война, хочу вынести испытания и остаться живым, чтобы Вы не страдали. Жду не дождусь встречи.

Ваш Феруз».

Сергей Антонов

ЦАРСКИЙ ДВУТРИ- ВЕННЫЙ

Рисунки
Н. Цейтлина.

ПОВЕСТЬ

9

Коськин отец, Панкрат Данилович, диктовал письмо.

Машутка ела тыквенную кашу и жалостливо косилась на Коськино лицо, перемазанное чернилами. Коська писал медленно.

Чернила были разведены в граненом пузырьке. Ручка окуналась глубоко, писать было неловко.

— Еще требуется поставить под вопрос нашего заведующего пайторгом гражданина Васильева, — наставительно диктовал Панкрат Данилович, — который отпускает стиральное мыло дорожке частника, в дополнение к чему искусанное мышами. Я указал ему, что надо привлечь к ночному дежурству котов, а он по своей халатной относительности стал вокруг меня смеяться и строить надсмешки... — Панкрат Данилович поглядел в окно на мелькающие ноги, обутые в сапоги, туфельки и ботинки, и задумался о том, почему у каждого человека своя походка.

— Точка? — спросил Коська с надеждой.

— Нет, не точка. Пиши. — Панкрат Данилович указал на чистое место, где писать. — Я ему добром указал, что надо привлечь к ночному дежурству котов, а он меня ни за что обругал, как при старом

режиме, по-матерному. И прошу его поставить под вопрос, любезный двоюродный брат Серега, и поскорей испустить на него декрет. Бояться его нечего. Социальное происхождение у него ниже среднего, я узнавал. И жена бьет его насосом от велосипеда.

— Теперь точка? — спросил Коська, утирая нос лиловыми пальцами.

Эти письма были для него сущим наваждением. Примерно год назад Панкрату Даниловичу стало известно, что его двоюродный брат Серега стал большой шишкой — заместителем народного комиссара. Панкрат Данилович помнил Серегу смутно. Они учились вместе еще в прошлом веке в церковно-приходской школе в Кимрах, и тогда будущий замнарком прославился тем, что съел на спор ветхий завет вместе с картонной обложкой и с кожаным корешком и стал на некоторое время ходячим олицетворением библейского стиха: «Царство божие внутри нас».

Узнав от верного человека, что Серега «прошел в дамки», Панкрат Данилович приказал Коське и Машутке называть себя на «вы» и, кроме усов, отпустил еще и подусники.

Сапожным делом он заниматься бросил, чтобы не кидать тени на казенного брата. Днем он маялся от безделья, а после обеда выходил читать газету во двор, чтобы все видели. А жена его, Авдотья, выбивалась из сил, стирала на чужих с утра до ночи и уговаривала мужа, чтобы он увез ее в Кимры.

Продолжение. Начало см. в № 8 за 1969 год.

Панкрат Данилович велел терпеть и говорил, что скоро ей вся улица позавидует. Он надеялся приучить двоюродного брата к факту своего существования и показать ему свою гражданскую ценность. В результате столичный родственник должен вызвать его в Москву, дать комнату и назначить на командные высоты.

А когда его назначат на высоты, Панкрат Данилович справит зимнее пальто с широким поясом из шевра. После пальто он справит шевровое галифе и шевровые сапоги на высоких каблуках и, наконец, шевровые перчатки с раструбом, такие же, как у автобусных шоферов.

Предвидя заветный день, когда он выйдет на московский двор посидеть весь в шевре, Панкрат Данилович принялся за воспитание детей, чтобы они не оскрамлились в столице. Машутке было велено говорить «мерси» вместо «спасибо», а Коське — читать какую-то книгу, из которой были вырваны первые шестьдесят восемь страниц, а шестьдесят девятая начиналась словами «барон, рыдая, вышел».

В Москву было пущено уже писем двадцать, но ответа не было, хотя на конвертах по диагонали каждый раз писалось: «Вернись с ответом!» Очевидно, двоюродного брата отвлекали происки английских империалистов. Но Панкрат Данилович твердо надеялся на облегчение международного момента и каждую неделю сочинял письмо.

Заклеив конверт, он надевал картуз с высокой тульей и отправлялся на вокзал.

Хотя Панкрат Данилович в кавалерии не служил, ноги у него были кривые, каблуки сапог стесывались с наружной стороны. Для сохранения обуви Панкрат Данилович старался вышагивать по травке. На вокзале он опускал письмо в почтовый вагон, возвращался домой и несколько дней находился в приятном расположении.

Машутка доела кашу.

— Закусила? — спросил Панкрат Данилович.

— Закусила.

Он щелкнул ее по затылку.

— За что, папаня?

— А кто мерси позабыл?

— Вы же сами велели молчать...

— Рассуждать у меня еще!.. На чем остановились?

— На насосе, — сказал Коська.

Дверь хлопнула. Панкрат Данилович строго обернулся на шум и увидел башмачки с блестящими пряжками из жирной, как паюсная икра, кожи. Взгляд его скользнул по черным, нештопаным чулочкам, по коротким штанишкам из клетчатой шотландки, по белоснежной матроске с напуском и, наконец, по румяному лицу только что стриженного у парикмахера Славика.

Славик безмолвно стоял на циновке. Ему было известно, что, когда у Коськиного папы пишутся письма, надо соблюдать полную тишину.

Панкрат Данилович посмотрел на якорь, вышитый синим шелком на матроске, и сказал:

— Вон он какой. Беленький, как червонец все равно. Куда обрядился?

Панкрат Данилович покачал головой.

— У меня сегодня день рождения, — объяснил Славик застенчиво.

— Чего тебе?

— Левый башмачок жмет. Мама просила посмотреть.

— Обожди, — нахмурился Панкрат Данилович. — Видишь, человек занят... А ты чего встала? — спросил он Машутку. — Ступай во двор, стереги белье. И никуда не бегай. А то получишь горячих по тому

месту, где спина кончает свое приличное название... — Он покосился на башмачки Славика и продолжал диктовать. — Лакейское ремесло по части сапожного дела, которое досталось мне от старого режима, я прекратил целиком и полностью. В части гулянки и потребления алкоголизма — я человек серьезный. По праздникам выхожу с детьми на бульвар или повышаю культурный уровень. Против нашего дома — цирк, ходить за культурой недалеко. В мае месяце глядел номер «Адская кузница». Трое желающих из публики били молотками по наковальне на груди русского богатыря Кузина, и потом был исполнен жуткий номер, который многие из публики не хотели допускать. Некий желающий из публики разбил вдребезги на голове Кузина два больших кирпича без всякого вреда для здоровья. После этого вернулись домой и легли отдыхать. А перед тем кушали кофей. Чего не пишешь? — с подозрением спросил он Коську.

Панкрат Данилович прошел школу-передвижку ликбеза и имел справку, что грамотный. Но читать мог только по печатному, а писать не умел вовсе ничего, кроме цифр, и когда приходилось ставить подпись, подписывался каждый раз по-разному.

Поэтому Коська только первые два-три письма написал добросовестно. Это занятие опротивело ему настолько, что он стал пропускать слова, сперва длинные, потом и длинные и короткие и, наконец, целые фразы. И кусок письма, в котором рассказывалось о посещении цирка, выглядел приблизительно следующим образом: «Прошлый месяц «Адская кузница». Трое били Кузина, который не хотел допускать. Желающий разбил два кирпича и кушал кофей». И все. И чтобы скорей кончился листок, Коська приписал от себя: «Где вы теперь, кто вам целует палец!»

— Чего же ты больно мало написал? — спросил Панкрат Данилович.

— Это мало? Полпузырька чернил срасходовал.

— А ну перечти.

При всей своей тупости Коська обладал попугайской памятью. По отрывочным словам он мог без запинки восстановить почти точно все то, что ему было надиктовано.

Пока Коська, вроде бы с трудом, перечитывал, что написано, Славик озирался по сторонам.

В углу были свалены узлы грязного белья, на них спала Машутка. Она рассказывала, что зимой, когда работает паровое отопление, еще ничего, а летом такая сырость, что все мокрое: и простыни, и сахар, и страницы книги, которую Коська читает для культурного уровня.

В комнате было холодно, тянуло плесенью. Кровати были отставлены на полметра от сырых стен, чтобы ночью не щекотали мокрицы.

Но и в этом мрачном жилище было украшение. На комодке стоял молодец севрского фарфора в парике и в красном кафтане. Он играл на флейте. Золоченая флейта ослепительно блестела, и непонятно откуда брался свет для такого блеска: крошечное окошко под самым потолком давно не мылось, в дожди на стекла налипали черви. За окном непрерывно мелькали ноги, и в полуподвале весь день не прекращалось зыбкое мерцание...

Панкрат Данилович дослушал Коську, посмотрел на башмачки Славика и сказал:

— Так вот. Скажи своей маме, что мы этими делами не занимаемся. И заниматься больше не будем. Понял?

— Понял.

— Родитель выпил, небось?

— Нет еще. У нас пикник будет в роще. Мама

и Нюра поехали туда готовить. И гости приедут. Тогда и будут пить.

— А тебя не взяли?

— За мной Нюра приедет на извозчике. Они меня не взяли, чтобы я не мешался. Они там готовят.

— Ну так вот. Передай родителю мое уважение. И скажи, что я своему родному двоюродному брату письмо пишу. Заместителю наркома. Так и передай. На чем, Коська, остановились?

— Темно, папаня. Не видать ничего.

— Ладно тогда. Поставь точку. Пиши: имеются у меня мнения наладить кожевенное производство из кошек, собак и прочих подручных материалов и много других моментов всесоюзного значения, для которых надо выехать в Москву и поговорить серьезно. — Он печально поглядел на башмачки Славика. — У нас тут народ дикий, азиатский, смеются только и обзывают, а поговорить не с кем.

Он вздохнул и сказал решительно:

— Скидай!

Славик сперва не понял.

— Ну скидай башмак-то, — подсказал Коська. — Чего встал?

Панкрат Данилович перевернул башмачок вверх подошвой, поднял на уровень глаз, словно прицелился.

— Кто покупал? — спросил он.

— Это подарок. От мамы.

Панкрат Данилович вывалил на низкий столик сапожную снасть: ножики, молоточки, колодки, шильца, тупики, расправки — все, что нужно и не нужно, кинул на колени женин фартук, и полуподвал наполнился веселым перестуком, посветлел и ожил.

— А знаешь, как сапожник царского ювелира обманул? — хитро спросил Панкрат Данилович. — Не знаешь? Ну вот, не знаешь, а я знаю! — Дорвавшись до привычной работы, он подобрел, и его белое, асбестовое лицо разгладилось. — Приходит к сапожнику царский ювелир и давай возле него потешаться. «Твое ремесло, мол, против моего ничего не составляет. Я, — говорит, — для самого государя на золоте и серебре наисамые тончайшие узоры вырезаю. А у тебя, — говорит, — мужика, — фи! — вар да дратва». А сапожник ему: «Какой ты тонкий ювелир ни на есть, а подметку не вырежешь». Тот в амбицию: «Вырежу!» Ударил по рукам, поспорили на сотню целковых. Этот, ювелирный-то мастер, сел на липку, язык прикусил, старается. Резал, резал — вырезал. Действительно правда, вырезал хорошо, не как-нибудь. «Ну, — говорит мужик, — давай денежки», — Панкрат Данилович засмеялся. — Сапожник взял обе подметки, правую и левую, прислонил друг к дружке и говорит: «Да они у тебя, господин царский ювелир, неровные?» «Как неровные?» «А сам гляди: один носок направо, второй налево». — Панкрата Даниловича охватил такой смех, что ему пришлось отложить работу. — «Один, — говорит, — носок направо, второй налево. А хвастал!» — Панкрат Данилович весело застучал молоточком и кончил: — Законфузился царский ювелир, отсчитал сотню целковых и побег от греха... Вот как мы его! Не будешь вперед хвастать!

В дверь сунулась Машутка.

— Коська, тебя Таракан вызывает.

— Батя, я пойду, ладно?

— Ступай, — благодушно разрешил он. — Не забудь, вернись к кофею.

— А меня Таракан не вызывает? — спросил Славик.

— Тебя — нет. Коську.

Славик встревожился. Он был уверен, что дело касалось Зорьки. Надо бы выбежать, узнать. Но на

нем только один башмачок. Прошло пять минут, прошло десять.

Наконец башмачок был снят с правила и вручен клиенту.

— А сколько стоит? — спросил Славик.

— Чего такое? — протянул Панкрат Данилович угрожающе.

Сразу, как только закончилась работа, как только смолк веселый перестук молотка, к нему вернулась брюзгливая важность.

— Гляди, другой раз таких вопросов не спрашивай, — пригрозил он. — Я тебе не артель инвалидов, глупостями не занимаюсь. Я тебе не сапожничал. Доказал уважение твоему родителю, и только. Так отцу-матери и передай. Мы в ваших деньгах не нуждаемся. У нас своих хватит...

Славику не терпелось бежать за ребятами, но отставной сапожник продолжал свои поучения:

— И еще передай: скоро убывает от вас Панкрат Данилович! Насовсем убывает. Так и передай. Будете тогда поминать. Был, мол, Панкрат Данилович, да весь вышел. Понятно тебе?

— Понятно! — сказал Славик и выскользнул за дверь.

10

Славик выбежал на улицу, оглянулся на обе стороны. Ребята были уже за домом портного Цейтлина. Коська нес под мышкой наволочку. Было ясно: они отправились в подвал за бумагой.

Вот какое безобразие! Славик рассказал про подвал и про Клешню, объяснил, где подвал находится, надоумил стащить у Машутки наволочку, а как дошло до дела — его забыли.

Он погнался, прихрамывая. Башмачок все-таки жал.

— ...а ворота заперты! — рассказывал Митя. — Спектакль затеяли в пользу деткомиссии. Декорацию привезли. Ворота заперли. Что делать? Гляжу — Танька. Говорит: сегодня в клубе спектакль представляют. «Хотите, — говорю, — товарищ вожатая, я ребят соберу, мы будем декорацию таскать?»

— Можно, я с вами? — спросил Славик.

Ему никто не ответил.

— Танька говорит: «У нас платить нечем, — рассказывал Митя. — Согласятся твои ребята за так?» Я говорю: «Конечно, согласятся. Поскольку спектакль в пользу деткомиссии, мы и за так станем таскать. Мы же сами дети». А Танька говорит: «Тебя приятно слушать, какой ты созрелый пионер».

Ребята засмеялись. Славик тоже засмеялся, хотя и не понимал сути дела.

Так, за разговорами, дошли до Профсоюзной улицы. Пионерская вожатая ожидала их на крыльце клуба. Славик как увидел ее, так и застыл на месте.

Несмотря на свой крайне несовершеннолетний возраст, он был чрезвычайно влюбчив. Внезапная любовь поражала его сразу, его маленькое сердечко включалось мгновенно, как электрическая лампочка.

Первым предметом его страсти была девочка Соня, дочь папиного сослуживца. Она училась в шестой группе. Потом он влюблялся в прислугу Нюру и в американскую артистку Мэри Пикфорд. Последним его увлечением была женщина по фамилии Бриллиантова. Ни Нюра, ни Соня, ни женщина с драгоценной фамилией, не говоря уже о Мэри Пикфорд, не имели никакого представления о том, какую бурю они вызывали в душе Славика.

Влюбившись, он больше всего боялся, как бы его избранница не догадалась, какое позорное чувство охватило его, и относился к ней надменно, заносчиво и, прямо скажем, невежливо.

Верностью Славик не отличался. Рано или поздно выяснялось, что все его дамы обладали каким-нибудь изъяном. Прислуга Нюра не умела кататься на велосипеде, и не было никакой надежды, что когда-нибудь научится. Мэри Пикфорд на каждом шагу целовалась (Славик терпеть не мог целоваться). Женщина по фамилии Бриллиантова тоже, вероятно, была неполноценной. Ее Славик не видел ни разу. Прочитал на афише фамилию — Бриллиантова — и влюбился.

В пионерской вожатой, стоявшей на крыльце клуба, никаких изъянов не было и быть не могло. Непонятно, как Митя даже за глаза смел называть это чудо в юнгштурмовке и портупее Танькой. Вожатая была курносая. Русые волосы свисали по бокам, как крылья буденовки. А ноги... При одном взгляде на сильные ноги, обутые в сандаlette с подвернутыми носками, становилось ясно, что она замечательно катается на велосипеде.

Таня стояла на крыльце клуба и жевала серку.

— А этого малыша зачем привели? — спросила она, причавкивая.

И голос у нее был удивительный, хрипловатый, сорванный от частого крика, как у мальчишки.

— Пускай! — защитил приятеля Митя. — У него сегодня день рождения.

— Веселись весь народ! — добавил Коська.

Как в чад, пошел Славик за Таней в зал, прошел между сидящими людьми, поднялся по приставленным ступенькам на сцену, где вихрастый комсомолец делал доклад, прошел, как в чад, вслед за Таней за кулисы и вышел на асфальтовый дворик.

— Это что за шаромыжники? — подскочил к Тане бритый гражданин, похожий на безрогого черта. — Где вы пропадаете? Докладчик уже отвечает на вопросы, а вас нет!

— Это не шаромыжники, Василий Иванович, а активисты, — объяснила она. — Они хотят приобщаться к искусству. Они будут носить декорации.

— Декорации? Вы что, больны? А где Ковальчук? Ну, знаете! — И безрогий черт умчался на сцену.

— Не бойся, — сказала Танька Славiku. — Это режиссер. Он не кусается. А теперь слушайте. После доклада мы будем исполнять пьесу «Гроза». Знаете, кто написал «Грозу»?

Славик знал, но не пожелал отвечать на дурацкие вопросы. А все-таки ему очень хотелось привлечь внимание Тани, и он сказал небрежно:

— А вон она, дверь! Вы не верили, а дверь — вон она!

Он сошел по бетонным ступеням в приямок, и ему сразу же стало ясно, что это та самая дверь, про которую говорил Клешня.

— Все правильно! Обита железом. И пломбы. Сюда и приходит Клешня.

Таня перестала жевать серку.

— Какая Клешня? — спросила она.

Славик надменно взглянул на свою королеву и подошел к другому приямку.

— Вот и окно. И форточка! Вот он тут подсматривал, когда его папу пороли нагайками...

Он оглянулся. Из-за спины вожатой Митя делал ему непонятные знаки. На лице Коськи появилось дурацкое выражение. Таракану стало до того противно, что он отвернулся.

Славик понял, что совершил тяжелую ошибку. До него дошло, что переноска декораций была хитрым

предлогом, чтобы попасть во двор. Проникнуть сюда другим путем было невозможно. Как только ворота заперли, остался один ход — через сцену. И если возникнет подозрение, что ребята собираются лезть в подвал, — Таня немедленно выставит всю компанию, и Зорьку съест злющий старичок.

— Кого пороли? — допытывалась вожатая. — Кто такой Клешня?

— Это вас не касается, — сказал Славик, глядя на нее влюбленными глазами.

Он произнес эту фразу твердо и отчетливо, хотя понимал, что после такой дерзости должно произойти что-то ужасное.

Но ничего не произошло.

— Тебя как звать? — спросила Таня.

Славик промолчал.

— Огурец, — сказал Коська.

— Ладно тебе, — заступился за приятеля Митя. — Его звать Славик.

— Подумаешь! Такой комар, а задается, — сказала Таня. — Ну-ка, встали по росту. Слушаем внимательно. Так. Ты, Славик, встань с краю.

Она достала из грудного кармана блокнотик, прекрасный узенький блокнотик, согнутый в дугу от лежания в грудном кармане, полистала его и объяснила, что и когда надо носить.

— Ну, мне пора! Я Кабаниху играю. «Что будет, как старики перемрут, — заговорила она старушечьим голосом, — как будет свет стоять, уж и не знаю...» Мне пузо во-о какое надо делать! Старшим будешь ты.

Она ткнула пальцем в Коську и, как мальчишка, побежала на сцену.

— Не рыдай, родная, успокойся! — ухмыльнулся Коська ей вслед. — погоди, сделает еще тебе режиссер пузо.

И ребята, посмеиваясь, стали разбирать тряпочные кусты, крашенные бронзой деревянные подсвечники и картонные пенечки.

Порядок действий был принят такой: как только начнется пьеса, Митя полезет через форточку в подвал, отомкнет изнутри шпингалеты и отворит окно. Коська будет стоять на страже у ворот. Через окно Митя и Таракан натаскают бумаги, сколько поместится в наволочку. Если явится вожатая или выйдет покурить пожарник, Коська должен свистеть на мотив «Цыпленок жареный».

— А я? — спросил Славик.

— А ты ступай Кабаниху глядеть, — гоготнул Коська.

Славик промолчал. Над ним имели право издеваться.

Прежде чем приниматься за форточку, Таракан дотошно обследовал обитую жестью дверь. Она была заперта на два висячих замка — один в петлях, а второй замыкал длинную кованую накладку. Дверь не отворялась много лет. Суриком были вымазаны не только створки, но и оба замка.

— Клешня тебе говорил, что там душа обитает? — спросил Таракан глумливо.

Он прикинул ухом к двери и прохрипел фальшивым голосом:

— Сестренка не приходила?

Ребята затаились. Прошла целая минута. Лицо Таракана делалось строже и строже.

— Ну, чего? — тихонько спросил Митя.

Таракан поднял палец.

— Туда другого хода нет? — спросил он шепотом.

Первый раз Славик видел Таракана растерянным.

— Нет, — сказал Славик. — Клешня говорил — нет.

— Ну-ка, Митька, послушай.

Митя застыл у двери.

— Тукает,— проговорил он испуганно.

Ребята притихли. Клешня не соврал. В подвале действительно обитала душа присяжного поверенного. Вдали, за Форштадтом, глухо прогремел гром. По низкому небу тащились черные тучи, цепляясь друг за друга, словно убогие слепцы. И сверху, и снизу, из всех углов надвигалась темнота.

— Коська, ступай на пост,— сказал Таракан чужим, призрачным голосом.

Подвальное окно находилось ниже уровня земли. Кирпичный приямок перед окном был накрыт железной решеткой. Таракан и Митя подняли решетку, прислонили ее к стене и прыгнули вниз.

— А мне что делать? — спросил Славик.

— Держи решетку. Чтобы ветер не свалил.

Славик встал над приячком и, сосредоточившись, взялся за прут.

Таракан возился с форточкой.

Он попробовал расстругать щель перочинным ножом, но дерево сделалось, как камень.

— Свети! — велел он Мите.

Митя стал чиркать спичкой. Таракан пытался просунуть клинок в щель, подцепить крючок.

— Без фомки не открыть,— бормотал Митя.— Фомку надо...

— Зажигай,— прошипел Таракан.

Не успел Митя чиркнуть, форточка хрюкнула и распахнулась, как будто кто-то дернул ее изнутри.

Митя шарахнулся.

— Порядок,— сказал Таракан.— Лезь.

— Кто?.. Я?..

— А кто? Я, что ли?

— Как же я полезу? Мне не забраться.

— Иди подсажу.

— погоди-ка, Таракан, погоди-ка,— забормотал Митя.— Идет кто-то. Вроде Коська свистнул?..

— Никто не свистнул. Да ты чего? Покойников испугался?

— Нет, что ты. А знаешь, Таракан, если бумага чернилом исписана, на базаре ее не возьмут... Да я не боюсь... Чего бояться... Обожди! Коська!

Издали, от ворот, доносился голос пожарника:

— А курить не можешь — и не приваживайся. Ничего в табаке нет хорошего, ни в части здоровья, ни в части возгорания...

— Я почти каждый день курю,— надсадно кашлял Коська.— Чем крепше нервы, чем ближе цель... А ваши дюже крепкие!

Он исполнял свою задачу отлично.

— Ну? — спросил Таракан с угрозой.— Два, три...

Выхода не было. Митя покорно залез ему на плечи, уселся на голове и вытянул ноги.

— Не дрожи! — приказал Таракан.

— Я и не дрожу... Это у тебя самого голова дрожит...

Пока Таракан прислушивался к пожарнику, Митя незаметно сунул в карманы по кирпичному обломку. Сделал он это без надежды на успех, от полного отчаяния, но кирпичики сработали безотказно. Ноги пошли легко, а дальше заклинило.

— Вот беда...— бормотал Митя, пока Таракан пытался протолкнуть его внутрь.— Не обедал бы, тогда бы прошел... Надо завтра натошак... Завтра пройду...

Славик, может быть, и пожалел бы приятеля, но он был занят своими грустными мыслями. У него возникло подозрение, что его деятельность по подерживанию решетки не имеет никакого смысла. Тяжелая решетка надежно упиралась в стенку, и, чтобы ее опрокинуть, была нужна немалая сила. Какой уж там ветер! Он, дурачок, ухватился за же-

лезный пруттик, радуется, что участвует в общем деле, а Таракан над ним просто издевается. Спрыгнуть бы сейчас вниз и сказать ему: «Довольно строить из меня дурачка! Ты сам трус и бездельник, много воображаешь, а ничего не можешь сделать. Сейчас я сам залезу в подвал, открою окно, натаскаю бумаги, продам ее на базаре и сам пойду выкупать Зорьку».

— Огурец! — слышался призрачный голос Таракана.

— Чего?

— Иди сюда.

— Зачем?

— В подвал полезешь.

У Славика екнуло в животе.

— Ну?

— Так я же... я же... решетку держу.

— Бросай. Прыгай.

— А если она упадет... Вон какой ветер.

— Прыгай, тебе говорят!

«Хоть бы пожарный пришел», — подумал Славик и прислушался.

Где-то далеко пожарник объяснял Коське:

— Отдельному человеку — вред, а народу в целом — польза...

В садике «Тиволи» заиграл духовой оркестр. Это значило, что пошел девятый час и гости давно в заречной роще.

— Два... три... — начал отсчитывать Таракан.

Славик не помнил, как это произошло, что он оказался в приемке, как уселся на голове Таракана и просунул ноги в форточку.

Опомнился он, больно ударившись о бумажные кипы.

В подвале была густая, как деготь, темень. В дальнем углу отчетливо тукало. Вдоль стен шуршало. Славик вспомнил, что от нечисти помогает молитва, залопотал: «Христос воскрес. Христос воскрес...» Постепенно глаза его привыкли к темноте. Он стал различать окно, бумажные кипы, тавровую балку, на метр торчащую из кирпичной стены, и темную, притаившуюся в дальнем углу бесплотную фигуру.

Душа присяжного поверенного сидела у самой стены на корточках и бормотала что-то отрывисто и сердито.

— Окно... — доносилось до Славика... — Быстро... Окно...

— Я... я залез в окно, — собравшись с силами, признался Славик и шаркнул ножкой. — Я больше не буду.

Он дрожал и внутри и снаружи, дрожал до ломоты в животе. Все части его маленького тела тряслись по-разному, как будто рука боялась меньше, а нога больше.

— Повыдергиваю... — сердито шипела душа, уткнувшись в угол носом. — Смотри... собачье...

Ругань становилась все грубее, замысловатей. Или Клешня что-то перепутал и папа его совсем не присяжный поверенный, или душа совсем одичала за годы одинокой жизни.

— Мне Таракан велел, — объяснил Славик. — Я больше не буду. У меня сегодня день рождения.

— Окно... Задрыга... Ноги повыдергиваю... Окно... — окатила его новая порция ругани, и, уловив знакомые сочетания слов, Славик вдруг понял, что низкие своды подвала обманчиво отражают шепот Таракана, а то, что он принимал за душу, — в действительности серый пласт штукатурки на кирпичной стене.

Вслед за этим он вспомнил, что надо открыть окно.

Он принялся торопливо чиркать спички. Ни одна не загоралась. Он догадался, что захватил коробок

потными руками, бросился к окну и стал ощупью искать шпингалеты.

Рама оказалась глухой — без створок, без шпингалетов, — намертво заделанная в оконную коробку.

Теперь уж никакого выхода не было. Форточка высоко. Подсадить некому. Одному отсюда не выбраться.

— Всего хорошего, — отчетливо проговорил Таракан в форточку. — Мы пошли.

— А я?.. — закричал Славик. — А я-то!..

Он стал хватать сырые, воняющие мышами бланки, папки, связки, все, что попадалось под руку, и пропихивать в форточку. Перепревшие бечевки лопались, обрывались, пачки разваливались, бумага сыпалась под ноги. Славик снова сгребал ее, хватал в охапку, проталкивал наружу, а Таракан и Митя подбадривали его.

Славик так увлекся, что совсем забыл бояться. Спихватился он оттого, что за окном была мертвая тишина.

И в этой мертвой тишине раздался голос режиссера:

— Так я и знал! И ворота настежь.

— Не может быть. — Это был голос Тани.

— С вами я не хочу разговаривать. А вы куда смотрели?

— Я за ворота не отвечаю. — Это был голос пожарника. — Я отвечаю за возгорание.

— Ну, знаете... — Голос режиссера слышался совсем близко. — Смотрите, какие бандиты! Открыли люк. Не хватало еще тут шею сломать.

— Я за люк не отвечаю, — сказал пожарник.

Загремело железо. Прямоок накрывали решеткой. Славик притаился. По инструкции Таракана, в случае появления посторонних нужно замирать на месте.

Шаги смолкли. Туго застонала задвижка ворот. Славик сел на бумажную кучу и стал ждать. Коротенькие мысли о том, что ему сегодня исполнилось одиннадцать лет, что гости съехались на пикник, что его ищут, возникали и затухали, не вызывая ни беспокойства, ни сожаления. Он почувствовал боль, пощупал руку. В том месте, где вышит якорь, матроска была порвана. Рука выше локтя раскорябана до крови...

В открытом прямоугольнике форточки виднелось бархатное небо и зеленые степные звездочки. Тучи разошлись. Мучительно набирая силу, загулел гудок лесопилки.

Славик насторожился. Десятый час ночи. Где же ребята? Неужели ушли домой, а его забыли? Набили бумагой наволочку и убежали. А он — пускай как хочет. Наплевать им на него, хоть у него и день рождения. И Таракану наплевать, и Коське, и даже Мите наплевать. Потому что он не такой, как все, — клин башка — поперек доска, — и никогда таким, как все, ему не сделаться.

II

Гости съезжались в заречную рощу. Лия Акимовна и Нюра хозяйничали там с полудня и, как водится, не успевали. Надо было развешивать цветные фонарики, готовить костры, студить в речной воде четверти с квасом, колоть сахар.

Несмотря на отчаянные возражения Лии Акимовны, гости послали Нюру за виновником торжества и за забытыми граммофонными иголками, а сами весело принялись помогать.

Роман взялся крутить мороженицу. Начальник участка Павел Захарович Поляков закинул удочку-самоделку. Его приемный сын, студент по имени Герасим, отправился собирать сушняк.

Один только Иван Васильевич был в мрачном настроении. «Очевидно, снова на службе неприятности», — решила Лия Акимовна и подошла к профессору Прессу обсудить погоду. Профессор был почетным гостем, и ему разрешили выпить и закутить, не дожидаясь Славика.

Профессор плотно сидел грузным низом под осиной, сложив ножки калачиком, и конструировал бутерброд со шпротами. Он стал объяснять про циклоны, которые теряют силу в предгорьях, но дослушать его не удалось: приехали Затуловские. Лия Акимовна надеялась, что они привезут только Соню (она училась в одной школе со Славиком). Но прибыло все семейство: инженер с женой, Соня и четыре сорванца-мальчишки.

— А Сонечка-то, Сонечка оформилась!.. — восклицала Лия Акимовна, целуя скучную жену Затуловского. — Берегите мужей, граждане!

Затуловский подвел Соню к профессору и дернул ее за руку.

Соня сказала грубо:

— Здравствуйте, — и покраснела.

Профессор поурчал немного и отозвался:

— Здравствуйте. Как вас величать, сударыня?

— Соня.

— Соня? — Он почему-то удивился. — Что поделиваем?

Соня промолчала.

— Перешла в седьмую группу, — объяснил отец. — Первая ученица.

— Ну, папа! — Соня покраснела еще сильнее.

— Первая? — Профессор снова удивился. — Вы что, красавица, хотите стать Ковалевской? Или мадам Кюри?

Соня знала, что она не красавица, что у нее толстые губы и прыщи, и ей стало невыносимо.

— Ты что, немая? — спросил отец.

Она тупо смотрела на профессора, на его матерчатые, похожие на заклепки пуговицы и ждала, когда ее кончат мучить.

— У тебя что, язык отсох? — прошипел отец.

Она молчала, упрямо выпятив прыщавый лобик.

— Больше никуда не поедешь. Так и заруби на носу!

В отдалении, у самого берега, лежал, наполовину в воде, старый осокорь. Он был завален молнией, но все еще выбрасывал свежие, зеленые ветки. Соня устроилась между толстыми сучьями и твердо решила просидеть здесь до конца.

Ей было тринадцать лет, и чувство человеческого достоинства у нее не замозолилось.

Притаившись среди ветвей, она заметила Ивана Васильевича. Он лежал у самого берега, в траве, и смотрел на реку, будто ни пикник, ни гости его не касались.

Он думал про Ольку. Недавно рассказывали, как ее вызвали к доске доказывать теорему о сумме углов треугольника. Доказательство она не выучила. Подумала немного, начертила прямоугольник, провела диагональ и говорит: «Вот и все». И действительно: в прямоугольнике четыре прямых угла — триста шестьдесят градусов. Диагональ раскалывает его на два одинаковых треугольника. Значит, на долю каждого треугольника остается сто восемьдесят градусов. Рабфаковцы гордились: вот, рабочая из инструменталки заткнула за пояс самого Евклида. Ольга хохотала вместе со всеми. Иван Васильевич очень любил ее такой.

В тот вечер, когда они натолкнулись на Славика с ирисками, Ивану Васильевичу все-таки удалось уломать Ольку побыть с ним немного, и они отправились в заречную рощу, он впереди, она саженой на десять позади его, как обычно.

Они пришли не на это место, а немного подальше, — пожалуй, с версту отсюда, — к заливику, окаймленному розовой, обожженной солнцем осокой. Осока росла густо, невозможно было разобрать, где кончается берег и начинается вода. На полянке стоял киргизский приземистый стог, туго обжатый слагами.

Они сели на пахучее сено. Он обнял ее.

Когда Ольга задумывалась, — казалось, она видела не то, что есть, а то, что будет. В тот вечер она была странно печальна. Иван Васильевич пытался вовлечь ее в свои мечты. Как только перевезут ферму, он разведется и увезет Ольку куда-нибудь на тихую степную станцию. Должность начальника участка его не страшит. Живет же Павел Захарович Поляков со своей Маргаритой Михайловной на малюсенькой станции и ничего лучшего не требует. В одной половине железнодорожного дома будет контора, в другой половине — квартира. Ольга разведет кур, а он зимой будет расчищать дорожки.

Обыкновенно Ольга подхватывала его мечтания, расспрашивала подробности про домик: будут ли во дворе сарайчики для дров и чем топить — кизяком или дровами.

Теперь она сидела, погруженная в смутные, темные думы, и не соглашалась и не возражала.

Часов в одиннадцать к берегу кубарем прокатился черный клубок, наверное, заяц. И вслед за ним из орешника выскочил волк. Он остановился, сгорбившись, поглядел на Ивана Васильевича, на Ольку и неловко, как стреноженный, повернул назад.

Когда волк скрылся, Иван Васильевич почувствовал, что Ольга ничуть не испугалась. Ее бесчувственность еще больше встревожила его.

Он походил вдоль берега, разыскал ветхую плоскодонку и, хотя Ольга отговаривалась, что поздно, упрямился покататься.

Кругом было тускло, печально. На реке полосами стоял туман, такой густой, что его можно было отодвигать, как занавеску...

— А у тебя бывает так, Ваня, что ты чувствуешь, когда об тебе думаю? — спрашивала она ни с того ни с сего. — Я, к примеру, за сто верст думаю о тебе, а ты чувствуешь. А? Бывает?

Он рассказывал о предчувствиях и суевериях, шутил, что потусторонние силы на комсомолок не действуют. Она слушала плохо. Не дослушав, спрашивала:

— А ты, Ваня, помнишь избушку, где, к примеру, твоего дедушки дедушка жил? Никогда не видел эту избушку, а помнишь. Может так быть?

Он греб доской. Ольга механически вычерпывала воду...

Он вздрогнул. Подошла Лия Акимовна.

— Иван, я начинаю беспокоиться. Девятый час, а Славика нет...

— Надо было не Нюру посылать, а ехать самой.

— Как же я могла ехать от гостей?

— Так что же выходит — я должен ехать?

— О, боже! Терпенье, говорил генерал Куропаткин...

Так до самого конца Ольга и не открыла причины своей печали. «Если бы был замешан мужчина, она сказала бы, — подумал Иван Васильевич. — Она смехотворно искренна. Она бы сказала».

— Может быть, она не может найти граммофонные иголки? — спросила Лия Акимовна.

Иван Васильевич поморщился. Что за привычка задавать дурацкие вопросы?

— Я же ей толковала,— продолжала Лия Акимовна.— Коробка на трюмо.

Она постояла возле него в нерешительности, посмотрела на небо. Ветер поднялся снова и дул капризно, в разные стороны. Вдали за Форштадтом глухо прогремел гром. По низкому небу тащились черные тучи, цепляясь друг за друга, словно убогие слепцы.

— Так ты считаешь, волноваться не стоит?

— Конечно, не стоит. Никуда твой Славик не денется. И нельзя больше мучить гостей. Герасим хочет есть.

— Ты думаешь начинать без Славика?

— А что такого?

— Несчастный ребенок! — вздохнула Лия Акимовна.

Он посмотрел, как неловко она переступает на французских каблуках по кореньям, обряженная в кружева и пелерины, словно кардинал на пасху, услышал, как она крикнула: «Разбойнички! Собирайтесь. Начинаем кутить!» — и его передернуло.

Гости стали располагаться вокруг скатерти. Тост в честь хозяина было предложено произносить специалисту по этой части инженеру Затуловскому.

Инженер Затуловский был завистливым неудачником. Он поддерживал затею Ивана Васильевича с перевозкой фермы только потому, что предчувствовал аварию. Впрочем, он презирал себя за грязные мысли и поэтому, подняв рюмку, расхваливал Ивана Васильевича особенно долго и красиво.

— Ох, как скучно! — сказала жена Полякова Маргарита Михайловна.

— А ты, мать, выпей чарку, будет весело,— посоветовал Павел Захарович и пошел проверять удочку.

Павел Захарович Поляков принадлежал к неистребимому племени российских самородков. В гражданскую войну он партизанил в Сибири, потом стал начальником участка, выдумал какой-то двухотвальный снегоочиститель, сам рассчитал узлы, сам вычертил эскизы, сам придумал название — «Носорог». Иван Васильевич помог ему только оформить чертежи как полагается. С Иваном Васильевичем они очень дружили.

У Поляковых было трое детей. Кроме того, Павел Захарович взял к себе жить сына своего погибшего на гражданской войне друга, и теперь этот парень, Герасим, учился в Москве во втузе. Летом Герасим приехал на геодезическую практику, и Павел Захарович привез его на пикник — похвастать, что получилось из бывшего грузчика.

— Возьмите меня, Иван Васильевич, на перевозку,— просился Герасим.— На любую работу. Я не забуюсь.

— А что? — подхватил Поляков.— Возьмем? Парень толковый.

— Бери. Все равно.

— Ты что как в воду опущенный? Захворал?

— Нет. Ничего.

Иван Васильевич велел Ольке обязательно позвонить ему на работу сегодня утром. Ожидая звонка, он не ходил ни в буфет, ни на диспетчерское совещание. Но звонка не было ни утром, ни днем. Иван Васильевич до того извелся, что к концу работы дерзил без всякого повода. Она так и не позвонила.

Что с ней случилось? Чем он перед ней провинился? Ну, подтрунивал немного, когда катались на лодке, ну, повздорили, когда вернулись на берег и Иван Васильевич хотел еще немного посидеть в сене. Она возразила, что поздно, просилась домой.

Иван Васильевич настаивал. Оляка, обыкновенно послушная и снисходительная к нему, на этот раз уперлась: «К завтраму надо решать задачки по физике». Он упрямо сидел в сене. Она причесывалась шагах в двадцати, на тропинке, ждала, когда он поднимется. И, не дождавшись, пошла одна, и ему пришлось догонять ее, как мальчишке.

Потом они шли рядом по пустым улицам и почти не разговаривали.

Они дошли до дома, в котором уже четвертый месяц Оляка снимала комнату. Иван Васильевич хотел зайти. Она не позволила. «Уже поздно. К завтраму надо решать задачки по физике».

— Ну, смотри... — И Иван Васильевич отпустил дурацкую шутку: — Не стану квартплату вносить. (Три месяца назад он настоял, что будет оплачивать ее комнату.)

— И не надо, — сказала Оляка серьезно.

— Другого кассира нашла? — спросил он.

— Да, — сказала она бесчувственно. — Нашла другого.

И только когда за ней захлопнулась дверь, он понял, что они поссорились.

Он отворил дверь и крикнул в темноту:

— Оляка!

Она не вернулась, но остановилась на темной площадке лестницы.

— Не дури, Оляка! — крикнул он. — Завтра утром обязательно позвони! На работу, слышишь?

Она не ответила, стала подниматься.

Было слышно, как она постучала на втором этаже, как щелкнул запор и хлопнула дверь.

Иван Васильевич отошел на другую сторону улицы, встал наискосок к дому, так, чтобы его не было заметно, и ждал, сам не зная чего. В ее окне вспыхнул свет и минуты через три погас. «Решает задачки по физике», — мрачно усмехнулся Иван Васильевич.

Он не уходил и все ждал чего-то. По улице проехал грузовик, светя левой фарой, и на белой стене Олькиного дома сытыми котами стали выгибаться тени. Медленно прошел старенький ночной сторож. В руке его сама собой билась колотушка.

«Но позвонить-то она могла в конце концов!» — подумал Иван Васильевич...

— Иван, — ворвалась в его думы Лия Акимовна. — Что же будем делать? Я уверена, со Славиком что-то случилось.

— Сама посуди. Что с ним может случиться?

— Но уже девять.

— Так что ты от меня хочешь?

Он встал и пошел к берегу, стал помогать Роману собирать валежник.

— Выпьем, сосед, под рыбку? — предложил Роман.

— Что-то не пьется. Почему Клашу не привез?

— Она у меня чудная. Угорает, когда много говорят. А тут вон какая конференция.

— Скучаешь?

— А то нет, — просто ответил Роман. — Конечно, скучаю.

— Хорошая она у тебя.

— Да. Хорошая хозяйка. И у тебя Лия Акимовна хорошая, — добавил он деликатно. И они выпили за своих жен.

А шум у костра стоял такой, что угореть могла не только Клаша.

— Аксиомы, стандарты, константы — неподвижные понятия механической науки — враждебны диалектике, а следовательно, и чему? Революционной мыс-

ли, — объяснял профессор. — Не удивительно, что психология инженера реакционна и консервативна. Только единицы способны усвоить новое мировоззрение. Мой коллега по сей день называет Ленинград Петроградом.

Он сделал бутерброд со шпротинкой, съел его и промокнул румяные губы.

— А меня во втуз записали, — вздохнул Герасим. — При всех объявляю: только из уважения к Павлу Захаровичу учусь.

— Не век же тебе мешки грузить, — проговорил Поляков. — Сядешь на чистую работу. Никакого позора нету.

— Как же нету? Кто я такой был? Базис. Пролетарский крючник. А во втузе чего из меня лепят? Гнилого оппортуниста. На кой черт мне это сдалось?

— Дело не в базисе, — сказал Иван Васильевич. — А в том, кому ты своими знаниями служишь.

— А кому я могу служить, когда я консерватор? Слышали? — Он кивнул на профессора.

— Твой отец велел, чтобы я тебя вывел в люди, — твердо сказал Поляков. — И я выполню его волю. Втуз ты окончишь.

И в знак того, что его решение обжалованию не подлежит, выпил чарку водки.

— Институт ты окончишь, — повторил Поляков. — А там как хочешь. Одолеешь науку — подавайся обратно в крючники.

— И пойду. Хотя дети будут иметь пролетарское происхождение. А тут они что в анкете станут писать? Произойшли от обезьяны?

— Ты комсомолец? — спросил Поляков.

— Ну, комсомолец.

— Так как же ты смеешь так рассуждать? Кому было сказано: «учиться, учиться и учиться»?

— Не мудри, Герасим, — добавил Иван Васильевич. — Мы, вон, с твоим Павлом Захаровичем — путейцы, другими словами, извозчики. И никакой разницы между нами нет: меня сделали интеллигентом в институте, а твой Павел Захарович сделался интеллигентом сам. А петрушку про неполноценных интеллигентов придумали сами интеллигенты.

— Причем неполноценные, — уточнил Роман Гаврилович.

И Соня увидела, что он оглянулся на ее папу.

Затуловский давно жалел, что приехал. Беседа приняла скользкий характер. В довершение неприятностей Затуловский отсидел ногу. Он крутился и так и эдак, ложился на бок, упирался на локоть, садился на корточки, но все не мог найти удобного положения. Он решительно не умел сидеть без стула.

— Пролетариату не нужны интеллигенты, а нужны интеллигентные рабочие, — сказал он, но спохватился, что, пожалуй, слишком заметно поддакивает профессору, и решил завернуть фразу так, чтобы она не обидела Ивана Васильевича.

— Именно поэтому, — продолжал он, — мне кажется, профессор не совсем прав, когда нападает на втузы. В наше время втузы служат пролетариату...

— А вот втузы профессор ругал как раз правильно, — перебил Иван Васильевич. — Нового человека надо учить по-новому. Нынешний молодежь хочет, чтобы его учили не зубрить, а мыслить.

— А почему вы знаете, что хочет нынешний молодежь? — спросил Герасим.

— Знаю... — Иван Васильевич вспомнил Ольку и смутился. — Предполагаю, во всяком случае.

— Мы, например, в нашей группе, мечтаем, чтобы скорее кончалась ученая талмудистика и чтобы нас скорее отправляли на линию. А наши комсомолочки — у нас их четыре штуки — спят и видят, как

бы у какой-нибудь тетери отбить мужа с кошельком.

Иван Васильевич испытующе посмотрел на студента. «Неужели и до него дошло?» Герасим поджаривал над углями наколотые на прутик куски окуня. Настойчивый взгляд инженера он понял по-своему, улыбнулся и проговорил:

— Сейчас угощу. Обождите.

— Зубрить, конечно, нужно, — басил Поляков. — На то она и теорема Пифагора, чтобы ее зубрить. Однако зубрежка — полдела. Другой раз слушаешь мудреца: слова длинные знает, а подогнать их путем друг к дружке не может.

— Это не ново, — возразил Затуловский. — Об этом еще древние греки толковали.

— Вон я какой! — удивился Поляков.

— И Сократ в том числе.

— А кто он будет — Сократ?

— У вас как с образованием? — тонко улыбнулся Затуловский.

— Образование у меня ускоренное. — Поляков вздохнул. — Кочегарил на паровозе. Когда машинист напивался, я становился за регулятор. Потом курсы. Тоже ускоренные. И все. Теперь только и дорвался до книги. Маркса прорабатываю. «Капитал».

— Вам, я думаю, достаточно усвоить основы. С машиниста не спрашивают, как Стефенсон додумался до локомотива.

— А у нас с вами локомотив-то какой, позабыли? — Поляков подмигнул. — Не маневровая «овечка». Наш паровоз — вперед лети! В коммуне остановка!

— На одном Сократе сейчас далеко не уедешь, — добавил Иван Васильевич.

«Зачем они смеются над папой? — думала Соня. — И Поляков и Иван Васильевич смеются. А я, дурочка, учила поздравительные стихи. Не буду говорить Славику никаких стихов».

Она подошла к костру и сказала:

— Мама, я хочу домой.

— Батюшки! — спохватился Поляков. — Хороши кавалеры! Про барышню позабыли!

Он взял у Герасима палочку с наколотым куском окуня и с поклоном протянул его Соне.

Губки ее дрогнули.

— А еще Маркса прорабатываете, — сказала она громко и отвернулась.

Возникло неловкое молчание.

Затуловский приблизился вплотную к дочке и, страшно мигая, прошептал:

— Ты сейчас же пойдешь к Павлу Захаровичу и попросишь прощения. Или... или... я не знаю, что с тобой сделаю.

Соня не двинулась. Он замахнулся.

— Ну-ну-ну... — Иван Васильевич крепко обнял его за плечи. — Мы с вами члены общества «Друг детей».

— И, черт с ней! — кричал Затуловский. — Видеть ее не хочу!.. Вырастила урода! Вот оно, твоё воспитание!

Соня увидела, как испуганная мама торопливо, по-кроличьи дожевывала кусок. Это было непереносимо. Она бросилась в темную чашу.

— Зачем вы ее так? — проговорил Поляков с упреком.

Прислушались. Мучительно набирая силу, загудел гудок лесопилки. Больше ничего не было слышно.

— Сейчас я ее приведу, — сказал Иван Васильевич.

Он отыскал девочку далеко в лесу. Она рыдала бесшумно, как взрослая.

— О чем плачем? — спросил Иван Васильевич.

— Я не буду стихи... Уходите...
— Какие стихи?
— Читать стихи... Славику... Не буду... Уходите...
Ваш Славик противный. Я убегу.
— Зачем убегать? Я тоже не люблю стихов. «На добра коня садясь, в путь дорогу снаряжаясь...» Чепуха, правда?

Соня засмеялась сквозь слезы.

— Пойдем.

Она брезгливо отвернулась.

— Имей в виду, сюда забегают волки.

— И пусть.

Он улыбнулся украдкой. Много в новом укладе непонятного, а все-таки правильно скинули царя Николая. Россия тронулась с места. Поднимается молодая поросль, немыслимая при старом режиме, растет племя, которое не переносит унижения и не понимает, что значит лебезить и подлаживаться. Толстогубая, колючая девчонка. Вот бы Славик вырос таким!..

Листва зашумела. Ветер принес теплый запах сена. Иван Васильевич восторженно и полез напролом, как лось, сквозь папоротник и прутья орешника. Да, это было то самое место: ночная поляна, осока, киргизский стог, утонувшая наполовину плоскодонка. Пустая консервная банка, которой Оля вычерпывала воду, плавала между лавочками. Никто со вчерашнего дня сюда не заходил. Плоскодонка была привязана к пеньку Олиными руками. Иван Васильевич вспомнил, что Оля не позвонила, помрачнел и пошел обратно.

Дело было плохо. Прислуга Нюра вернулась без Славика.

— А вам, Лия Акимовна, в глаза скажу! — кричала она пронзительным, частушечным голосом. — Я такой человек. Дитя пропало, а вы тут гульбище затеяли, хлебным вином заливаются! Ивану Васильевичу простительно, у них мужской пол, им ништо, а родной матери стыдно! Мыслимо ли дело: к сапожнику кинулась — ничего не знает, к Клашке кинулась — ничего не ведает! Пока бегала, иголки потеряла, — давай по второму разу скакать! А у меня главный нерв в расстройстве! Так и воротилась без иголок! Высчитывайте с жалованья, сколько хотите берите, я такой человек! Я бы еще прошлый год ушла: сманивали меня, давали кровать с сеткой, обедать вместе с хозяевами. Мое люди уважают! Не как вы! У меня голова не для платка!

На этих словах кусты зашелестели, и из гущи орешника появился грязный, оборванный Славик. Он остановился, осмотрел всех по очереди и нерешительно прошествовал к костру.

Нюра взвыла на полуслове и села на землю.

— Где ты был? — спросила Лия Акимовна тихо.

— А что? — Славик открыл треугольный ротик. — Я опоздал разве?

Лия Акимовна заплакала. Но подскочил веселый Герасим, вскинул Славика на плечо, козлом заскакал вокруг костра. Все зашумели, засмеялись, стали корить Нюру, и все перепуталось.

12

Рассуждающий человек способен приспособиться к самым противоестественным обстоятельствам. Даже падая в бездну, рассуждающий человек постепенно выходит из состояния слепого, животного ужаса и начинает предаваться размышлениям о том, что все действительно разумно, а все разумное действительно.

Замурованный в подвале Славик довольно быстро устал бояться духов и привидений. Он прошел в дальний угол посмотреть, что там тукает. Ничего особенного не тукало. Просто с сырого потолка на картонную папку капала вода, и капала давно, потому что в картоне была пробита дырка. А шуршали мыши, — это он давно догадался.

Потом Славика стали развлекать мысли о голодной смерти. Через много лет, когда откроют подвал, вожатая Таня увидит белый скелет, обутый в новые башмачки, и подумает с грустью: «А ведь он меня так любил!»

Сцена эта представилась настолько отчетливо, что Славик содрогнулся. Он встал на подоконник и, поднявшись на цыпочки, дотянулся до нижнего края форточки. Нет, форточка слишком высоко. Можно бы попытаться выбить стекла. Но на шум прибежит пожарник и отведет его в милицию. Кроме того, осколки режутся.

Славик сел на прежнее место и стал думать. Ему пришло в голову выложить на подоконнике бумажные кипы. Он принялся за дело, нагромоздил кучу папок чуть ли не с метр высотой, влез на них и сунул голову в форточку.

Свежий ночной воздух обдал его. Во дворе было тихо. Пьеса кончилась, зрители разошлись. Он пролез в форточку до пояса, но в последний момент спохватился: а как вылезать из прямка? Ведь прямок накрыт тяжелой решеткой. Там надо тоже подмоститься. Славик опустил обратно на подоконник и принялся выбрасывать наружу самые толстые папки. В прямке он сложит бумажные подмости, встанет на них, упрется спиной в решетку, отодвинет ее и пойдет...

Куда он пойдет, Славик не успел придумать.

Во дворе слышались голоса. Пришлось притаиться. К подвалу подошли две женщины. Одну из них Славик узнал сразу: она жевала серку, причавкивая. Это была вожатая Таня.

— Врешь! — сказала Таня.

— Ей-богу, не вру! Стоит бледный, затурканный. Чулочки в рубчик — натянуты на резиночках. Стоит — ирисками торгует... — Танина подруга вздохнула и спросила: — Как думаешь, может, ушел?

— Погоди здесь, — велела Таня. — Схожу посмотрю.

— Гляди, чтобы не увидел.

— Учи ученого, — откликнулась Таня.

Они от кого-то прятались.

Минуты через две Таня вернулась.

— Ждет, — сказала она. — Что будем делать?

— Постоим. Может, уйдет.

Голос второй женщины тоже был знаком Славику, но он не мог вспомнить, когда его слышал.

— Видишь, какая моя жизнь. — Танина подруга вздохнула. — Прохода не дает. И в мастерских караулит, и в клубе, и под квартирой.

— Молодой еще, — сказала Таня. — С повышенной возбудимостью.

— Сколько раз я ему говорила: «Мотрошилов, — говорю, — какой тебе расчет за мной таскаться? Вон сколько свободных девчонок. А со мной ничего не выйдет. Я занятая». А ему хоть бы что. А ну его к шуту! Уйдет. Ему в первую смену... Так вот, об чем мы толковали?.. Да! Глянула я на него, и с места не сойти! Стоит со своей коробочкой и шепчет, чувствуешь, Танька, не выкликает товар, а шепчет, будто милостыню просит... Не петрит ничего. Не укоренился еще, не уцепился еще корешками...

— Не понимаю я этих мужчин, — сказала Таня. — Как дети малые. И чего он сошелся с этой сквореч-

ницей? У них, заморенных образованием, приглушен инстинкт полового подбора. И в результате — несчастные дети.

— Детей чего жалеть, — сказала подруга. — Его самого жалко. Я тебе вот чего скажу. Он стыдится его. Когда он наткнулся на него, с коробочкой, ему совестно стало. Ему кажется, растет от его корня что-то обреченное, неизлечимое... А своя кровь... Другие с горя дурманы водкой, а он — работой. Разве мыслимо: управление, потом рабфак, лекции по НОТу. В итоге он очень несчастный, если ты хочешь знать.

Они замолчали на минуту.

— Когда собираетесь расписываться? — спросила Таня.

— Он — хоть завтра.

— Так чего же ты? Давай быстрее. Спасай человека.

— Знаешь, Танька, для него бросить такого пацана — все равно что увечного бросить. Он еще не понимает этого, но поймет. Настоящие мужики за дешево не спасаются. Сама знаешь... Послушай, Танька, помоги мне в комсомольское общежитие переехать.

— Зачем тебе?

— А затем, что я за него не пойду.

— Да ты что?

— А то, что не пойду. Не имею права.

— Любая свободная гражданка имеет полное право на свободную любовь, — убеждала Таня подругу, сердито причавкивая. — Теперь не старый быт, и мужчина не частная собственность.

— Поможешь устроиться в общежитие?

— Учти: там насчет парней строго. Застанем на койке кавалера — будешь без очереди полы мыть.

— Вымою.

Они снова замолчали.

Славику до смерти надоел буксующий на одном месте разговор про мужчин, и он удивлялся, как у самой умной пионерской вожатой хватает терпения выслушивать одни и те же слова и одни и те же фразы о жалости, о несчастных детях, об общежитии.

Хотя бы скорей уходил Мотрошилов. Тогда и они уйдут, и Славик наконец побежит справлять свой день рождения.

— Что же ты, — спросила Таня, — так с ним жить будешь?

— Никак не буду. Не надо мне больше видеть его.

— Нет, тебя определенно заел старый быт. Ты смотришь только со своей колокольни. А ты, если ты комсомолка, в первую голову должна думать о будущем, о половом подборе и здоровом поколении.

— Поможешь устроиться в общежитие?

— Помогу. Но подумай сперва. Сама не выдержишь. Позвонишь.

— Это верно. Не вытерплю. Целый день какой-то магнит тянул к телефону. Все кулаки искусала.

— Сдержалась?

— Нет. Позвонила в конце концов. Бог спас: барышня сказала, занято.

— Что ты на каждом шагу бог да бог.

— Не бойся, в бога я не верую. Нет бога. А что-то такое есть.

— Что-то такое — это он. Больше никто. Сегодня не позвонила — завтра позвонишь.

— Это верно. Сама с собой я не совладаю. А я замуж пойду. Пусть меня муж крепче держит. Пусть не дает баловать.

— Какой муж?

— А хоть Гринька. За него и пойду, если не побрезгует.

— За Мотрошилова? Да ты его не любишь.

— А зачем ему это? Женой ему буду честной. Ему много не надо.

— Ладно, не барахли. — Таня волновалась и часто причавкивала. — Ты что же, хочешь сойти до мещанской «дражайшей половинки»?.. Завтра же звони своему! Чего бояться? Или полюби какого-нибудь чудака. Клин надо вышибать клином.

— Мне, Танька, второй раз не полюбить. Стара уже. Двадцать лет.

— Не барахли!

— Сходи, глянь — стоит или ушел?

— Чего же ты жениха пугаешься? Пойдем вместе. По асфальту застучали каблучки и затихли у ворот. Славик прислушался. Было тихо. «Наконец-то ушли жениться», — подумал он.

Он благополучно пролез через форточку и шлепнулся на бумажную подстилку. Первым делом он закрыл форточку. Потом сложил из бумажных пачек горку, уперся головой в прутья, поднатужился и вдруг решетка сама, как живая, встала на ребро и облокотилась на стену.

Он поднял голову. Сверху на него смотрела Таня. Волосы ее свешивались по бокам, как буденовка.

— Ага, попался! — сказала она.

— А ты говорила, крысы, — засмеялась подруга. Его вытащили и поставили на асфальт.

— А, вот это кто! — удивилась Таня. — Где Митька?

— Не знаю.

— Ты зачем в яме сидел?

— Просто так.

Хорошо еще, что он закрыл форточку. А то сразу бы догадались, что произошла кража.

— Значит, добровольно признаваться не желаешь? — спросила Таня.

— Не желаю.

— Ну и не надо. Я и так знаю.

Славик вздрогнул.

— Это не я... — сказал он. — Они убежали... А я остался...

— Остался для того, чтобы ночью открыть им ворота. Так?

— Так, — сказал Славик.

— А для чего ты должен был открыть ворота?

— Не знаю.

— Врешь! Все ты знаешь. Чтобы Митька со своими мальчишками стащил реквизит. Так?

— Так, — сказал сбитый с толку Славик.

— Вот видишь, мне все известно. Запомни: надо всегда говорить правду. Когда признаешься, на душе становится легче. — Она наклонилась и погладила его по голове. — Тебе сейчас легче?

— Легче.

— Вот видишь. А теперь скажи: зачем вам понадобился реквизит? Только не ври.

Славик растерялся. Он не понимал, что такое реквизит.

— Может, вы хотели поставить пьесу?

— Погоди, Танька. — Оля присела перед Славиком, повернула его за плечи лицом к себе. — Ну да, он.

— Кто? — спросила Таня.

— Послушай, как тебя звать?

— Славик.

— Это ты торговал ирисками?

Все стало ясно. Славик вспомнил и голос, и кепку с длинным козырьком, и имя женщины: Олька.

— Ну и торговал! А вам что? — сказал он заносчиво.

— Представляешь, Танька? — тихо сказала Оля и посмотрела на подругу долгим взглядом.

Они отошли и стали шептаться.

— Твой приятель, ты и веда, — упиралась Таня.

— Как же я поведу? — шептала Оля. — Мотрошилов увяжется. Ну, пожалуйста!

Поспорив, они вернулись к Славику.

— Твоя интеллигенция где гуляет? — спросила Таня недовольно. — В заречной?

— Я думаю, да.

Они вышли на улицу, а Оля осталась во дворе.

Было темно. Свет фонаря мотался кадиллом с одной стороны улицы на другую.

На той стороне, так, чтобы видеть и ворота и крыльцо клуба, сидел на коновязи коренастый парень.

— Спать пора! — крикнула ему Таня.

— А тебе что за дело! — ответил он и, когда они порядочно отошли, добавил: — В купчихи подалась!

Он намекал на роль Кабанихи.

— И подалась! — крикнула Таня. — Чего бояться!

Славик догадался, что на коновязи сидел жених Мотрошилов.

Они свернули на Соборную улицу, прошли два переулка и вышли на Советскую.

Там горели два ряда фонарей, и было видно всю улицу и все вывески. Таня оглянула Славика, покачала головой.

— Чего особенного? — сказал Славик дерзко. — Носил декорации и вывозился. Ничего удивительного.

— А я ничего не говорю, — ответила Таня спокойно. — Конечно, ничего удивительного.

Они долго шли молча, и Славик переживал, что все время дерзит замечательной вожатой. Подумав, он сказал примирительно:

— Вы, конечно, ничего не подумали, а другие могут подумать, что я лазил в подвал.

— Глупости! Зачем тебе лазить в подвал?

— Конечно, незачем.

— Ну, так нечего и болтать.

— Конечно, нечего. А другие бы подумали, например, полез бумагу воровать.

— Что за чушь! Какую бумагу? Зачем? Какой ты все-таки глупенький.

— Почему глупенький? Бумагу можно продать на базаре, выручить деньги.

— Ну хорошо, хорошо.

Они подошли к реке, и Таня стала внушать Славику, чтобы при встрече с родителями он попросил бы прощения и объяснил, что ходил с ребятами в клуб носить декорации. Артисты играли так хорошо, что он просидел до конца пьесы и забыл про день рождения.

Когда проходили по мосту, Славик попросил:

— Товарищ вожатая, а вы не можете с нами остаться? Вам бы дали мороженого.

Она объяснила, что будет лучше, если Славик появится из темного леса один.

Они обошли поросший осокой заливчик и полянку с косматым стогом. У берега виднелись костры и слышались голоса.

— Лучше я домой пойду, — сказал Славик уныло.

— Струсил? Иди гуляй. Тебе сколько лет?

— Сегодня стало одиннадцать.

— Вот видишь. Пионерский возраст. А ты трусишь. Скажи, что ты пионер.

Славик даже остановился.

— А мне в пионеры можно?

— Конечно. Приходи завтра с Митей на сбор. Бу-

дешь пионер, тебя никто пальцем не тронет. Пусть попробуют.

— А пионеру можно водить голубей?

— Пионеру нельзя торговать ирисками. Это запомни. Кто там?

Они остановились. В темноте маячила Сонька. Чтобы доказать, что нет ничего страшного, Славик вежливо поздоровался с девочкой и спросил:

— А ты почему одна?

— Потому что одна. Уходи... Ты зачем вырядился? Как нищенка.

Вид у Славика был ужасный. Чулок опустился. В петельке болталась оторванная подвязка. Вместо новенькой белоснежной матроски свисали сырые, вымазанные плесенью и ржавчиной лоскутья. А главное украшение — синий воротничок с полосками — потерялся. Славик совсем упал духом.

Славик хотел посоветоваться с Таней, не лучше ли до появления перед родителями выстирать матроску в реке, но там, где была вожатая, чернело кривое дерево.

— Мы носили декорации, — сказал он нерешительно. — Вот и перепачкался. А чего бояться!

По виду Сони было ясно, что выдумка получилась неудачная.

— А если напали бандиты? — спросил он. — В нашем парадном, знаешь, какие бывают бандиты...

— Нет, — покачала головой Соня. — Лучше: ты шел, шел, зашел в рощу и заблудился. Заблудился и попал на свалку. Понял? В темноте угодил в яму и порвался о железо.

— А на свалке бывает железо?

— Конечно, бывает. А потом я тебя нашла. Хорошо?

— Хорошо, — согласился Славик.

— Тогда пойдем. Хотя нет. погоди. Сначала я тебе скажу стихи.

— Какие стихи?

— Папа придумал. В честь дня рождения. При всех говорить не буду, а сейчас, если хочешь, скажу.

— Говори.

Пока она читала стихи, Славик горестно рассматривал свои лохмотья и безнадежно пытался оттереть грязные пятна. Соня кончила декламировать.

— Уже все? — спросил Славик.

— Все, — сказала Соня.

— Ну, тогда пошли.

— Я не пойду. Пускай меня позовут. Иди один.

Сквозь кусты орешника Славик увидел огни костров и услышал пронзительный голос Нюры:

— У меня главный нерв в расстройстве! Так и воротилась без иголок! Вычитывайте с жалованья, сколько хотите берите, я такой человек!

Он пролез через гущу орешника и вышел на чистое место. Остановился, осмотрел всех по очереди и нерешительно прошествовал к костру.

Появление его было так неожиданно, что Нюра взвыла на полуслове и села на землю.

13

Утром ребята пошли на базар продавать бумагу. Таракан с Митей отправились в рыбные ряды, а Коська и Славик — к мясникам.

Пыльная площадь гудела, шевелилась и равномерно перемешивалась.

Солидный бой карусельного барабана едва пробивался сквозь людской галдеж. Чистенький старец, проталкиваясь в толпе, раздавал даром афишки.

— Пламенный привет! — сказал Коська.

Старичок посмотрел на кепку, натянутую козырьком на ухо, и афишки не дал.

— Эх ты гриб! — сказал Коська. — Ну обожди: я еще пойду за вашим гробом плакать...

Он любил базар. Ему было весело глядеть, как все обдуривают друг друга, торгуют разбавленным молоком, спитым и подкрашенным чаем. Пацаны, выкликавшие на одну музыку: «Свежей, холодной воды кому надо!» — и те жульничали. Вода у них была несвежая и нехолодная.

Вдоль длинной улицы мясных лавок летела пыль. У лавок виновато сидели псы.

Коська выбрал лавку, на которой висела гремучая железная хоругвь. На черном фоне были нарисованы две головы — свиная и коровья, — а между ними выведено: «Кулибин-сын».

Багровый, словно придушенный воротом косоворотки, Кулибин-сын без долгих разговоров согласился взять обе связки — и большую, Коськину, и поменьше, Славину.

Он назначил три копейки за фунт.

— Почему так мало? — удивился Славик.

— А потому, что не сливочное масло, — пояснил мясник.

Сперва Коська склонялся не торговаться. «Это за фунт — три копейки, — рассуждал он. — А за два фунта будет шесть копеек. А за три — еще больше... Мичман Джон не может быть не точен...»

Но, вспомнив, что на базаре все кругом жулье, он сказал:

— Ты что, опупел? Три копейки.

Мясник не обиделся. Он предупредил, что к полудню цена на обертку упадет, и принялся орудовать секирой.

Ребята долго толкались в толпе, забрели в самый дальний конец базара, где лежали пахучие, как цветы, прозрачные местные дыни и черно-зеленые арбузы с желтыми пролежнями, и закутанные в белоснежные бедуинские покрывала казашки, не слезая с арбы, отмеряли ведрами яблоки, а голозадые детишки со степным визгом забирались к ним по огромному колесу, как по лестнице, и умные верблюды взирали на все это, как из президиума. Потом ребята отправились за карусели, на барахолку. Там продавали все, что существует на свете: шпанскую мушку, ворованных котят, козырьки без картузов и картузы без козырьков. Никто больше трех копеек за бумагу не давал. И только когда казашка-молочница назначила две копейки, они спохватились. Но было поздно. Базар словно перешептался. Цена оберточной бумаги упала.

Они побежали к Кулибину.

— Ладно, — сказал Коська. — Бери за три копейки — и пламенный привет!

— Две копейки, пацаны, — сказал мясник приветливо.

— Да ты что! Смеешься? — занял Коська. — Своему слову не хозяин? Ты три давал!

— Яичко к пасхе, а огурец — ко граненому стаканчику, — усмехнулся Кулибин-сын. Он вышел из лавки, облокотился о притолоку двери, обвешанный резаками в кожаных ножнах, вытер багровые руки фартуком. — В нашем ряду устав христианский: друг дружке дорогу не перебегать. А то нас, как мышов, передуют. Хотите две копейки — берите. А нет — пардон вам.

— Ну, обожди! — закричал Коська, отбежав шагов на десять. — Наложил падали заветренной и фасонит. Обожди, выявим, откуда дранных кошек таскаешь, Кулибин-сын, выявим, кто вам цалует па-

лец! — И немного погодя предложил издал: — За обе пачки рубль — и пламенный привет.

— Весы скажут, рубль или не рубль, — отозвался мясник как ни в чем не бывало.

Ребята подошли. По весу получилось шестьдесят пять копеек.

— Тебя бы не было, по три бы копейки загнал! — попрекнул Коська Славика. — Вечно людям голову морочишь.

И попросил свешать на безмене.

На безмене пачки потянули на шестьдесят девять копеек.

— А больше у вас весов никаких нет? — спросил Славик.

Других весов не было.

— Тогда давай шестьдесят девять, — сказал Коська.

Мясник не стал спорить.

Он выставил на прилавок высокую жестяную мосельпромовскую банку от конфет, погрузил в нее чуть не по локоть руку и, к удивлению ребят, не глядя, выудил ровно столько, сколько было нужно, — шестьдесят девять копеек.

В качестве премии Славика был подарен мосол, из которого может получиться биток.

Самую дорогую монету — двугривенный — Коська припрятал за щеку, а три гривенника, три пятака и копейки опустил в левый, недырявый, карман брюк.

К Славика подбежала лохматая дворняжка, и, устремив голодные глаза на мосол, завияла всем задом. Это был бездомный кобелек Козырь, известный тем, что мог делать «окрошку» — так циркачи называют многократное сальто. Козырь был маленький кобелек в черных пятнах, похожий на трефовую десятку. Он скакал за Славиком то на трех, то на четырех лапах, забегал вперед и улыбался. Коська шугнул его. Козырь отскочил в сторону, но не отставал, хотя и делал вид, что бежит по своим делам.

— Дай ему мосол, — сказал Коська важно. — Мы не нищие.

Славик бросил. Козырь схватил кость на лету и умчался прятаться.

Как только в кармане Коськи забренчал капитал, с ним что-то произошло. Он еще больше сбил на ухо «кэпи», и толстогубое, со следами чернил лицо его приняло лунатическое выражение.

Старец на этот раз вручил ему афишку беспрекословно.

— Читай! — велел Коська.

Афишка начиналась словами: «Я, борец Иван Поддубный, оказавшись проездом в вашем славном городе...» — и кончалась: «...советую молодежи подтянуться да поупражняться, чтобы выступить со мной в борьбе».

Пока Славик читал, Коська, к его ужасу, чуть не купил пожарную каску. Славик едва отговорил его от дурацкой покупки. Потом Коська стал прицениваться к канделябру на четыре свечи с голой бронзовой бабой.

— Что ты делаешь, Коська! — кричал на него Славик. — Я Таракану скажу! Надо же Зорьку выкупать. Коська!

Но деньги вконец опьянили долговязого парня, и он купил бы все-таки канделябр, если бы мимо не проходила цыганка. Он немедленно пожелал воровать. Цыганка, молодая, смугло-загорелая, будто освещенная костром, в поддернутых, как гардины, юбках и с черноглазым младенцем, винтовкой тор-

чащим за ее плечом, стала тасовать басурманские карты, сулить Коське счастье и богатую кралю...

Пока шло гадание, у Коськи вспыхнула новая мысль.

— Огурец! — гаркнул он. — Пошли кваску выпьем!

— Что ты! — испугался Славик. — Нельзя!

— А если нет, то почему?

— Сам, что ли, не знаешь? Надо же Зорьку выкупить.

— А мы с тобой больше выручили! Бумага тянула шестьдесят пять копеек, а мы взяли шестьдесят девять. Четыре копейки лишку.

— Таракан заругается. Что ты!

— А он, думаешь, не пил? Гад буду, пил. Давай на пару один стакан.

«Лучше было бы мне с Митей идти», — подумал Славик и сказал:

— Не знаю, Костя. От холодного кваса можно простудиться.

— Ладно, пошли! Я плачу! А ты стой тут, — велел он цыганке. — Напьюсь — догадаем. А пока жди. Барон, рыдая, вышел!

Гадалка разразилась такой раскудрявой бранью, что Коська некоторое время шел за ней следом, чтобы дослушать до конца. И только когда голос ее потонул в базарном гуле, он остановился и произнес гордо:

— Вот как я ее завел!

Настроение у него было преотличное.

Они подошли к ларю. На ларе рубином и изумрудом сверкали приманивающие народ бутылки.

Парень с гроздьё разбойничьих кудрей на глазах, ловко спасаясь от пены, наполнил стакан.

— Будьте любезны, — сказал он Коське.

Коська форсил до конца. Он вынул изо рта самую солидную монету, подбоченился и отхлебнул.

Продавец обошел ларь, схватил Коську за шиворот и велел поставить стакан на место.

— Почему? — удивился Коська.

— Потому что я тебе леща отпущу.

Коська поставил.

Раздалась затрещина.

— За что? — поинтересовался Коська.

— За то, что царский двугривенный суешь, — разъяснил продавец.

Коська ахнул. На серебряном кружочке был оттиснут орел с двумя головами.

— Ты куда глядел! — набросился он на Славика. — Тебе доверили деньги считать, а ты что?

— Ведь я... ведь ты... — лепетал Славик.

Огорчение Славика было таким безысходным, что продавец разрешил ребятам дотить квас бесплатно. Они сделали по глотку и побежали к мяснику. За ними, то на трех, то на четырех, поскакал Козырь.

— А ведь монетка-то не моя, — сказал им Кулибин.

— Чего голову морочишь? — орал Коська. — Давай правдашный двугривенный! Куда нам ее, с орлом-то! Ее за квас и то не берут.

— Вы у квасника были? Тогда ясно. — Мясник завел глаза. — Вот копейшники, на ком интерес строить... Это который квасник? Который щипцами завивается? Ну, он и подменил. Лично. Советский взял, а царский отдал.

— На понт берешь!.. — начал было галдеть Коська, но мясник перегнулся через прилавок и заговорил тихо:

— Он не одним вам подменивает. У него с мирного времени во дворе кубышка зарыта. Он стальной маске подменил. Знаете — стальная маска, в

цирке борется. Кинула ему червонец, а он ей сдачу двугривенными. Воротилась стальная маска домой, а двугривенные все как есть, царские.

— И чего было? — спросил Славик.

Кулибин не расслышал его вопроса.

— Ну, мазурик! — цокал он языком. — Вот это мазурик! Ступайте к нему и требуйте. Скажите, чтобы сменил, а то, мол, некрасиво.

— А если он не поверит, что это его двугривенный? — спросил Славик.

— Как это не поверит? Он же щипцами завивается! Поверит.

Ребята отправились к чубатому. Чем дальше они шли, тем походка их становилась безнадежней. Оба поняли: Кулибин-сын просто-напросто обдуривал их.

— Гляди, Костя, Козырь бежит, — сказал Славик.

И правда. Отведав косточки, собачонка моталась за ними, не отставая.

— Пошли Петрушку глядеть, отстанет, — предложил Коська.

Они повернули к каруселям, но на пути им попала фортуна.

У низкого столика, разделенного на шесть разноцветных квадратов, сидел инвалид с одной ногой. «За копейку — пятак, за пятак — четвертак, за гривенник — полтинник!» — выкрикивал он, утирая бабьим головным платком лысину.

Охотников играть не было. Несколько ротозеев щелкали подсолнушки. Хозяин лениво бросал пятаки, закручивал вертушку и выигрывал сам у себя. Подошел фронт в гетрах, с подбривными усами, под руку с испуганно взвизгивающей на него барышней, кинул мятый целковый, проиграл и как ни в чем не бывало поволол барышню дальше.

— Чем крепше нервы, чем ближе цель! — завистливо проговорил Коська.

И вдруг завел глаза под лоб. Счастливая мысль посетила его.

— Огурец, — сказал он замирая. — Давай сыграем по копеечке.

— Да ты что! А проиграем?

— Проиграем, так копейку. А выиграем — сразу пятак! Ворожея наворожила к счастью! Голова два уха!

«Надо было с Митей идти», — снова подумал Славик.

— Нет, я не буду, — сказал он.

— А если нет, то почему?

— Во-первых, у нас деньги Зорьку выкупать. Какой ты, Костя, странный.

— Для Зорьки и сыграем. Царский двугривенный надо оправдать или не надо? Таракан спросит — ты чего скажешь? А тут двадцать копеек выручим — веселился весь народ!

— Не знаю, Костя. А если проиграем?

— Я ему говорю — цыганка наворожила, а он — проиграем! — Коська развел руками. — Вот жадюга!

— Давай, Костя, так... — сказал деликатный Славик. — Если Козырь убежал, сыграем. Если сидит, нет.

— Давай лучше сыграем, если Козырь здесь. А убежал, пойдем так.

Славик оглянулся. Лохматая собачонка сидела шагах в двадцати, вывалив язык, и делала вид, что смотрит в другую сторону.

— Ну вот, — сказал Коська. — А ты говоришь — купаться!

— Хорошо, — сказал Славик. — Ты как хочешь, а я не буду.

— А если нет, то почему?

— Сколько раз, Костя, можно повторять одно и то же. Я не умею играть на фортунах.

— Да тут уметь нечего. Ставишь на любой номер и загребаешь деньги. А вот чего сделаем! Мы у попугая проверим!

Он схватил Славика за руку и поволол к шарманщику. Какая-то нечистая сила вселилась в него.

— Ты посмотри на этого шарманщика, — урезонивал Славик. — Разве такой шарманщик правильно нагадает?

Шарманщик был дряхлый. Он не мог долго крутить ручку и отдыхал на середине музыки. И шарманка у него была старая, шепелявая, и попугай старый и лысый. Хозяин долго упрашивал попугая достать Коськино счастье. Попугай зевал, показывал бессовестно-черный язык и ругался. И только когда хозяин достал прут, попугай глянул на Коську безумным глазом и поддернул свернутую, как лекарство, бумажку.

Прорицание было озаглавлено: «Девственный пергамент». Славик с трудом разобрал написанные под копирку фразы: «Под знаком Юпитера наливается кровью... Царь Давид египетский... сторонись врага огненного... Не даст вкусить тела своего...»

— А «наливается кровью» не очень хорошо, — насторожился Славик. — Как думаешь, Костя? И кто такой царь Давид?

— Не знаю. Еврей какой-нибудь.

К ним подошла гулевая девушка с соседнего двора Алина. Она пообещала растолковать темные места пергамента, если Славик добежит до военного дяденьки и спросит: «Не надо женщин?»

Дело было пустяковое. Славик сбегал спросил. Оказалось — пока не надо.

Алина разбирала только печатные буквы, поэтому читать пришлось Славика.

— «Под знаком Юпитера наливается кровью», — повторила Алина. — Кошмар! — И спросила Славика: — От кого у тебя такие глазки, малютка? От папки или от мамки?

— Ладно тебе! Читай! — торопился Коська. — Этот попугай, наверно, не ту бумажку вынул. Перепутал, наверно.

— А на что гадал? — спросила Алина.

— На фортунах. Выиграю или нет.

— И куда тебе деньги, малютка? Чем их больше, тем считать дольше... Глазки — как у барашка. С ума сойти.

— Глазки, глазки... — сердился Коська. — Ты скажи: повезет или нет?

— Повезет, малютка. Под Юпитером непременно удача во всех делах. Особенно нам, деушкам.

— Ну вот! А я чего говорил! Пошли — не бойся!

И они побежали к фортунах.

— Держи копейку! Ставь! Двугривенный оправдаем — и пламенный привет.

Вертушка закрутилась. Цветные дольки ступали в сплошной белый круг. Упруго загудело по гвоздочкам гусиное перышко.

Славик проиграл, а Коська выиграл.

— Чем крепше нервы, чем ближе цель! — сказал он победоносно.

Поставили еще по копейке и проиграли оба. Коську это не смутило, и они проиграли еще раз. После этого выиграл пятачок Славик. Из мелких денег осталась одна копеечка. Коська поставил на тройку и выиграл.

— Чего жмешься, хозяин? — усмехнулся инвалид. — Фарт идет, ставь больше.

И звякнул по столу красивой, как медаль, серебряной полтиной.

Славик ткнул приятеля в бок изо всей силы. Но Коська ничего не почувствовал, поставил гривенник и проиграл. Поставил второй гривенник и проиграл тоже.

И только когда остался один гривенник, два пятака да несколько копеечек, ему померещились безжалостные глаза Таракана, и он опомнился.

— Что ты наделал! — сказал Славик, когда они отошли.

— А чего я наделал? — Пот лил с Коськи градом. — Я хоть два раза выиграл... А ты все просадил...

— Я не хотел...

— Не хотел? А кто говорил: «Козырь здесь — айда сыграем». Я или ты?

— Так ты же сам проигрался!

— Потому что один играл! Вдвоем бы ставили — кто-нибудь бы и выиграл. Я-то выигрывал. Мне фарт шел. А ты струсил.

— Нет не струсил. Я тоже, к твоему сведению, выиграл. Я, если ты хочешь знать, в тот раз твердо знал, что выиграю. Я номер заметил, который выигрывает.

— Так чего же ты копейку ставил? Поставил бы двугривенный — взял бы рубль. Чудило! Знает, что выигрывает, а ставит копейку. Все Таракану скажу.

— Какой ты смешной, Костя. Деньги же у тебя. Как же я могу поставить двугривенный, когда ты дал копеечку?

— А ты просил?

— Чего просить. Ты все равно бы не дал.

— Я бы? Не дал? Вон ты какой ловкий! Да хоть сейчас бери! Хочешь ставить?

— Я не про то...

— Нет, ты скажи: хочешь ставить? Ты не вилай. Ты скажи: хочешь ставить или нет?

— Хочу, — проговорил сбитый с толку Славик.

— Ну и ставь. Вот тебе все деньги. И копеечки и пятаки. И прощайте ласковые взоры.

Коська пересыпал ему в руки липкие монеты и облегченно вздохнул.

Славик бросил копеечку на тройку и выиграл. Сперва он подумал, что случилась ошибка, но хозяин без спора вручил ему пять копеек.

Он поставил еще копейку и снова выиграл. Ладони его взмокли.

— Надо на тройку ставить, — зашептал он, хрустя башмачками по семечным оплевкам. — Тройка — самая верная цифра. Ты тоже на тройке выигрывал... Ты, может, забыл, а я помню... Подожди, Костя. Ты подожди... Сейчас поставлю гривенник... И двадцать поставлю...

— Гляди, — сказал Костя. — Сам будешь отвечать.

— Конечно, сам. А кто — ты, что ли?

— Сам будешь отвечать. А я ничего не знаю.

— Сейчас, сейчас... Подожди, Костя... Главное, Костя, не торопись.

Славик приготовил гривенник и два пятака, но решил переждать. Прошло пять конов, а его заветная тройка ни разу не выпадала. Понятно. Раз Славик не ставит, значит, она и не выпадает. Очень просто. Тройка его дожидается. Стоит положить на зеленый квадратик гривенник и два пятака — инвалид отсчитает рубль, и Таракан поймет, что Славик хоть и клин-башка, а не хуже других.

Вертушка закрутилась.

Все вокруг стало казаться Славику далеким-далеким, как будто он сидел на небе и видел глубоко внизу разграфленный на клетки стол, Коську, себя самого и Козыря.

Он хотел посоветовать своему двойнику быть осторожней. Но вертушка замедляла ход. И когда ей

оставалось оборота два-три, не больше, когда ясно обозначились разноцветные дольки, Славик почувствовал, что гусиное перышко сейчас покажет на тройку. Послышался голос: «Ставок больше нет!» — и в этот миг Славик бросил на кон гривенник и два пятака.

Вертушка равнодушно остановилась. Вышла четверка.

Волосатая рука смахнула деньги, как мусор.

Славик беспомощно оглянулся.

— Ничего не знаю, — сказал Коська сурово.

Славик стоял белый, как мел.

— Отдай! — услышал он вдруг свой противно мяукающий голос.

— Чего отдай? — удивился инвалид. — А ну, топай отсюда! Тоже мне банкир с капиталом!

— Отдай! Отдай сейчас же! — Славику трясло. — Я тебе что говорю! Ты сказал — ставок нет, а я কিনул!

Инвалид лизнул большой палец и поднес к самому носу Славику крупнокалиберный шиш.

— Отдай! — кричал Славик. — Я маме скажу!

Собралась толпа. Смеялись.

— Это не мои деньги. Это мамины!

— Пущай она и приходит. За двугривенный сговоримся.

Славик отошел, попытался сосчитать оставшиеся копейки, но не смог: тряслись руки. Пришлось считать Коське. От всей выручки осталось одиннадцать копеек да царский двугривенный.

— Как же так? — проговорил Славик, постепенно приходя в себя. — Ведь попугай нагадал счастье...

— Попугай тоже научился мухлевать не хуже людей, — мрачно сказал Коська. — Ох и накостыляет тебе Таракан!

Они почему-то пошли не домой, а к каруселям, и Славик, словно в тумане, смотрел, как веселый петрушка, неловко обняв дубинку, лупил буржуя. Потом они бесцельно шатались по базару и несколько раз принимались считать оставшиеся монетки. Но ни разу больше одиннадцати копеек не получалось.

Являться к Таракану с такой жалкой выручкой было немислимо, поэтому ребята купили шоколадного мороженого. И Славик, несмотря на все тревожения, заметил, что на обеих вафлях вытиснено красивое имя «Таня».

Расплатившись за мороженое, Коська увидел в толпе рыжую Митину голову. Где-то недалеко был и Таракан.

Коська испугался и закинул всю порцию в рот, вместе с вафлями.

Таракан заметил их издали, повернул к ним. Проходящие мимо люди то закрывали, то открывали его.

— Ну, молодцы, — спросил Таракан весело. — Сколько?

Славик оцепенел. Коська заглатывал мороженое.

— Небось не больше нашего, — похвастался Митя.

Коська сделал дурацкое лицо и объявил:

— Мы шестьдесят девять копеек выручили.

— И то клево! — проговорил Таракан благодушно. — А у нас рубль и еще шесть копеек. Значит, всего сколько?

— Рубль семьдесят, — сказал Митя.

— Рубль семьдесят. Да тот рубль. Два семьдесят.

— За два семьдесят Самсон Зорьку отдаст, — сказал Коська.

— Он за два отдаст. Ну давай.— Таракан протянул руку.

— Чего давай? — спросил Коська.

— Глухой, что ли! Деньги давай. Шестьдесят девять копеек.

— А у меня нету.

— Чего нету?

— Шестьдесят девять копеек.

— А где они? У тебя, Огурец?

— А у него тоже нет. Он их просадил. На фор-
тунке.

Таракан нахмурился.

— Кончай придуривать. У кого выручка?

— Я хотел... я хотел... — начал Славик. — Я баш-
мачки продам...

Таракан уставился на него ледяным взглядом.

— Он хотел царский двугривенный оправдать, —
объяснил Коська, отступая за Митину спину.

— Какой царский?

— Ему вместо нашего царский двугривенный да-
ли.

Полную минуту, наверное, смотрел Таракан на
Славика.

— Ну чего с тобой делать? — спросил он на-
конец.

Славик подошел к нему вплотную. Он попытался
что-то сказать, но не мог. Горло его свела судоро-
га.

— Так вот, господин хороший, — процедил Тара-
кан сквозь зубы. — Чтобы к завтраму деньги были.
Рой землю носом, а шестьдесят девять копеек
представь. Не представишь — плохо будет. Пошли.

Ребята отправились домой в торжественном мол-
чании.

Славик плелся один, далеко сзади. Лицо его фар-
форово белело в пыльном тумане, и мороженое
ползло по пальцам и капало на землю.

14

Чем глубже познается мир, тем трудней выбрать
наилучшее решение житейского обстоятельст-
ва. Отягченный науками опыт предлагает мно-
жество заманчивых, взаимоисключающих возмож-
ностей. Славик не имел опыта и проучился в шко-
ле только три года. Из положения, в котором он
очутился, для него существовал единственный вы-
ход: украсть деньги у мамы.

Выполнить это предприятие было несложно: пос-
ле пикника мама чувствовала себя плохо и целый
день дремала в кабинете на папином диване.

Славик заглянул в кабинет.

Ридикюль, из которого нужно было вынуть шесть-
десят девять копеек, висел на спинке стула.

На стуле лежали аптечные коробочки с облатка-
ми.

Славик на цыпочках подошел к ридикюлю и спро-
сил шепотом:

— Мама, ты спишь?

— Нет, милый. — Она открыла глаза и подняла
обмотанную полотенцем голову. — Чего тебе?

— Ничего.

Славик сел за письменный стол и стал ждать.
Когда мама болела, она всегда в конце концов за-
сыпала.

Прошло минут десять. Мама спросила:

— Чего ты на меня вылупился?

— Ничего, — сказал Славик. — Ты спи.

— Пошел бы подышал воздухом.

— Хорошо. Я пойду. А ты спи.

Прошло еще минут пять. В столовой громко стук-
нула дверь. Славик догадался — вошел Митя. Митя
всегда распахивал дверь настежь, будто вел за со-
бой верблюда.

Славик вышел в столовую. Его сосед был вымыт,
причесан. На ногах у него были сандалии, а на шее
висел глаженный, еще теплый пионерский галстук.

— Дома есть кто? — спросил он таинственно.

— Мама больная. Нюра на кухне.

— Выйди в коридор.

Славик вышел.

— Слушай: бумагу, которая осталась от подвала,
листочки с печатями, бланки, в общем, всю мелочь,
которую не купят, я спрятал в ванной. Запихал в
колонку. В топку. Понятно? Нюра уйдет — подожги.
А то найдут. Засыплемся.

— Ну и пускай находят. Подумаешь, бумажки!

— Какой ты все-таки блажной, — мягко попрекнул
его Митя. — Ты понимаешь, что сотворил?

— Нет. А что?

— Ты сотворил ограбление со взломом. За такие
дела на десять лет засуживают и больше.

— Ну да! — Славик мигом представил себя за
тюремной решеткой, и у него пересохло во рту от
страха. — Я же маленький...

— Ежели со взломом, не глядят, большой или
маленький.

— Но ведь не я же один... И Таракан тоже.

— На Таракана не надейся. Таракан в момент оп-
равдывается. Он в подвал не лазил. В подвал ты ла-
зил и больше никто... Подгадай, когда никого дома
не будет, открой конфорку и подожги. Бумагу со-
жги, золу выгреби.

— А ты?

— Мне некогда. Я на сбор.

— На сбор? — воскликнул Славик. — И я с тобой!
Мне одиннадцать лет. Меня вожатая обещала в пио-
неры взять!

Митя поглядел на него с сожалением.

— А ты ей сказал, кто твой отец?

— Она не спрашивала.

— Ну вот и сиди дома. Тебя не примут.

— Почему?

— У пионера должно быть пролетарское проис-
хождение. А у тебя отец кто? Спец у тебя отец.
Инженер. Интеллигенция... У инженера пролетарско-
го происхождения нету.

— Нет есть, — сказал Славик упавшим голосом.

— Нету. Чего я, не знаю, что ли? Ну пока. Бума-
гу сожги, золу выгреби.

Вид поникшего Славика тронул Митю. Подумав
немного, он обещал помалкивать, что отец Сласти-
ка инженер и что сам Славик совершил ограбление
со взломом.

Славик благодарно пожал его руку, и оба прияте-
ля отправились на пионерский сбор.

Когда они подошли к клубу, в ребячем шуме,
доносившемся из окон, Славик явственно различил
хрипловатый голос вожатой. Ладони его взмокли.
Он заторопился, но Митя потащил его не в зал,
а в закуток, под лестницу. Там, в темном чуланчи-
ке, среди ведер, метелок и лопат, сидели на кор-
точках пять пионеров. Они осторожно передавали
друг другу папиросу и затягивались. Митя тоже
устроился на корточках и стал ждать очереди. Во
время курения царил молчание. Только лопухий
мальчик по имени Семка сказал: «А я могу пу-
скать дым из одной ноздри» — и действительно

выпустил. Митя сделал затяжку, протянул папироску Славику.

— Хочешь?

Славик постеснялся отказаться. Он хлебнул в горло острый дым, и глаза его залило слезами.

— Чего? — спросил Семка. — Подавился?

— У него сегодня коклюш, — сказал Митя. — А так он довольно мировой пацан. Свой в доску.

Славик выбежал на крыльцо, прокашлялся и подышал быстро, чтобы выдуть из рта липкий запах дыма. Потом вытер глаза и вошел в клуб.

Кутерьма и крик, мелькание белых блузок и красных галстуков ошеломили его. В просторном зале между сдвинутыми к окнам шестерками стульев веселились человек пятьдесят мальчишек и девчонок. То тут, то там мелькала рыжая голова Мити. Славик долго озирался по сторонам. Наконец он увидел Таню и понял, почему не мог ее так долго найти. На ней была белая блузка, заправленная, как у пионерки, в черные шаровары, и красный галстук, повязанный на голую шею. И голые ноги у нее были пионерские — сильные, голенастые, как у страуса.

Славик увидел, как она красиво взяла Митю за руку, отвела к сцене. По угрюмому Митиному лицу Славик понял, что разговор идет о вчерашнем происшествии, и решил держаться в отдалении.

Он подошел к стайке девочек, которые вырезали из «Красной нивы» картинки — готовили стенгазету. Среди девочек оказалась Соня, но тем не менее его погнало, потому что по правилу стенгазета делается в секрете.

Славик нерешительно приблизился к мальчишкам, которые перетягивали канат, но его и оттуда погнало. У них происходило соревнование между звеньями на какую-то звездочку.

Славик одиноко слонялся среди горластых ребят, посмотрел, как большие мальчишки выжимают тяжелую гирю, но Таню не упускал из глаз ни на секунду.

Повеселевший Митька проскакал к гире. Славик собрался подойти к вожатой, но она уже заметила его, улыбнулась и захлопала в ладоши.

— Ребята, дайте тишину! — сказала она.

Славик был уверен, что тишина по ее повелению наступит немедленно. Но никто не послушался, а у каната завопили еще громче. Таня подождала немного, вынесла на середину зала стул и велела Славику встать на сиденье. Славик встал.

— Ребята, познакомьтесь. Ваш новый товарищ, — сказала Таня.

Шум понемногу стал утихать. Пионеры сбились полукругом.

— Его зовут Славик. Ему вчера исполнилось одиннадцать лет, — продолжала Таня. — Он хороший, сознательный мальчик.

Десятки серьезных мальчишеских и девчачьих лиц плыли перед ним, как будто он стоял не на стуле, а на набирающей ход карусели. В ушах звенело. Ему показалось, что сейчас обязательно кто-нибудь скажет: «Клин — башка, поперек доска».

— Как вы считаете, примем Славика в нашу дружную пионерскую семью? — спросила Таня.

— Примем! — согласным хором прокричали ребята.

Вот и наступил несбыточный, невозможный день.

Вот и становится наконец маленький Огурец частью большого, доброго целого. Вот и сбывается его самая заветная мечта, за которую он готов отдать что угодно, — мечта БЫТЬ, КАК ВСЕ.

— Как вы считаете, ребята, будет Славик исполнять заповеди юного пионера? — спросила Таня.

— Будет! — прогудели ребята.

У Славика защипало в носу. Счастье, переполнявшее его душу, было так сильно, что становилось похоже на боль. Он едва удержался, чтобы не крикнуть, что будет самым послушным, самым смелым пионером в отряде и всегда, когда только можно, говорить правду.

— Как вы, ребята, считаете, сможем мы сделать Славика сознательным борцом за дело трудящихся?

— Сможем! — закричали пионеры.

— Хорошо. — Она обернулась к Славику: — А теперь скажи, что ты умеешь делать.

— Я умею... — Славик облизал губы. — Я умею играть на рояле Ганон и гаммы... — Он почувствовал, что это вожатой не очень понравилось. — И еще «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

— Хорошо. А еще что?

— Рисовать взятие Зимнего дворца.

— Громче!

— Рисовать взятие Зимнего дворца!

— Очень хорошо. В нашей стенгазете ты будешь... Ну-ка, ну-ка, нагнись. — Она наклонила его голову. — Ты что, куришь?

Карусель снова закрутилась.

— Да! — сказал Славик самоотверженно. — И еще... я хотел утащить у мамы шестьдесят девять копеек... Но больше этого никогда не повторится. И еще... Я должен признаться, что в подвале... — Он хотел подробно покаяться, что совершил кражу со взломом, воровал бумагу, но ребята загалдели, захлопали в ладоши, девчата завизжали, запрыгали, и голос его потонул в общем шуме.

В первый момент Славику показалось, что всеобщий восторг вызван его отважным признанием, но вскоре стало ясно, что причиной радости является невзрачный молодой человек нерусской национальности, незаметно появившийся в зале.

Молодой человек был чрезвычайно худ, у него были розовые, без ресниц веки, и голова, похожая на перевернутую грушу.

Он тихо улыбался и потирал сухие руки так, как это делают домоседы, входя в ресторан.

— Яша пришел! — кричали ребята.

— Яша! — Таня пошла ему навстречу. — Ребята, садитесь, Яша будет продолжать.

Пионеры бросились растаскивать стулья.

Не теряя времени, Яша забрался на сцену, покосился в черноту суфлерской норы и начал:

— Сегодняшний день, товарищи, я хочу выполнить вашу просьбу и вспомнить довольно-таки загадочную историю. Как вам известно, фортуна нам с вами улыбнулась не сразу. Когда в Москве и в Петрограде уже реяли кумачовые стяги, в нашем городе хозяйничали белогвардейцы, а с семи часов вечера начинался жуткий комендантский час. Походный атаман Дутов понимал, что дни его сочтены, развязал белый террор и призывал всех и каждого за него заступаться. А народ есть народ. Одни уходили в Красную гвардию, другие бежали в степь, в киргизские юрты... В дополнение к этому машинисты нашего железнодорожного узла не особенно желали возить казаков на фронт. Ну подумайте сами: зачем пожилому машинисту везти белых казаков на фронт? Сын этого машиниста сражается за мировую революцию, а папа повезет толпу казаков, чтобы они рубили этого сына на две половинки? Зачем это ему надо?

Он прошелся по сцене, потирая руки, и продолжал:

— До сих пор не забуду, как по Артиллерийской улице вели седого машиниста. Его вели два казака. Они ехали на лошадях с шашками наголо. А он шел между ними и плакал, буквально как будто его вели на ликвидацию. А что с него хотели? Они хотели, чтобы он исполнил свою профессию: вел поезд с казаками, и только. Один машинист, абсолютно беспартийный старичок, так тот всю ночь простоял босой на снегу, навлекая на себя воспаление легких. Сейчас он служит в главных мастерских, в вагонно-колесном цехе. Случаем будете в мастерских, можете зайти до него на немножечко. Только не подходите все вместе, а то он испугается. А то еще была история: летит без остановки эшелон, груженный белоказаками, а из теплушек машут руками и орут, как зарезанные гусаки, и всем становится ясно, что машинист и кочегар спрыгнули на ходу и поезд идет по своему усмотрению... Но, увы, в то время как сознательные товарищи отказывались развозить белых по фронтам, несознательная часть — машинисты и кочегары не чисто пролетарского происхождения — продавались белым за дрова, за паек, за свиное сало...

На этом месте своего рассказа Яша достал из кармана кусок хлеба и стал жевать. Но никто даже не улыбнулся.

— Вы, товарищи, знаете, как называют таких типов? — спросил Яша. — Ну? Штрейк...

Ребята молчали.

— ...бре!... — не терял надежды Яша.

Ребята молчали.

— ...хе-е... Неужели не знаете? Вот так номер!

— ...ры, — подсказала Таня.

— Ры-ы-ы! — радостно закричали пионеры.

— Ну, конечно! Штрейкбрехеры! И вот в один прекрасный день, товарищи, утречком, на столбике у депо все видят — приклеена записка: «Машинист Чуркин продан белым. Стогвался везти полк казаков. Отправка эшелона 6-го января, в восемь утра». А в конце подпись: «Телеграфист Ять». Написано грамотно, пером рондо и довольно чистым почерком. Кто писал? Неизвестно. В рассказе у Чехова, как вам уже известно, выведен телеграфист по фамилии Ять, но это, конечно, был совершенно другой телеграфист. И вот, представляете себе, рабочие депо и службы тяги получают такое известие. Они надевают на себя кто что и зимой, по бурану и по морозу, идут туда, где проживает этот Чуркин. Они идут, чтобы убедиться своими глазами — или это Чуркин, или это Иуда. Идут старики, у которых комитет спасения ликвидировал сыновей, идут вдовы с детьми, у которых не осталось ничего, кроме аппетита, и ждут, когда этот мерзавец прожует свое сало и выйдет из своего теплого дома. Доложили, конечно, коменданту Барановскому. Зверь такой у нас был. «Так и так, скопление публики и записка». Что там себе подумал комендант Барановский, я не знаю. Наверное, он подумал: «Вот так номер!» — приказал разогнать народ и разыскать в двадцать четыре часа телеграфиста, который скрывается под псевдонимом Ять. Начали хватать кого попало. И тех, которые пишут пером рондо, и тех, которые пишут другими перьями. Устроили форменный белый террор. В городе стоял стон — и в Форштадте и в Новой Слободке... И что вы себе думаете? Через два дня, вторично, на столбике около депо записка. И вдобавок вторая такая же записка висит возле водокачки. Записка, которая висела возле водокачки, теперь находится у меня. Теперь, когда прошло столько лет, это уже

не простая записка, а реликвия революции, и руками трогать ее нельзя. За что заранее прошу извинения. Но издали покажу.

Яша сунул обе руки в карманы и внезапно замер. И все подумали то же, что подумал и он: «А что, если записка потерялась?» От одной этой мысли глаза его сделались круглыми. Тощие руки стали метаться по карманам, на пол посыпались мятые бумажки. Карманов оказалось множество и в коротких Яшиных брючках и в потрепанном пиджачке с торчащей петелькой. Яша кидался на бумажки, подносил их к близоруким глазам, перечитывал и совал куда попало. Один клочок, похожий на пропавшую записку, как будто нарочно дразнил его, оказывался во всех карманах, все время совался в руки и довел его до полного отчаяния.

Позже Славику стало известно, что Яша служил в музее имени Пугачева и проводил там все время, с утра до ночи, а иногда и ночевал в карете в отделе феодализма и капитализма. Свои деньги он тратил на окантовку и реставрацию старых газет, листовок, документов и фотографий. В свободное время он бегал по городу, копался в архивах, разыскивал семьи погибших коммунистов и удивлялся, как люди не могут понять, какую баснословную ценность будет представлять буденновский шлем или доплата марка с надпечаткой через каких-нибудь сто лет. Он был человек, как говорится, не от мира сего. Казалось, он по собственному желанию явился из счастливого будущего века, чтобы гоняться за реликвиями революции...

Яша просиял. Записка нашлась.

— И вот что написано в этой записке: «Машинист Громов продан белым. Договорился везти казаков 9-го января в 12 часов по местному времени». И опять же так подписано пером рондо: «Телеграфист Ять». Комендант Барановский хватается за наган, ставит на каждом углу патрули, обещает крупную награду за телеграфиста. А записка сделала свое дело: штрейкбрехеры боятся публичности, и уговорить их встать за регулятор становится совсем невозможно. Наконец-таки поймали этого телеграфиста. Поймали прямо на станции, в буфете. Как и следовало ожидать, это был никакой не телеграфист, а высокого роста человек, лет тридцати на внешний вид, с усами. Посадили его временно в кладовку при буфете, в помещение для кондукторских бригад, заперли на задвижку, приставили часового. А когда прискакал Барановский, его не оказалось... Исчез при загадочных обстоятельствах...

Яша молча походил по сцене, словно разыскивая что-то, потом спросил:

— Какой мы из этого случая должны сделать вывод для себя, товарищи? Мы для себя должны сделать следующий вывод: никогда, даже в самые тяжелые дни, большевики не были одинокими, они всегда чувствовали поддержку народа. Активных коммунистов тогда было куда меньше, чем теперь, но партия побеждала и тогда, потому что большевики жили надеждами и помыслами трудового народа и большевиков всегда окружала любовь народа. Поэтому нашу партию всегда поддерживал трудовой народ, поддерживал и явно и тайно. И даже какой-нибудь чиновник, который трусил открыто встать под красные знамена, все-таки написал записку пером рондо, поэтому простые люди и помогли ему убежать, когда его посадили в кутузку...

Домой Славик вернулся усталый и разбитый. Маме он сказал, что хотел своровать у нее шестьдесят копеек, что его приняли в пионерский строй,

а когда он вырастет, будет большевиком. Больше она ничего от него не могла добиться.

Он долго сидел на стуле, устремив взор в одну точку, а Лия Акимовна прикладывала к его лбу руку с холодными кольцами на пальце и качала головой.

15

За обедом Славик непрерывно думал, что нужно возможно скорее сжечь спрятанные в ванной бумаги. Теперь, когда он стал пионером, он поклялся выполнять все поручения по-пионерски.

Не доев поданную на сладкое дыню, он пошел за спичками и по пути внезапно заснул, привалившись на подушку, в курточке и ботинках. Слишком много переживаний обрушилось в этот день на его маленькую душу. Проснулся он часа через два и очень на себя рассердился.

Ванна в квартире не работала. Вода там не шла. Жильцы умывались на кухне. В железной раковине плавала луковая чешуя, картофельные очистки. На подоконнике стоймя стоял Митин брусок мыла размером с полкирпича. А Славик должен был уносить свою розовую душистую мыльницу в комнаты.

Славик полагал, что сжечь краденые бумаги будет нетрудно. За много лет ванная комната превратилась в грязную, заброшенную кладовку. Лампочка давно перегорела. Стеклопанель двери, заклеенная желатиновой диафанией, почти не пропускала света. Иногда Славик забирался туда играть в паровоз. Он воображал себя машинистом скорого поезда: как будто бы темная ночь, и снег, и ветер, и поезд мчится среди черных лесов, и пассажиры, доверившись Славику, сладко спят на верхних и нижних полках. Яркий цветной паркетик двери масляно светился во мраке, Славик шипел, гудел, постукивал на стыках, пока сердитая Нюра не выволакивала его из темноты.

На этот раз в ванной горел свет. Удивленный Славик подошел к двери и увидел папу и Романа Гавриловича.

Папа, растопырив ноги, стоял на выгнутых бортах ванны и, стараясь не выпачкаться, брезгливо рассматривал верх колонки.

Роман Гаврилович смотрел на него снизу и повторял:

— А вот увидишь. Тройник не виноват, а колонка виновата. Колонка виновата, согласен. А тройник — нет...

А папа отвечал:

— Чего ты мне доказываешь? Кто у нас инженер? Ты инженер или я инженер?

Грязь и рухлядь при электрическом свете особенно бросались в глаза. Была тут и железная печурка с прогоревшим боком — ее смастерил Роман Гаврилович, когда не работало паровое отопление, — и проржавевшие колена со следами глиняной обмазки, и трубка, и дисковый переплетный нож с ручкой. В начале двадцатых годов Славику папа на всякий случай учился переплетному ремеслу. Тут же пылились обрывки маминых нот для фортепьяно в две руки — «Я жду тебя», «Анфиса», «От сердца к сердцу» и брошюра «Моя система для дам» с подзаголовком «Пятнадцать минут для здоровья и красоты». «Моей системой» мама особенно дорожила и выбросила ее только этим летом.

Было тут и барахло прежнего жильца, владельца дома, старика Доливо-Добровольского. Он обитал здесь до двадцати второго года, а зимой вышел во

двор и повесился. Маленький Таракан пошел за ним в сарай, увидел, как он прилаживает петлю, и спросил: «Дяденька, вы чего делаете?» «А вот гляди — фокус покажу», — ответил Доливо-Добровольский, сунул лысую голову в петлю и высунул язык. Таракан был еще дурачок и поверил, что правда фокус... От хозяина остались два крокетных молотка, ошейник с шипами, рваные, похожие на нетопырей зонтики и фарфоровая маркизка с золотым бубном, но без головы. Когда-то она плясала под музыку пастушонка, который теперь в Коськином подвале играет неизвестно кому на золотой флейте.

Папа попробовал снять крышку колонки. На него упала оленья голова с отломанным рогом.

— А, черт! — рассердился папа. — Напрасно ты затеял эту историю, Роман. Нужно брать за бока упавдома. Пусть чинит.

— В квартире проживает инженер совместно с рабочим классом, — возразил Роман Гаврилович. — И мы пойдем жилищно-санитарному инспектору кланяться? Позор на всю Европу!

Дверка в топку была открыта. Мятые бумажки торчали оттуда.

— Если трубки разморожены, не легче, — продолжал папа, — придется менять колонку. А на новую колонку у нас с тобой капиталов не хватит. Нет. Крышка не поддается.

Роман Гаврилович полез помогать. Куча пыльной дребедени с грохотом обвалилась на пол.

— Ну и барахолка! — проворчал он. — И куда ты это добро копишь, сосед!

— Мне тут ничего не нужно, — отвечал папа. — Я думал, твое имущество.

— Вот здорово, — засмеялся Роман Гаврилович. — Пять лет живем, и никакого контакта! Клашка!

Вошла Клаша, опуская подоткнутую юбку.

— Слушай ударное задание, — сказал ей Роман Гаврилович. — Все это барахло — во двор и на мусор. И зонты и бутылки, все!

— Вон куда разбежался! — спокойно улыбнулась Клаша. — Твои они, зонты-то?

— Боишься, хозяева воротятся? Не бойся. Собирай ребятишек на субботник, и все подчистую — на двор! А то начальника вон коза забодала. И железяки все эти и печку — все!

— Да ты что, ошалел? Это не шкалик. Хозяйственная вещь — печка. Этак прокидаешься.

— Да у ней дыра на боку!

— Дырку можно залатать, а печка всегда пригодится. В газетах стращают, бьют тревогу на всю Европу — война будет.

— И какая ты неосознательная, Клашка! Погляди — Лия Акимовна. Уж какая барыня, а над барахлом не дрожит, как ты...

— Поехал... — Клаша нахмурилась.

— Ну ладно, — потерял терпение Роман Гаврилович. — Пускай! Сядешь в ванну, а вокруг тебя бутылки поплывут. Пускай!

— Вы что? Ванну налаживаете?

— Да ну тебя!

— И горячая вода пойдет?

— Вон, гляди, на кресте написано «гор». Написано — значит, пойдет.

— А париться?

— До пару немцы еще не додумались. Пустишь заместо пара дождик, и стой под ним, пока не размокнешь. А то напусти полную и ныряй, как прынца. И за баню не надо платить.

— Какая красота! У других во дворе ни у кого нет, а у нас — ванна. Даже совестно! Когда наладите, Иван Васильевич?

— Вынесешь барахло — в момент наладим! — пообещал Роман Гаврилович.

— Не шуми, Рома, не тебя спрашивают.

— Дело в том, Клаша, — начал папа, — что колонка устроена по принципу паровозного котла. Внутри масса трубок. И надо определить, какие трубки разморожены, а какие — нет. А это не так-то просто.

— Особенно без экспертизы профессора Пресса, — съязвил Роман Гаврилович. — Давай попробуем такую петрушку: зальем воду и подуем. Я стану дуть, а ты слушай, где забулькает.

— Башковитый у тебя мужичок, Клаша, — усмехнулся папа. — Молодец!

Клаша зарделась, будто присвоила то, что ей не положено.

— По железному ремеслу только и башковитый, — стала она оправдываться. — А матрасу цены не понимает. Чего сперва — прибираться или воду носить?

— Вы, Клаша, носите воду, а я почищу топку, — предложил Славик. — Мне ничего не составляет.

— Шел бы ты отсюда, — сказала она. — Переспачкаешься, попадет нам от твоей мамки.

— Я по крайней мере мог бы бумагу вытащить. Мне это ничего не составляет.

— Тебе что сказано? — строго сказал папа.

Пионер, конечно, должен слушаться взрослых, особенно родителей. Но Славик еще не давал торжественного обещания. И разве можно уйти, когда заливают воду, когда Роман Гаврилович дует в дырки, а папа, уже не заботясь о рубашке, прислоняется ухом к железному кожуху и выслушивает колонку!.. Чем дальше идет проверка, тем веселее становятся папа, и Роман Гаврилович, и Клаша, и в конце концов оказывается, что почти все трубки целы и только две протекают. Их нужно запаять, и все будет в порядке. Не потому ли дети так завороченно любят работу, что труд идет человеку, как хорошее платье, что в работе, как и в любви, человек становится красивее и добрей?..

— А ты собрался управдому кланяться, — говорил Роман Гаврилович из-под потолка, заливая в колонку воду.

— Да разве он пойдет в домком, Иван Васильевич! — говорила Клаша, принимая пустое ведро. — У нас полгода за квартиру не плачено!

— Вон в чем дело! Позор на всю Европу! — говорил папа. — А управдому придется поклониться. Трубок на полдюйма без него не достать.

— Ничего, — шумел Роман Гаврилович. — Свояк принесет. Знаешь небось Скавронова? Коли надо, не только трубки — паровоз с мастерских вынесет.

— Так я ему и позволю с ворованным приходить! — одернула мужа Клаша. — Гляди не выдумывай.

Пока проверяли трубки, она выгребала из топки мусор. Краденая бумага не вызывала у нее подозрения. Вслед за мелкими казенными бумажками на свет появились документы, написанные на обороте плакатов и афиш, обрывок какого-то письма.

— Вон бумага была — батист, — сказала Клаша. — Теперь и не бывает такой.

— Ну, барахольщица! — весело возмутился Роман Гаврилович. — Вся как есть, с головы до пяток, закидана родимыми пятнами.

— Пстой, сынок... Рома! Погляди-ка, чего написано...

Роман Гаврилович балансировал на борту ванны. Читать в таком положении было нелегко, но испуг Клаши удивил его, и, придерживаясь за трубу, он взял листочек.

— Не забудь обозначить дефектные трубки,— предупредил его папа.— Заткни их чем-нибудь, что ли...

— Обожди с трубками... Знаешь, кто писал?

— Что там у тебя? — спросил папа.

— Кто? — спросила Клаша.

— Ихнее благородие Барановский.

— Не может быть!

— Конечно, не может быть! — сказал Славик.

— А погляди сам.

Роман Гаврилович прыгнул на пол, разгладил на колене листок. Подпись Барановского была щеголевато выведена через всю страницу, строчки косо и немного вверх пересекали бумагу, между каждым словом белели широкие пропуски.

— Ну? — спросил Роман Гаврилович.

— Пожалуй, ты прав. Это конец письма. Господин Барановский пишет одной из своих приятельниц... Посмотри-ка, Клаша, там нет еще листочка?

— Нет, больше ничего нет... Газета какая-то... «Комсомольская правда».

— Жаль. Довольно болтливый кавалер.— Папа ухмыльнулся.

— А ну почитай сначала,— попросил Роман Гаврилович.

— Начала нет. А начинается так:

«...не извольте опасаться. Я, как и прежде, пекусь о вашей безопасности. Дом вдовы Демидовой находится под неусыпным наблюдением, и наш *bête noir*¹ будет взят, как только обнаружатся все его связи, значение и количество которых — есть основание подозревать — гораздо больше, чем мы с вами полагали.

К сему имею честь присовокупить, милостивая государыня, что ваше очаровательное безрассудство явиться в комендатуру лично можно объяснить только недооценкой опасности, в которой оказался наш город, и бессмысленной ревностью. Еще раз хочу вам напомнить *à bout portant*²: дело спасения родины от большевистской заразы вы должны ставить выше личных отношений. Вы ни на минуту не должны забывать, что м-ль Мурашова влюблена в нашего господина по уши. Представляете, что бы было, если бы она увидела вас в моей приемной? Рисковать доверием, которое вы с таким трудом завоевали в шайке большевиков, по меньшей мере безрассудно.

Неотложные депеши благоволите пересылать через посредство доктора Розе. Ему же вменено в долг оповещать вас о всех чрезвычайностях и о моем поведении.

С совершенным почтением и преданностью
имею честь быть

Вашего превосходительства
покорнейший слуга

И. Барановский».

— Выражает почтение лесенкой,— сказал папа,— будто тайному советнику. Солдафонское остроумие. Наступило молчание.

— Интересно, откуда это взялось? — сказал Славик.

— Твоя Лия Акимовна,— сказал папе Роман Гаврилович,— поминала что-то про доктора Розе.

— Это еще не означает, что письмо адресовано Лие Акимовне,— ответил папа резко.

— А я ничего не говорю. Может, оно от прежнего хозяина осталось?

— Чего ты уставился? — рассердился папа еще больше.— Почем я знаю?

¹ Чудовище.

² Напрямик.

— Хозяин был холостой,— возразила Клаша.
 — Ну, не ему, так родне, может...— соображал Роман Гаврилович.— Письмо припрятано не где-нибудь, а здесь, в его бывших хоромах.
 — Оно тут недавно,— сказала Клаша.
 — А я думаю, давно.
 — Недавно, Роман. Не больше двух месяцев.
 — Вы все такие Пинкертоны, что беда! Какая может быть неделя, когда Барановского в девятнадцатом году расстреляли!
 — А видишь кусок «Комсомольской правды».— Клаша показала клочок газеты.— Сперва я листок вынула, а потом газету.
 — Ну и что?
 — А то, что газета за двадцать восьмое июня.
 — Этого года?
 — А какого же? В прошлом году ты секретарем не был, тебе газет не носили. Газета глубже заперта.

Загадка разгадывалась настолько быстро, что Славик не успевал как следует пугаться. Сейчас обнаружится, откуда выкрали бумагу, и узнают, кто совершил ограбление со взломом.

— А по-моему, она лежит здесь довольно продолжительное время,— сказал он на всякий случай. Его никто не слушал.

— Загадочная история! — пожал плечами папа.

— Чудно,— проговорил Роман Гаврилович.

Проверка трубок показала, что починить разможенную колонку — просто и недорого. Но злосчастный кусок письма сбил настроение Ивана Васильевича, охота к совместному труду с Романом Гавриловичем у него пропала, и в ванне еще долго валялось пыльное барахло, и все жильцы коммунальной квартиры ходили по субботам в городские бани.

16

Славик второй день маялся дома. Деньги украсть он не сумел, и выходить во двор ему было запрещено. Нельзя выходить во двор, нельзя лезть на крышу кормить голубей — ничего нельзя.

Утром он мотался по комнатам, мешал Нюре, толкался на кухне и, наконец, решил зайти к Мите.

Митя был занят. Он коленками стоял на стуле и рисовал красную конницу. На другой стороне стола Клаша гладила сахарно-белый халатик. Она служила в нарпитовской столовой. Наступало время идти на работу, а утюг остывал. Приходилось напирать на него обеими руками.

Разговаривать про голубятню при Клаше было нельзя.

Славик подумал и спросил:

— Митя, ты не мог бы залезть в одно место?

— Чего я там не видел? — в свою очередь, спросил Митя.

— Покормить надо.— Славик глянул на Клашу.— Сам знаешь кого. Они кушать хотят.

— А тебе что? — сказал Митя, раскрашивая лошадь карандашом белого цвета.— Не твои. Подохнут — не тебе хоронить.

Славик виновато умолк.

— Не надо было тебе сам знаешь что,— безжалостно продолжал Митя. Он пририсовал кавалеристу черные усы и, откинувшись, посмотрел, как получилось. Вокруг него валялись цветные карандаши, чернильная резинка и линейка с надписью: «Возьмешь без спроса — останешься без носа». С помощью линейки Митя рисовал казачьи пики.

— Не умеешь выигрывать — так и не лезь,— продолжал Митя.— Достал чего велели?

Славик понял, что речь идет о шестидесяти девяти копейках, и промолчал.

— Так я и знал. На двор не выходи — плохо будет,— предупредил Митя.— Мама, кто главней — Фрунзе или Буденный?

— Фрунзе.

— А тот раз сказала Буденный! Чего же ты по-разному говоришь!

— Кто их знает, сынок. Оба хорошие люди. Да ты не серчай, на картинке все равно не видать.

— Как не видать! Кто главней — впереди скачет! Вот принесу неуд, тогда тебе будет!..

— Чего это ты делаешь, Митя? — спросил Славик.

На лето было задано описать какое-нибудь событие из истории — две страницы сверху донизу — и нарисовать это событие на слоновой бумаге. Каникулы тянулись так долго, что Славик прочно забыл о школе и о том, что до начала учения осталось всего два дня.

Он и Митя учились в одной группе. Им не повезло. Им досталась учительница по прозвищу Кура, самая вредная и упорная во всем городе.

Другие учителя отпускали ребят на каникулы без всяких заданий, а Кура велела рисовать картинки, собирать листья и писать про историю.

Другие учителя ставили только уд или неуд. А Кура выдумала пять отметок: уд с плюсом, просто уд, уд с минусом, неуд и даже неуд с минусом. Она писала отметки зелеными чернилами, и приходилось выискивать такие же чернила, чтобы незаметно переправлять минусы на плюсы.

Куру давно бы пора было выгнать из трудовой школы, но муж у нее был старый политкаторжанин, и ее терпели.

— Мама, а у Буденного сколько ромбов? — спросил Митя.

— Много, сынок.

— Сколько много? Мне же событие рисовать!

— Рисуй больше. Буденный герой, всех душегубов разогнал.— Клаша стала сильно размахивать утюгом — раскаливать угли.

— Больше, больше... — капризничал Митя.— Больше четырех ромбов не бывает... А у Фрунзе сколько?

— Почем я знаю? Я его сроду не видала. Отца дождись — спросишь.

Утюг раскалился, и она принялась доглаживать.

— А какое ты придумал историческое событие? — спросил Славик.

— Про Буденного,— коротко объявил Митя.

Выдумка Мити была удачной. Он видел Буденного в прошлом, года три назад, лично, и об этом было известно всему двору.

Первого мая сверкающий орденами командарм стоял на трибуне, а на другой день гулял по бульвару, окруженный шагающими в ногу военными. За ними среди других ротозеев бежал и Митя. Буденный сурово взглянул на него, что-то сказал на ухо молоденькому адъютанту. Митя метнулся в сторону. Но адъютант купил в киоске «Степную правду», догнал, привычно прихватив рукой шашку, своих и подал газету Буденному. Не взглянув на свой портрет, Буденный сунул газету в карман, и плотная кучка военных, как нечто цельное, на двадцати позванивающих в лад ногах простествовала дальше. Митя нарисовал круглое солнце и, чуть высунув язычок, полюбовался своей работой.

— А я решил взять историческое событие из книжки,— проговорил Славик.— Из книжки лучше. В крайнем случае можно переписать.

— Ха! Из книжки! Кура сразу узнает.

— У нас старая книжка. С твердым знаком. Еще до революции вышла.

— Вот чудило! Разве до революции были исторические события?

Славик задумался.

— А как ты думаешь, Митя, телеграфист Ять — историческое событие? Помнишь, Яша в клубе рассказывал?

— А то какое же? Конечно, историческое.

— Тогда я про него и напишу.

— Это ничего, — согласился Митька. — Это можно.

— И картинку нарисую. Станцию, стрелки, семафор, — вдохновился Славик. — И ресторан нарисую. Мы с папой ходили в ресторан. Я знаю, как рисовать. Кругом повара в белых фартуках и пальмы... А за столиком телеграфист. Я его красками раскрашу и пенсне ему раскрашу... — Славик вздрогнул, будто его ударило током.

— Митька! — прошептал он, переводя дыхание. — А я чего знаю!.. Я знаю, кто он такой!

— Кто?

— Да этот самый... телеграфист... Который в пенсне... Который про машинистов записки писал!..

Митя с недоверием смотрел на его взволнованное лицо.

— Клешню помнишь? Так вот, этот телеграфист — его папа. Даю голову на отсечение. Понимаешь, папа Клешни. Которого заporоли. Понимаешь?

Митька не понимал.

Славик нетерпеливо покосился на Клашу. При ней нельзя было упоминать про подвал, а про Клешню — тем более.

— Помнишь Клешню, ну? — волновался Славик. — Пороли его... сам знаешь где... Присяжный поверенный.

— Никакой он не поверенный, — спокойно вмешалась Клаша. — Он большевик, на товарной станции служил. Красногвардеец.

Открыв рот, Славик смотрел, как она поставила утюг на самоварную конфорку, заворачивает глаженный халат в газету.

— Ты его видала? — спросил Митька.

— А то нет! У него в нашем буфете условное место было. Боялась я за него не знаю как... Одевался под солидного господина, пенсне цеплял, а сядет за столик — и давай грязные тарелки собирать! Как простой все равно. А беляков — полная зала!

Славик слушал и ждал, что вот сейчас она рассмеется: «Вот дурачки. Вас разыгрывают, а вы рты пораскрывали!» Но она не смеялась.

— Ну и дождался. Взяли. Проводят мимо стойки, — глянул на меня и говорит: «Спасибо, гадюка!» Думал, что я его видала. Я ему водичку с-под крана вместо водки. поднесла. Он на меня и подумал.

— А ты что? — спросил Митя.

— А что я? Тошно мне стало, прямо не знаю как. Ведь он не у тещи на блинах, — нельзя ему водки... Уводят его, а я им в сердцах: «Рвань белая». А возле меня два беляка: один — казак, другой не знаю кто, на рубашке химическим карандашом погоны нарисованы... Стоят у стойки — все слышат.

— И чего тебе было?

— А ничего, — улыбнулась Клаша, осторожно накрывая голову свежей косынкой. — «Не плачь, — говорят, — девка. Мы его вызволим». А сажали тогда, до прибытия начальства, в кондукторские бригады. Пошли, пугнули караульщика, а арестант убежал... Ой, время-то сколько!

Она повязала платок внахмурочку, чтобы на улице не приставали парни, и побежала.

Славик ошелело смотрел на дверь.

Недавно в «Красной ниве» он видел картинку: по зимнему городу, через дворы, через каменные дома и церкви, шагал великан с красным знаменем, и длинное, как дорога, алое полотнище вилось над улицами и церквями. Картина Славику понравилась. Только такие великаны и могли одолеть царя и разогнать его войско, и он привык думать, что славное племя великанов-революционеров живет в Москве и в Ленинграде. И вот, оказывается, тетя Клаша, которая только что гладила халатик, выручила правдашного красногвардейца!

Это было поразительно так же, как если бы его мама Лия Акимовна во время сабантуя вскочила бы на иноходца и помчалась наперегонки...

— Ну вот, — сказал Митька, — а ты выдумал: «Присяжный поверенный»! — Он посмотрел на картинку. — А Буденный не похож вышел. Верно?

— Да, не похож, — согласился Славик. — Одни только усы похожие... Знаешь что, Митя, рисуй про телеграфиста ты. Твоя мама его выручала, ты и рисуй.

— Ладно. А ты чего будешь?

— Чего-нибудь придумаю.

Митя не привык откладывать дела в долгий ящик. Он вырвал из альбома чистый лист и принялся рисовать арест телеграфиста.

Славик печально смотрел, как продвигалось дело. Только раз он не удержался и напомнил:

— Пальмы нарисуй. В ресторане всегда стоят пальмы.

Мите стало жалко приятеля.

— А ты спроси у своей мамы, — посоветовал он. — Может быть, она тоже кого-нибудь выручила.

— Нет, — вздохнул Славик. — Она еще никого не выручила.

Пока Славик был у Мити, к маме по пути на базар зашла жена Полякова, Маргарита Михайловна.

— Мама! — воскликнул Славик, влетая в комнату. — А тетя Клаша красногвардейца спасла!

— Это прекрасно. Но когда взрослые разговаривают, перебивать их неприлично.

Гостья сидела на стуле с ивовой корзинкой на коленях. Мама мерила у зеркала лифчик.

— А знаешь, мама!..

— И, кроме того, с гостями надо здороваться.

Славик сказал Маргарите Михайловне «здравствуйте», шаркнул ножкой и бросился на кухню рассказывать про тетю Клашу Нюре. Нюра отбивала мясо, ей некогда было слушать.

Он вернулся в детскую, сел за столик, укапанный чернилами, и под журчание голосов принялся лениво рисовать лошадок и человечков с шашками наголо.

17

— Побегу! — говорила Маргарита Михайловна. — Мой повелитель отпустил меня всего на два часа. А я еще мяса не купила.

— Посидите, милая, — удерживала ее Лия Акимовна. — Базар рядом... Мясо берите у Кулибина. У него чудесные косточки для бульона... А ляжки придется ушивать.

— И ляжки ушивать и пуговички переставить, — сказала Маргарита Михайловна.

— Чудесные косточки. А самое главное, он равнодушен к дамам... Такая бурая морда, а делает глазки. Пококлетничайте с ним и купите дешево.

— Чего, чего, а с кавалерами я умею перемигиваться,— смеялась Маргарита Михайловна.— Особенно ради снижения цен... Как вы сказали — Кулибин?

— Кулибин. У него на лавке дурацкая вывеска «Кулибин-сын». Сразу увидите. Он всегда стоит в дверях... Морда глупая, бачки, как у Гарри Пилы. Да, придется ушивать. Какая досада!.. Если торгует его благоверная, не подходите. На пушечный выстрел не подходите. Запрашивает вдвое. Такая хамка! Ну, расскажите какую-нибудь побасеночку.

В этот момент и ворвался Славик с восклицанием:

— Мама! А тетя Клаша красногвардейца спасла!

— Это прекрасно,— сказала Лия Акимовна.— Но когда взрослые разговаривают, перебивать их неприлично.

— А знаешь, мама...

— И, кроме того, с гостями надо здороваться.

Славик шаркнул ножкой, сказал Маргарите Михайловне «здравствуйте» и бросился на кухню.

— А он мужает, негодник! — провожая сына глазами, сказала в нос Лия Акимовна.— Вы не находите?

— Какое там мужает! — возразила откровенная Маргарита Михайловна.— Его бы на лето к нам, на нашу тихую станцию. Он там кумыса бы попил, на рыбалку бы с Павлом Захаровичем сбегал, не узнали бы вы его... Павел Захарович обожает ребят.— Она улыбнулась.— Особенно чужих.

— И мой тоже. Очень любит детей и при своем типично инженерском складе ума каким-то чудом находит с ними общий язык. Просто поразительный человек!

И она стала расхваливать Ивана Васильевича с таким ожесточением, с каким это делают только заброшенные жены.

— А я вам не говорила, как моего лешего на дрезине привезли? — перехватила разговор Маргарита Михайловна.— Ногу вывихнул! Поехал пути проверять и чехарду затеял. Представляете: солидный мужик, партиец, начальник участка, а прыгает по степи через рабочих, и они через него... Пришлось костоправу вызывать. Ногу вывихнул.

— Кошмар! — сказала Лия Акимовна.

— Еще бы! Неделью лежать велели. Стала натирать его денатуратом, отошла на минутку, а бутылка пустая. До доньшка высушил, примус разжигать нечем. А денатурат! На бутылке кости нарисованы! Вот здоровья мужику отпущено! Недаром мешальщиком к пекарю занимался.— Она наклонилась к Лие Акимовне и проговорила шепотом: — На десять баб хватит.

Лия Акимовна оглянулась. Печальный Славик возвращался в детскую.

— Вынь руку из кармана,— сказала она ему и предупредила Маргариту Михайловну: — Вы следите за Павлом Захаровичем. Не дай бог, сераль заведет.

— Да пусть заводит! — всплеснула руками Маргарита Михайловна.— Отдохнула бы хоть от него, поспала бы вволю. То-то и беда, ни на шаг не отходит. Прошлую пасху у дорожного мастера гуляли. Крепко выпил. Я говорю: «Придется мне тебя на себе домой тащить, Павел Захарович». «Кого,— говорит,— тащить?» Сгреб меня на руки и, как ни отбивалась, понес домой. Не поверите, Лия Акимовна, версты две без передышки на руках тащил! Это меня-то, такую колодину! — Она ласково смеялась и качала головой.— Леший! Степная порода!

— Иван Васильевич меня тоже нес на руках после венчания,— сказала Лия Акимовна, строго, как соперницу, оглядывая себя в зеркале.

— Ничего его не берет, лешего! — завелась Мар-

гарита Михайловна.— Вот пожалуйста: сегодня ногу вывихнул, а завтра к вам на пикник поехали. Только вечер и вылежал.

— Значит, у него был не вывих,— возразила Лия Акимовна.— Вывих — серьезная травма. При вывихе выписывают холодные компрессы и постельный режим.

— Вывих! Самый нормальный вывих. И все равно на другой день вскочил.

— Это просто невероятно,— сказала Лия Акимовна раздраженно.— Я с ним польку плясала. Как козел прыгал. Какой уж там вывих!

— Помилуйте, Лия Акимовна, да что я, по-вашему, вовсе угорела? С какой стати мне небылицы распускать? Павел Захарович налицо, спросите его, если не верите.

— Посудите сами, Маргарита Михайловна. Человек вывихнул ногу, а на другой день отплясывает польку. Любой лекарь поднимет вас на смех.

Лия Акимовна очень разволновалась. Длинное лицо ее покрылось красными пятнами.

Она твердо помнила, что в пятницу, накануне дня рождения Славика, Иван Васильевич пришел домой поздно ночью и сказал, что они вместе с Павлом Захаровичем ездили на дрезине проверять временный мост на объезде. Иван Васильевич объяснял, что они задержались до поздней ночи потому, что пришлось переждать экстренный поезд.

А по словам Маргариты Михайловны получалось, что Павел Захарович в эту самую пятницу с Иваном Васильевичем не встречался, на временный мост не ездил, а играл в чехарду и вечером лежал дома с вывихнутой ногой.

В последнее время подозрительные мелочи буквально лезли под руку Лие Акимовне. Она вспомнила, что в пятницу от жилета Ивана Васильевича пахло отвратительными духами и что в кармане брюк оказались два надорванных билета в кино «Амфир».

Все это Лия Акимовна считала недостойным своего внимания и не искала объяснений, но разговор с Маргаритой Михайловной встревожил и оскорбил ее. Была минута, когда она почти решилась спросить, ездил ли Иван Васильевич с Павлом Захаровичем на мост или не ездил.

Но задать такой вопрос у нее не хватило сил, и она пыталась вывести истину обходным путем.

— Я ни на йоту не сомневаюсь в вашей искренности, Маргарита Михайловна,— говорила она, раздраженно стягивая блузку, которую только что надела на левую сторону.— Но случается всякое... У меня это сплошь и рядом, постоянно путаю дни и числа...

— Чего там путать, когда в субботу гуляли,— возразила Маргарита Михайловна.— Всего-то три дня прошло.

— Да, но, может быть, Павел Захарович вывихнул ногу не в пятницу, а несколькими днями раньше.

— Нет, в пятницу. Скорый ташкентский у нас когда проходит? В понедельник, в среду и в пятницу. Ну да, в пятницу. Велел мне к скорому выйти. Пока ходила, денатурат выпил. Нечем было примус разжечь.

— Но вы же сами говорите, что поезд проходит и в понедельник и в среду?

Маргарита Михайловна видела смятение Лии Акимовны и догадывалась о причине. Как и большинство знакомых Ивана Васильевича, она знала про комсомолку из главных мастерских, но предпочитала, чтобы кто-нибудь другой открыл Лие Акимовне глаза.

— Рада бы я была, Лия Акимовна, назвать вам и

понедельник и среду,— вздохнула она,— но что было, то было: в пятницу вывихнул, весь вечер дома на койке валялся, а в субботу у вас гуляли.

Лия Акимовна внимательно посмотрела на нее.

— Прямо не укладывается в голове...— Воскликнула, как бы случайно вспомнив: — Да! Ведь они же собирались с Иваном на линию. На временный мост.

Она почувствовала, что глаза ее, помимо воли, выражают испуг, отошла и стала громко копать в шкатулке.

— На мост они поедут в понедельник,— торжественно и сердито проговорила Маргарита Михайловна.

Лия Акимовна промурлыкала «Оружием на солнце сверкая». Было ясно, что в пятницу, когда Иван Васильевич вернулся домой в третьем часу ночи, на линию он не ездил. Он обманул ее. И, как ни странно, первым человеком, на которого обратилась ее ненависть, была Маргарита Михайловна.

— Ну, я пошла,— сказала Маргарита Михайловна, поднимаясь.— Как вы сказали, у кого мясо брать?

— Вы так хорошо запоминаете дни,— сказала Лия Акимовна язвительно,— а про мясника спрашиваете третий раз. Кулибин.

Славик сидел в детской и прислушивался. Ему очень хотелось рассказать про тетю Клашу. А женщины все разговаривали и разговаривали, и разговор их был похож на карусель, которую разогнали и никак не могут остановить.

— До свиданья, до свиданья,— слышался из столовой мамин голос.— Вот и поболтали... Не забывайте, звоните, когда бываете в городе... Да, представьте! Этот профессор-то в роще: «У вас,— говорит,— осанка Авроры!» Пристал как банный лист!

— И ко мне лез,— отвечала Маргарита Михайловна.— Профессор называется. В Ленинграде небось не позволяет себе руки-то распускать, а к нам заехал, думает, глушь, верблюды, тут все дозволено...

Хлопнула дверь. Мама вернулась, проводив гостью.

Славик вошел в спальню.

Мама сидела посреди комнаты на стуле в шелковой блузке и красных бусах.

Славику показалось, что за последний час она сильно похудела.

— Мама, знаешь, тетя Клаша-то красногвардейца спасла! Хочешь, расскажу?

— Расскажи,— сказала мама.

Она смотрела, как Славик шевелит губами, взмахивает руками, и думала:

«Пойду сегодня вечером в «Тиволи» и напьюсь. Дядя был мудрый человек. Не зря говорил: «Сперва выйди замуж, а потом делай, что хочешь». А я за все тринадцать лет ни одного хахала не завела. Сижу, как дура, дома и жду неизвестно чего... Правильно ужасались подружки, когда я вышла за тваряка. В сущности, я вышла за Ивана не по любви. Я вышла замуж на нервной почве... Нет, обязательно пойду в «Тиволи» и напьюсь».

«А не поступить ли мне куда-нибудь на службу? — думала она через минуту.— Могу же я заведовать какой-нибудь народной библиотекой... Когда-то я учила французский язык!»

— Мам, ты чего? — спросил Славик.

— Ничего, ничего, рассказывай.

— Мама,— повторил он настойчиво,— ты чего?

— Ты бы пошел к себе, сынок. У меня раскаляется голова.

— А тебе не надо завесить штору?

— Не надо.

Славик вышел и тихонько прикрыл дверь.

Лия Акимовна была глубоко несчастна. Она в сотый раз вспоминала одно и то же: как Иван Васильевич вернулся в третьем часу ночи, как она, дура, вскочила и жарила ему среди ночи яичницу. Вспоминала и другие одинокие ночи...

Он ел ее яичницу и врал про поездку на временный мост. Он врал небрежно, автоматически, не думая о том, что Павел Захарович будет на пикнике и все может выясниться. Эта небрежность обмана больше всего мучила Лию Акимовну.

18

Славик несколько раз принимался рисовать красную конницу, но работа валилась из рук. Весь день он мечтал, как интересно можно было бы нарисовать арест телеграфиста, и сокрушался, что не имеет на это права.

В конце концов Славику пришла в голову простая мысль: ведь он может нарисовать телеграфиста не для Куры, а для себя.

Он отложил скачущих лошадок и принялся за дело. Он изобразил большие окна, нарисовал множество зеленых людей с погонами и гражданского в черном пальто и в пенсне. На переднем плане тетя Клаша несла на подносе рюмку. Чтобы было ясно, что в рюмке не водка, а обыкновенная вода, Славик покрасил воду в синий цвет. Тетя Клаша вышла вдвое больше остальных и без всяких усилий со стороны Славика получилась удивительно похожей. Славик нарисовал и скатерти на столах и солонки, на карточках написал «Меню», как в настоящих ресторанах. В последний момент он вспомнил про двух казаков, пририсовал их кое-как и пошел к маме хвастаться.

Мама чистила брюки. Она мельком взглянула на картинку и сказала:

— Мило, мило. Застегни пуговицу.

Славик обиделся.

— Можно, я к Мите? — спросил он.

— Нечего там тебе делать.

— Ну, мам!

Она брезгливо вынимала из папиных брюк лежащие бумажки.

— Ну, мама! — повторил Славик.

— Ах, отвяжись, пожалуйста! Иди куда хочешь!

В гостях у Митиных родителей был свояк Скавронов. Чай они уже отпили и играли в подкидного. Без игры в дурака Скавронов отдыха не понимал. И всегда имел при себе карты.

Играли двое надвое. Клаша, как всегда, была напарницей Мити и принимала на себя его ошибки.

Открывая дверь, Славик услышал ее голос:

— А на что письмо столько лет держать? Подумай своей умной головой.

Она увидела Славика и смолкла.

— А на что екатериновки копят? — возразил Скавронов, набирая овальные, как оладьи, карты. — Екатериновки копят, лимонки. Сундуки клеить? Нет, моя любезная, не сундуки. Они, я тебе скажу, царя дожидаются. И только! Его величества. Так и тут. Вот, мол, погляди, ваши благородия, какие мы верные, какие письма нам шли...

— Оно в топке было. Понял? — вмешался Роман Гаврилович.

— Ну и что? Не дождалось и выбросили... Роман — карты ко кресту! Живете, как мураши все равно. Принюхались. Не чуете, кто у вас под боком. И шлепнул влетом по столу.

— Зря болтаешь, свояк, — сказал Роман Гаврилович. — Он хоть и инженер, а свой. Мы его знаем.

— На Первое мая флаг на балкон вывешивал, — добавила Клаша.

— Все они стрекулисты до седьмого колена, — упорствовал Скавронов. — Нынче флаги вешают, а было время, трудящихся вешали. Это письмо надо бы не в музей нести, а кой-куда на проверочку...

— Играешь, так играй! — Клаша оглянулась на Славика. — Болтаешь чего не надо.

Славик догадался, что разговор идет о его родителях. Ему стало неловко. Надо бы спросить что-нибудь для вида и уйти. Но, как нарочно, путного вопроса в голову не приходило.

— Ну ладно, — продолжал Скавронов. — Он пускай наш. А она? Письмо-то пущено к женскому роду. Ты проверял, от каких она кровей?

— У тебя перегиб, свояк, — возразил Роман Гаврилович. — Нынче не семнадцатый год. Надо людей персонально глядеть.

— Людей нету. Почитай в календаре. Есть классы. И только! Погляди на себя. Секретарь партийной ячейки, а жена у тебя обрастает. Все равно как слободская купчиха. Красивше людей жить хочет. Циновки кругом, застилочки. У меня вон ребята на полу спят.

— Ежели ты меня секретарем выбрал, значит, циновки выкидать? — спросил Роман Гаврилович.

— А как же! Чем кроешь, садова голова! Я виновного вальта кинул!.. Больше тряпья — больше заразы. Почитай в календаре, где обитают блохи, пауки и прочая мелкая буржуазия. В тряпье. И только!

— Тебе чего, Славик? — спросила Клаша.

— Ничего. Я потом.... Я картинку хотел показать.

— А ну дай. Вот, Митька, гляди, как рисовать надо!.. Срисовал откуда или из головы?

— Из головы, — покраснел от удовольствия Славик.

— И пол разукрасил. И подписал «Русаков». Все честь по чести!

— Кто такой? — насторожился свояк.

— Сынок русаковский, Славик, — проговорила Клаша и добавила тем намекающим тоном, которого, как уверены взрослые, дети не способны понять: — Тебе говорили, язык не распускай.

Славик взглянул на Скавронова с недоумением. Ему показалось, что этот смахивающий на богатыря, напечатанного на обложке «Красной нивы», человек растерялся.

— Давай ходи, Клашка! — заторопился он. — Еще кон сыграем, да ладно... Ну и насдавали: шеститки, семитки — одна мелкая буржуазия...

— Да ты его не бойся, — улыбнулась Клаша. — Сиди.

— Сама, гляди, не забоись, — набычился Скавронов.

— Мы со свояком, окромя блох, ничего не боимся, — усмехнулся Роман Гаврилович.

— Я на фронте ротного в глаза матюгал, — прибавил Скавронов.

И, чтобы не было сомнения, приказал Славику:

— А ну подойди!

Славик подошел.

— Это что у тебя?

— Картинка. Историческое событие.

— А ну подай!

— Пожалуйста. — Славик обрадовался поводу установить добрые отношения. — Держите за края. Она еще не совсем высохла.

Скавронов положил карты кверху рубашкой, взял картинку в обе руки.

— Вон чего протаскивают! — произнес он мрачно.

— А чего? — Роман Гаврилович подмигнул Клаше. — Застилочки?

— Зубы-то не суши. Сам погляди. — Скавронов показал издали. — Видал?

— Детский сад, что ли?

— Да ты глаза протри! Это кто?

— Вроде женщина. Верно, Славик? Заведующая?

— Не женщина и не заведующая, — проговорил Скавронов наставительно, — а Юдифь, вдовица ерусалимская. Видишь, голову на подносе тащит.

— Гляди, Клашка, как свояк растет над собой! За ним и не угнаться!

— Меня не обведешь! — продолжал Скавронов. — Юдифь Египетская, согласно библии, срезала голову с командующего и потащила на подносе.

Митя поглядел и хихикнул. Один из казаков торчал как раз за Клашиным подносом, и получалось, как будто Клаша несет на подносе человеческую голову.

— В бога веруешь? — спросил Славика Скавронов.

— Нет. Мы учили, что бога нет.

Скавронов смотрел на него подозрительно.

Славик почувствовал себя виноватым и добавил:

— Я больше не буду.

— Ладно тебе, — сказала свояку Клаша. — Ходи.

— Обожди. Это как понимать? Кто тебя подбивал Юдифь рисовать?

Славик молчал. Доказывать, что это не Юдифь, а тетя Клаша, было глупо.

— Понятно? — Скавронов обвел всех значительным взглядом. — Вон она сидят пируют, а она голову несет. На столах-то вон сколько горшков да мисок. Небось, у вас в обед каждый день котлеты?

— Нет, мы мало кушаем, — виновато произнес Славик и потянулся за картинкой. Но Скавронов не отдавал.

— Бреешь. Не с головы же ты столько мисок нарисовал. А ну быстро, чего в обед подавали?

— Ничего такого. На первое — бульон.

— А в нем чего?

Славик заморгал.

— Ну внутри. Какая закладка? Картошка? Говядина?

— Насколько я помню, внутри ничего не было. Просто крепкий бульон.

— Значит, ничего?

— Ничего.

— Сама вода?

— Почему же вода? Крепкий бульон. С сухариками.

— Вон они, скупердяи! Вместо хлеба сухари грызут. А деньги, небось, во всех карманах.

— А ты что выведываешь? — пошутил Роман Гаврилович. — Стырить хочешь?

— Обожди, не мешай! — отмахнулся Скавронов. — Бульон — это так. Для затравки. А на обед чего?

— Вы имеете в виду — на второе? На второе сегодня были фаршированные кабачки. В масле.

— Видал? — Скавронов поднял палец.

— Мой папа любит фаршированные кабачки, — попробовал объяснить Славик. Он видел насмешливо-конфузливое лицо Клаши и торопился исправить. — Папе вообще нравятся кушанья, с которыми приходится возиться. Например, ромовая бабка с сабайном.

— Это как понимать? — спросил Скавронов.

— Это я вам не могу сказать в точности. Сабайон — это гоголь-моголь... Туда добавляют сливок и немного коньяка... Впрочем, я точно не знаю. Мама редко готовит. У нас обыкновенно Нюра готовит.

— Какая такая Нюра?

— Прислуга.

Славик опять сказал не то, что надо. Он протянул руку за картинкой, но свояк не дал.

— Нет, обожди. Вам прислужница стряпает?

— Не всегда. Нюра сама любит варить.

— Вот оно равенство-братство! Нюрка, значит, варить любит, а есть ты любишь?

— Нет, почему... Я скушал только два кабачка, чтобы мама не ругалась... Мама совсем не кушала, плохо себя чувствует. А папы еще нет. Последнее время готовятся к перевозке фермы, и он задерживается на службе.

— Окладу им мало! Сверхурочные заколачивают! — Чем больше Славик оправдывался, тем напористей становился Скавронов. — Ну ладно! А с чего хозяйка хворает? Учит ее отец, что ли? Бьет?

— Кого? Маму? Нет, что вы!..

— Так с чего же она хворает? Ничего не делает, на кухне не стряпает, а хворает.

— Почему ничего не делает? Кое-что она делает. На базар ходит. За провизией.

— Прислужнице не доверяет. Боится, копеечку стащит.

— Отлепись ты от него ради Христа, — взмолилась Клаша. — Ходи!

Славик стоял, опустив клиновидную голову, и покорно дожидался, когда ему отдадут картинку.

Он был уверен, что провинился, раз даже добрая тетя Клаша конфузится, и его сокрушало, что он не понимает своей вины.

— Помяни мое слово, Роман, — сказал Скавронов, — или сами писали, или сродственник.

— Не выдумывай! — возразила Клаша. — Мы с ними не первый день живем. Люди как люди.

— А ты молчи! — Скавронов стукнул кулаком по столу. — С чего они могут быть как люди, когда у них все изъяли? И дома и лавки! Ежели бы я свой дом заимел и его бы у меня взяли, у меня бы на другой день волчьи клыки выросли! Его благородие атаман Дутов в город вошел, матушка тоже утешала — люди как люди. В белых перчатках... А эти люди как согнали жену, и матку, и ребятишек босых на снег среди ночи, да как принялись прикладами окна бить! Чтобы меня найти, надо им, видишь ты, окна рушить. В белых перчатках... А мороз на дворе — сорок градусов. Дунешь — трещит, и только! Меньшенькой, Фроське, второй годок пошел, она матери на руки просится: «Возьми меня, мама, на ручки, я ножек не чую!»... А они дитя на руки взять не дают... В белых перчатках... — Руки его мелко задрожали. — Ладно, чей ход?

Лицо у Скавронова стало белое, как бумага. И Славiku только теперь бросилось в глаза, что он не брит и щеки его покрыты черной, будто прокопченной щетиной.

— «Ножек, — говорит, — не чую...» — с усилием выговорил Скавронов. — Фроська, меньшая... За трое суток сгорела... Железной метлой их надо... Каленым железом...

— Ладно тебе. Крой, — тихо сказала Клаша.

— «Ножек, — говорит, — не чую...» А я в щелку гляжу. — Он уронил голову на руку и как будто залаял. Клаша встала со стула.

— Славик, ступай домой, — сказала она спокойно. — Митька, подай воды.

Славик все не понимал, что Скавронов плачет.

А Клаша собирала с пола оброненные карты и уговаривала свояка, словно ребеночка:

— Гляди, какие картинки пришли. Разве такое добро на пол кидают? Два туза, три козыря...

— Отступись, змея! — проговорил свояк и, все еще плача, взял карты.

(Окончание следует.)

Сергей
Дробченко

Когда я вернулся домой,
припомнилось: пахло свечами,
сырыми дровами, зимой,
бессвязные речи звучали.
Взаимная жажда добра
надежно служила застолью,
и елка росла из ведра
с водой и поваренной солью.
Зеленое чудо ее
проникло как будто без цели
в случайное наше жилье,
где мы веселились и пели,
где мы тосковали о том,
что вскоре расстаться придется,
что кто-то в бревенчатый дом
обратно уже не вернется.
Хотели мы в общей судьбе
удач на стезе нашей тесной
и жизни желали себе
хотя бы недолгой, но честной.
И думали мы об одном
в ночи над приятельской чашей:
о снеге за черным окном,
о вьюгах над Родиной нашей...

Летел, летел поспешный снег.
За окнами клубилась вьюга.
Я вспоминал свой краткий век,
лицо любимой, голос друга.
И ждал, что выглянет вот-вот
светило зимнее из тучи,
и минет этот трудный год,
и наступивший будет лучше.
И разом все пойдет на лад,
и свет у тьмы ответа спросит,
едва холодный свой наряд
безмолвный лес однажды сбросит.
Но снег летит сегодня вновь,
и веет силою начальной
к России давняя любовь
и женщине моей печальной.
И жизнь осталась жизнью той,
сравнимой лишь с дыханьем моря
и чистотой, и высотой,
и тайным произволом горя...

Ночью дождь в окно стучал,
щедро влагу расточал,
бесконечным было благо.

Хорошели деревья,
словно в сказке терема,
чудеса творила влага.

Влажный ветер приникал
к цветникам и парникам,
ветер радостный и свежий,
изгоняя вместе с тем
из моих холодных стен
воздух зимних побережий.

Это было так давно,
а сегодня все равно:
радости или печали.
Ничего я не ищу.
Постою и погрущу
на заснеженном причале.

Что за робкая весна!
Вьюга, белая сосна
и на тротуаре наледь.
За далекую черту
перешел маяк в порту
и не устает сигналить.

Как и в прошлые года,
он зовет к себе суда
на краю пустого мола.
Так же ярок красный луч,
но от берега до туч
море сумрачно и голо.

Ничего я не хочу.
Разве рассказать лучу
о моем военном лете
и об улице моей,
удаленной от морей,
разоренной в годы эти!

Лишь по-прежнему к весне
наяву или во сне
остается мне стремиться.
Высь над бухтой глубока,
и уходит в облака
зимняя худая птица...

Однозвучно поет тишина,
и поселок и лес убаюкав.
Слава богу, что ночь лишена
посторонних обыденных звуков.
Тишина монотонно поет.
Это пенье на проводах лета —
словно мирный, неспешный полет
уходящего вдаль самолета.
Я прислушаюсь, сяду за стол.
Холод листья сметает в овраги.
Хорошо, что меня он застал
с первой строчкой на чистой бумаге.
С первой строчки и с первого дня —
все впервые.
И эта свобода
угнетает, как прежде, меня
на исходе печального года.
Я замечу, как чахнет трава,
как по осени мать постарела,
как о жизни простые слова
обступают меня то и дело.
Снова в воздухе пахнет зимой.
Звезды медленно падают с неба.
И поселок заброшенный мой
спит в предчувствии первого снега...

Сегодня мне снилась Москва
и послевоенные годы,
когда мне без всякой охоты
вдруг выпало стать москвичом,
а я не грустил ни о чем,
тем более, что доброхоты
свои облекали слова
в такую обертку, что я
поверил с готовностью, сразу
в ходячую старую фразу
о счастье, о том, что успех
в Москве уготован для всех,
о том, что напрасную трассу
в апреле в родные края
избрали сердца моих птиц,
покорные силе пристрастия,
сквозь дождь и метели ненастья
влекущие стаю домой,
туда, где остался и мой
порог, без успеха и счастья
скрипящий вдали от столиц
и знающий, как я живу,
грущу втихомолку и плачу,
пустую решаю задачу
о собственной странной судьбе,
о детях своих и себе,
все верю в любовь и удачу,
которые, как наяву,
приходят ко мне с каждым сном,
являются снова и снова
услышать ответное слово
души невеселой моей,
но я не потворствую ей,
пусть даже она и готова,
как прежде, болеть об одном.
...А тучи плывут за окном.

Этот порт, этот город приморский
не запомнит на склоне зимы,
как бродили здесь малою горсткой
молодые, влюбленные мы.

Этот ветер, сырой и ненастный,
эти спящие в бухте суда
не узнают, что случай прекрасный
нас привел ненадолго сюда.

Не заметят деревья и травы,
как в беспмятстве мартовских дней
без приятелей, денег и славы
нам дышалось ровней и вольней.

За дождями и снегом ненастья,
закрывая глаза, как во сне,
расточительным голосом счастья
пела птица на старой сосне.

Дальней ночью, на грани рассвета,
только выбелит окна мороз,
к нам вернется однажды все это,
оживет и взволнует до слез.

И в причудливом чистом узоре
повторится в неведомый час
бесконечная линия моря,
навсегда породнившего нас.

**Станислав
Юнчев**

Мой город растет не по дням,
Растет по часам, по минутам.
И что же мне делать? — я сам
Прощаюсь с привычным уютом.
Но он для меня, для меня
Все тот же постылый и нежный,
В рассвете апрельского дня
Окутанный дымкою вешней.
Я вырос и выжил вот здесь.
Я чужд возникающей нови.
И это, простите, не спесь,
А горькая верность в любви.
Я прав. Я не вечно живу.
Мне нету причин притворяться,
К чужому спешить торжеству,
Поддакивать и придуряться.
Я лучше для вас воскрешу
Приметы снесенного дома,
Я лучше о том расскажу,
Что дорого мне и знакомо.
А тот, кто иначе живет,
Кто верен грядущим приметам,—
Надейся! — и время придет:
Ты миру расскажешь об этом.

Свиданье

Повсюду жизнь. Повсюду шум и плеск.
Журчит Угра. Шумит сосна угрюмо.
Гудит шоссе. Костер роняет треск.
И мне прекрасно в окруженье шума.
Жизнь — это шум. А там, где тишина,
Тоска одолевает человека.
Приятно слышать, как стучит телега
В ночном просторе,
Или в море снега
Когда машина дальняя слышна!
Над головою вспыхнула звезда —
Она вот так же в юности пылала,
Но темная осенняя вода
Меня совсем другого отражала.
Как изменились милые места!
Уверенно работала разлука.
С таким трудом мы узнаем друг друга —
И я не тот, и ты уже не та.
...У водопоя звякнуло ведро,
На берегу забормотали бабы.
И тишина. Но только рассвело,
Как от восторга зазвенели жабы!
А в полдень крылья тысячи ворон,
Перед отлетом сгрудившихся в стаю,
Шумели в небе с четырех сторон...

Но сквозь бессвязный шелест, шум и звон
Я странный звук с тревогой различаю.
И говорю себе: всего нежней,
Пронзительней, чем крылья и растенья,
На незабвенной родине моей
Шумит чертополох — трава забвенья.

Этот город никак не уснет,
Не приляжет, не уgomонится.
То на стыках трамвай громыхнет,
То машина со свистом промчится.
Этот мир не смиритсЯ никак:
То и дело несутся из мрака
И опять исчезают во мрак
То гитара, то песня, то драка.
Отступает дневная жара,
Но от мыслей о жизни не спится —
Как-нибудь дотянуть до утра,
Как-нибудь до рассвета забыться.
До мгновенья, когда в небесах
Тонкой лентой сверкнет позолота,
Чтобы высветить в милых чертах
Беззащитное, детское что-то...

**Дмитрий
Сухарев**

Хорошее дело

Чем попусту слоняться
Меж никнувших лозин,
Не лучше ли заняться
Плетением корзин?
Над корьем да над лыком,
Над ивовым прутом
Сиди с приятным ликом,
Как древний грек Платон.
Занятие такое
И страсть в себе таит
И более мужское,
Чем кажется на вид.
Не промысла же ради
В работу эту вник
Седой, не при параде
Полковник-отпускник.
Очкастых наших деток
Влечет иная честь,
Но слух такой, что предок
Крестьянствовал, — он есть.
И дом наш — Ламский Волок,
Таков семейный миф,
А путь до книжных полок
И долог был и крив.

Так что ж, в лаптях лукаво
Себя вообразим!
Но, право, не забава
Плетение корзин.
Витые эти кольца —
Такой душе бальзам!
Притом хозяйству польза
И светлый пир глазам.
Единственного мига
Сверкание продли.
Единственное лыко
В строку определи.

Ночь

Мы засыпаем в переулке,
В котором нет войны.
Приходит ночь в благословенный город,
Приходят сны.

Приходят сны в битком набитый город,
Приходит тишина.
Вот где-то вскрикнул женский голос,
Но это не война.

Троллейбусы черны, смиренны,
Нет никого.
Спит город, спят его сирены,
Спят женщины его.

Не мечутся простоволосо
В оставшиеся сорок семь секунд.
Спит переулок. Осень.
Часы текут.

Часы текут, текут, стекают,
Уходят прочь.
И тикают
И не стихают
Всю ночь, всю ночь.

Подражание

Зачем ты уехала, Сюзин?
Померкли мои берега.
На землю, на бедную землю
Ложится вечерняя тень,
И гаснет звезда, не успев разгореться.

Куда ты уехала, Сью?
Ложатся вечерние росы
На бедную землю мою,
И нету ответа.
А я задаю, задаю
Вопросы,
а я затаю
Надежду,
А росы ее охладят,
И птица охрипнет.

Ни весен,
Ни писем,
И осень умрет за окном,
И вряд ли, я думаю, сблизим
Стаканы с венгерским вином.
Да я и не думаю ждать:
На черной озерной воде
Нельзя отогреться звезде,
И гаснет звезда, не успев разгореться.

А. Ф. Трешников

ВОКРУГ АНТАРК- ТИДЫ

Известный полярный исследователь доктор географических наук Герой Социалистического Труда Алексей Федорович Трешников написал книгу «Вокруг Антарктиды». Это — полное романтики повествование о советских научных экспедициях в южные полярные земли, о мощном размахе наших научных исследований, о замечательных людях, побеждающих жестокую стихию.

Мы публикуем здесь страницы из этой книги, выходящей в издательстве «Гидрометеоиздат».

В начале октября 1967 года был подписан приказ о моем назначении начальником тринадцатой советской антарктической экспедиции. Как летят годы! Кажется, совсем недавно я, вернувшись после работы на дрейфующей станции «Северный полюс-3», провожал первую экспедицию в Антарктиду, а через год сам поехал во вторую. Более десяти лет прошло, как я вернулся из этой экспедиции в апреле 1958 года.

С тех пор я много раз бывал в Арктике на дрейфующих станциях. Летал в Антарктиду на тяжелых самолетах «ИЛ-18» в конце 1963 — начале 1964 года. Но это были короткие визиты. Визиты для общего знакомства, чтобы, получая оттуда радиogramмы, реальней себе представлять ситуацию на месте. Но все эти годы я мечтал снова поехать в Антарктиду надолго.

И вот после многих настойчивых просьб меня отпустили в Антарктику на летний антарктический сезон.

Дизель-электроход «Обь» вышел из Ленинграда 21 октября. Нам предстояло посетить все наши станции, на которых работали участники двенадцатой экспедиции, и, что особенно интересно, пройти вокруг Антарктиды, а в Западной Антарктиде создать новую станцию. Название ей уже было дано — станция Беллинсгаузен.

Для большинства членов команды и экспедиции я — полярный ветеран. Даже капитан Э. И. Купри значительно моложе меня. Лишь первый помощник капитана В. А. Ткачев да старший механик Н. А. Афанасьев немного постарше меня. А летчики? Кроме Ф. А. Шатрова, все остальные пришли в авиацию уже после того, как я дрейфовал в Арктическом бассейне, плавал, а затем летал в Антарктиду.

Через Балтийское море прошли при спокойной погоде.

Идем на запад и каждую ночь переводим стрелки часов назад на один час.

Радисты на фототелеграфный аппарат (ФТАК) принимают синоптические карты. Их передает Гидрометцентр из Москвы. Это новое в службе погоды по сравнению с моим прошлым рейсом. Тогда радисты принимали сводки о погоде, а синоптики вносили эти данные на карту. Это было долго, радисты не имели возможности принимать большое количество сводок, карта была неполной. Сейчас из-под валика «фтак» выплывает готовая расчерченная синоптическая карта.

27 октября штормовой ночью проходим Па-де-Кале. Слева мигают огни французских маяков, справа — английских.

Мы уже вошли в ритм судовой жизни. Днем в отрядах идут занятия по изучению правил техники безопасности в Антарктике. За двенадцать экспедиций накоплен большой опыт — как вести себя на морском льду, на ледниках в зонах трещин, что делать во время ураганных ветров. Этот опыт оплачен дорогой ценой, порой ценой человеческих жизней.

Вблизи Мирного на острове находятся закованные в бетон могилы, в которых лежат останки наших друзей, погибших в Антарктике. Пятнадцать молодых отдали жизнь в борьбе с суровой и беспощадной природой. А в нескольких километрах от Мирного в холодной ледниковой трещине лежит раздавленный трактором молодой механик-водитель — шестнадцатый, погибший в Антарктиде. Вот почему и те, кто уже был там, и кто идет туда впервые, еще и еще раз разбирают положения инструкции по технике безопасности.

Установилась регулярная связь с антарктическими станциями. Оттуда ежедневно приходят так называемые диспетчерские сводки.

...Вошли в бурный Бискайский залив. Небо тревожное — по нему бегут разорванные многослойные облака.

Ночью я проснулся от грохота. Полетел с письменного стола графин с водой. Я вскочил. Меня швырнуло, и я перелетел через кресло, а следом за мной из шкафа посыпались книги. Что-то загремело над головой.

Проходим мимо скалистых островов вблизи Португалии. Острова Фарильоны и острова Эштелаш черной громадой торчат из моря, проецируясь на желтом фоне утренней зари. Море стало синим. Уже по-настоящему тепло. Чувствуется, что приближаемся к тропикам.

Недолгая стоянка в Касабланке — и снова в путь... Плавание в тропиках — самое приятное время на пути в Антарктику и обратно. Выбрав место, строители соорудили небольшой бассейн. Каркас его из толстых брусьев и бревен, внутрь каркаса вложен огромный брезент. Механики протянули шланг от мощного насоса забортной воды. Излишки воды непрерывно выливаются за борт. Таким образом, в бассейне вода проточная.

Пляжный сезон открыт на всех палубах. Один из врачей экспедиции через судовое радио прочитал лекцию о гелиотерапии — правилах приема солнечных ванн. Но когда он упомянул в своей беседе, что после солнечных ванн рекомендуется обмыться под душем пресной водой, это вызвало веселый смех участников экспедиции и приступ бурного гнева у старшего помощника капитана. Все знают, что пресную воду нам нужно тщательно экономить. Пополнить ее запасы мы можем теперь весьма не скоро — после Антарктиды только в Новой Зеландии. Поэтому старпом открывает вапные компаты и душевые кабины только в банные дни — раз в неделю. Еще больше все развеселились, когда узнали, что врач, призванный осторожно пользоваться тропическим солнцем, в конце дня обгорел: он заснул под солнцем где-то на палубе.

Времена года у нас идут в обратном направлении: вышли мы из Ленинграда поздней осенью, потом была ранняя осень, а затем наступило знойное лето.

Трудно заставить себя в эти теплые дни сидеть и работать в каюте. Я хожу по кораблю, часами слежу за однообразной, но вечно меняющейся поверхностью моря, за летающими рыбками, похожими на стрекоз. А иногда поднимаюсь на верхний мостик и сквозь черные очки смотрю на солнце... И думаю, что вот моя жизнь почти уже прожита, и порой я сам удивляюсь, что значительная ее часть связана с океаном. Родился я в средней полосе России, недалеко от Ульяновска. Там если что и напоминало о воде, то речушка, пересыхающая летом. Волгу я увидел уже юношей. Потом я жил в Башкирии, в ее степной части, где также текла небольшая речка, поросшая кустами. Кругом была ровная степь, местами поросшая ковылем, и бескрайние просторы пашен. Правильно ли я сделал, что ушел к морю, к океану и на всю жизнь связал с ним мою судьбу? Кто знает? Может быть, по морю я бы тогда тосковал больше, чем сейчас по просторам зеленой земли?..

...Помню, после четвертого курса университета я попал на производственную практику на гидрографическое судно «Папанин». Плавали мы все лето в Карском море. Впервые я встретил тогда морские льды. Полярный день в июле — августе произвел на меня чарующее впечатление.

Мы высаживались на острова в восточной части

Карского моря, строили там навигационные знаки. Тогда еще эти острова неточно были нанесены на карты. Заходили в фиорды Новой Земли, где видели миллионы птиц на скалах — птичьи базары. От выстрела птицы взмывали в воздух и закрывали солнце.

Осенью мы часто штормовали. Это было захватывающе — стоять на верхнем мостике и с замиранием сердца ощущать, как наше суденышко, точно яичная скорлупка, то падало в бездну между гребнями волн, то с натугой вползало на гребень следующей волны. Я был самым неопытным моряком, но молодым, выносливым и с удовольствием готов был выполнить любую тяжелую работу. Я не обижался на шутки и «розыгрыши» старших товарищей, поняв еще тогда, что человеку, лишенному чувства юмора, лучше не быть моряком или полярником.

В тот рейс я выполнил первые самостоятельные наблюдения над течениями. Помню, возвратившись в университет, я сделал доклад на студенческом научном кружке о плавании и его научных результатах. Заведовал тогда кафедрой океанографии Юлий Михайлович Шокальский — знаменитый географ, океанограф, картограф и заботливый педагог.

С тех пор прошло почти 30 лет. И как быстро они пролетели!

Мысли мои и воспоминания прервал В. А. Ткачев. Он пригласил меня подписать дипломы: завтра пересечем экватор — будет традиционный праздник Нептуна. Подписывать пришлось 190 дипломов. Мой диплом, 191-й, за начальника экспедиции подпишет главный инженер экспедиции — В. Н. Ефременко.

Я подписывал и думал, что за этими шуточными документами — судьбы и биографии людей. На некоторых из них цифры 1, 2... 10 и даже 17 — это значит, что столько раз человек пересек экватор!

Все больше и больше мы живем интересами Антарктиды. Оттуда идут сводки о подготовке к передаче станций новой смены, уже составляют отчеты о проделанной работе. А мы шлем им свои просьбы и предложения. Начальник авиаотряда Ф. А. Шатров просит механиков, зимующих на Молодежной, приступить к расконсервации самолетов «ИЛ-14». На Новолазаревскую дана радиограмма, чтобы там подготовили взлетно-посадочную полосу для «ИЛ-14» на лыжах, так как по приходе в Молодежную летчики сразу полетят на Новолазаревскую с почтой. Из Мирного сообщают, что уже доставили на 101-й километр сани с горючим для будущего похода. Санный поезд вернулся в Мирный и ждет прихода «Оби», чтобы доставить новые грузы для станции Восток.

Все время думаю о нашей главной задаче: организации новой станции — Беллинсгаузен. Изучаю карты, лоции, отдельные статьи по району Антарктического полуострова. Нам нужно построить станцию, чтобы там земля была свободной от льда, была пресная вода, имелась удобная бухта для стоянки судна, берег был бы удобен для разгрузки, чтобы прилежащая акватория оставалась возможно дольше свободной от льда. И много, много других «чтобы».

В этом районе много лет работают англичане, аргентинцы, чилийцы, американцы. В наиболее удобных местах они настраивают так называемые «спасательные убежища», большинство из которых сейчас законсервировано. А мы пойдем в те места впервые.

Каждые сутки судовой лаг отсчитывает 290—300 миль. Берега Африки отодвинулись далеко на восток — в них вдается обширный Гвинейский залив.

13 ноября 1967 года утром прямо по курсу засияли контуры земли. Давным-давно открыт этот гористый остров посреди океана — остров Святой Елены, знаменитый тем, что сюда был сослан Наполеон; здесь он и умер от тоски или был отравлен.

Мы идем прямо на остров с севера. В бинокль виден узкий пляж и тесная долина, в которой расположен небольшой городок — порт Джемстаун. В прошлом году «Обь» на обратном пути заходила на остров Святой Елены, и ребята высаживались на него, поднимались по многоступенчатой лестнице вверх, ездили к домику Наполеона в центре острова. Сейчас там музей.

Были просьбы и сейчас остановиться у острова и совершить прогулку. Но некогда: у нас не туристский рейс. Впереди ждут нас сложные дела.

Знаменитый остров постепенно растаял за кормой. Но еще долго его видение будоражило мысли. Сколько людей кровно задела жизнь человека, когда-то сосланного на этот остров.

...16 ноября капитан сказал мне: «Завтра пересечем тридцатую параллель, должны появиться альбатросы». И точно, эти удивительные огромные птицы появились на 30° южной широты.

Плавание в океане однообразно и монотонно, поэтому любое новое явление вызывает большой интерес. Альбатросы часами парят над кормовой частью судна. Они почти не машут крыльями, но легко взмывают вверх, обгоняют судно, несмотря на сильный встречный ветер. Выбросят за борт отбросы с камбуза — альбатросы спокойно садятся на воду, подбирают с поверхности съедобные остатки, а потом легко догоняют нас снова.

19 ноября получили известие, что из Ленинграда в Антарктику вышло второе советское судно — «Профессор Визе». Оно везет значительную часть смены экспедиции в Антарктику, и встретимся мы с ним в Мирном. Судно предназначено и оборудовано для широкого комплекса научно-исследовательских работ в океане. Оно недавно построено в ГДР. Это его первый океанский рейс, пробный. Было решено испытать судно в трудном, длительном плавании, а заодно доставить 150 человек для зимовки в Антарктиду и выполнить комплекс попутных гидрометеорологических наблюдений.

В сороковые и пятидесятые широты мы попали в благоприятный синоптический период. Общеизвестно, что это беспокойные широты — «ревушие», как говорят о них.

А мы вот плывем уже на 44° южной широты. На небе почти нет облаков. Воздух прозрачен и прохладен. Беспредельная ширь голубого океана, искрящегося под солнечными лучами.

Между 46° и 52° южной широты нам нужно выполнить пять глубоководных океанографических станций. Здесь, в этих широтах, проходит так называемый фронт антарктической конвергенции — место встречи, схождения («конверго» — по-гречески «схожусь») относительно теплых вод умеренных широт и холодных антарктических вод. На этой границе резко меняется температура воды, воздуха, органическая морская и даже воздушная жизнь. Но не всегда эту границу можно зафиксировать только, скажем, по изменению температуры воды на поверхности. К тому же это не линия, а зона, где смешиваются две разные водные массы. Зона эта имеет сложное вертикальное строение в толще океана. Она смещается то к северу, то к югу, в зависимости от времени года, интенсивности течений и циркуляции атмосферы.

Вот почему исследовательские корабли, пересекая эту зону, стараются выполнить несколько станций.

Через каждые шесть часов судно разворачивается носом против волны. Океанографы с носовой электрической лебедки опускают на разные глубины трос с батометрами. На батометре укреплены специальные термометры, фиксирующие температуру воды на заданном горизонте, а цилиндр батометра, захлопыва-

ясь на этой глубине, берет пробу воды. Но если судно пустить просто в дрейф, то оно развернет лагом к волне, а трос пойдет не вертикально вниз, а под большим углом. Поэтому капитан или штурман, наблюдая за положением спускаемого троса, регулирует скорость оборотов винта, чтобы судно стояло на месте. Если судно свосит назад, штурман увеличивает число оборотов винта, если уходит вперед, — штурман сбрасывает обороты. Рулевой в это время держит нос судна в разрез волны.

В сильный шторм, когда ветер порывист и волны бьют в корпус судна неравномерно, необходимо обладать большим опытом, чтобы заранее уловить момент, куда очередная волна отбросит судно — влево или вправо, — и своевременно скомандовать рулевому: «Держать лево руля!» или «Право руля!»

Одновременно с кормовой лебедки гидробиологи специальной сетью производят послойный лов планктона, чтобы определить плотность заселения различных слоев воды мелкими организмами.

В заключение морской геолог спускает на тросе трубку, которая, врезаясь в дно, вырезает колонку грунта. Это позволяет потом определить, с какой скоростью и какие отмершие организмы отлагались на морском дне.

Обычно глубоководная океанографическая станция длится от двух до шести часов — в зависимости от глубины и комплекса наблюдений.

На 48° южной широты и 17° восточной долготы встретили первый айсберг. Вначале увидели его на экране локатора на расстоянии 10 миль от судна, а потом глазами. Он был изъеден волнами и одиноко доживал последние дни. Северная граница айсбергов обычно совпадает с зоной антарктической конвергенции.

Южнее появилось много птиц. Сменился вид альбатросов. Видно, у них зона океана поделена. Там, севернее, птицы были белые, а у нового вида концы крыльев темные. Еще южнее альбатросов сменили дымчатые буревестники, тоже огромных размеров. Появилось много капских голубей, которых за пеструю окраску крыльев моряки Беллинсгаузена прозвали «пеструшками». Над волнами летают большие стайки мелких птичек со стреловидными крыльями. Это морские ласточки.

Удивительные существа эти морские птицы! В жестокий шторм, за сотни миль от земли, они легко летают и по ветру и против ветра над высокими волнами. Чувствуется, что они не случайные здесь существа, занесенные жестокой бурей. Здесь их родная стихия.

Подходим к шестидесятой широте. Продолжается штормовой ветер. Судя по синоптической карте, принятой из Мирного, мы идем на юго-юго-восток вместе с глубоким циклоном, захватившим и край Антарктиды. В районе станции Новолазаревской из-за этого циклона много дней простоял поезд, пошедший к ледниковому барьеру за емкостями с горючим. Мы на северной периферии этого циклона. Днем у нас то проглянет солнце, то низкие серые рваные облака с рядами снега закроют весь небосвод. Ноябрь в южном полушарии соответствует северному маю. На самом же деле уж очень похож этот южный ноябрь на наш северный ноябрь! Правда, есть и отличие: вечерами длинные сумерки, а ночи белые. Белые южные ночи.

Со станцией Молодежной уже ведем радиотелефонные переговоры. И. М. Титовский просит нового начальника Н. А. Корнилова подбросить первым самолетом мяса и еще кое-каких продуктов.

Приближаемся к континенту, а айсбергов встречаем немного. Это понятно: айсберги, отколовшиеся от

сползающих с континента ледников, еще держат морской лед вблизи берегов. А эти — старые, прошлогодние, изъеденные таянием, но еще крупные и величественные, в виде замков с башнями, белых гигантских крейсеров, обелисков.

Китов видно очень мало. Биологи говорят, что киты боятся ультразвуковых колебаний эхолота. Они их слышат и не подходят близко. Но, вероятно, китов просто перебили за последние годы.

На широте 60°31' дошли до 46-го восточного меридиана — меридиана станции Молодежной, и повернули точно на юг. Вскоре встретили полосы мелкобитого и тертого льда. Постепенно лед становился все сплоченней. Сначала льдины лишь шуршали вдоль бортов судна — лед был тонкий и рыхлый. Но затем на участках всторошенного льда нашему мощному судну приходилось давать задний ход и преодолевать эти препятствия с разгона. На белых льдинах черными пятнами в одиночку лежат тюлени Уэдделла. Они не обращают никакого внимания на вторжение в их царство огромного чудовища — корабля. И только если судно идет прямо на животное, оно в страхе просыпается, начинает метаться по льдине и, наконец, плюхается в воду. Группы пингвинов вдали с интересом смотрят на судно, выстроившись, точно в почетном карауле. Иногда корпус судна резко вздрагивает: твердая льдина попала под лопасти винта. Капитан тоже вздрагивает. Это и понятно: потерять винт в этих местах, от которых до ближайшего дока тысячи миль, — катастрофа. Но все обходится благополучно.

Эта часть Южного океана получила недавно название Моря Космонавтов. Описали и обследовали его в последние годы советские полярники. Здесь выполнены десятки океанографических станций, сотни промеров глубин.

Гидробиологи-аквалангисты просят остановиться над большими глубинами, чтобы они могли спуститься под лед. У берега, на малых глубинах, аквалангисты ходили по дну два года тому назад — в единнадцатой экспедиции.

Времени у нас мало. Но по опыту нам известно, что все равно еще ни одна экспедиция не укладывалась в намеченный график. Всегда возникают непредвиденные задержки либо из-за организационных неполадок, либо из-за того, что научные работники чем-либо увлеклись.

Биологи умоляют остановиться на каких-нибудь два часа: пришлось уступить.

26 ноября 1967 года в тихий, прохладный вечер аквалангисты Е. Н. Грузов, А. Ф. Пушкин, С. И. Рыбаков впервые в истории плавали под дрейфующим льдом в Южном океане. Странно было видеть их фигуры в резиновых костюмах, с баллонами за спиной на белых льдах. Даже толстый Саша Пушкин необычно построился в этом неземном одеянии. Было страшно за них, когда они опускались под лед.

В ведра и сетки они собирали образцы диатомовых водорослей — начальный продукт в цепи питания, на которой основана жизнь зоопланктона и всех других животных Южного океана. Эти одноклеточные растения на открытой воде и подо льдом обладают способностью фотосинтеза и усваивают питательные вещества из воды — нитраты, фосфаты. А света здесь хватает. Даже под двухметровым льдом, как говорят аквалангисты, очень светло.

Спуск аквалангистов вызвал пароксизм фотолихорадки среди экипажа. Капитан разрешил спуститься с борта на лед лишь немногим — для помощи. Но снимали с борта. А те, кому было разрешено спуститься на лед, обвешались не только своими фотоаппаратами, но и аппаратами товарищей.

Я впервые столкнулся с работой аквалангистов и, не скрою, испытывал чувство тревоги, когда они спускались в ледяную кашу трещины и уходили под лед на 20—30 минут. Правда, один из них в полном снаряжении стоял на краю трещины с капроновым тросом, другой конец которого был привязан к поясу товарища, уплывшего под лед. Подергиванием троса они «переговаривались» между собой. А вода подо льдом минус 1,8°!

Истекли два разрешенных часа, и мы пошли дальше на юг, расталкивая корпусом судна сплоченные льды. А лед к югу становился все мощнее.

Теперь на мостике, кроме судоводителей и гидрологов, все время находятся летчики. Ищем хорошую льдину. Но прочные льды — торосистые, а ровные площадки имеют толщину лишь 20—30 сантиметров.

Во второй половине дня консилиум на мостике: выбрали ровную льдину. Гидрологи определили, что толщина льда более метра. Летчики измерили длину льдины и решили, что она подходит по размерам. Спустили парадный трап. Объявили аврал — все свободные от вахт и наблюдений должны выйти на расчистку взлетно-посадочной полосы. Стрелой спустили на лед легкий вездеход, и он, уютно урча, забегал по льдине, развозя бригаду, которая установит флажки вдоль полосы. На гаке стрелы повис бескрылый самолет. Зацепившись за оттяжки, люди, как муравьи, оттянули самолет от борта, а мотористы, манипулируя контроллерами судовых лебедок, мягко спустили его на лед. Вслед спустили и контейнер с крыльями. Летчики приступили к сборке самолета.

Солнце село на юго-западе, окрасив нежнейшими золотистыми и розовыми тонами эту часть неба. На северо-восточной части небосклона — светло-синяя ночь. Смесь розового, золотистого и синего тонов создает фиолетовые сумерки.

В 5 часов утра 28 ноября мы вылетели на ледовую разведку. Кроме экипажа, в небольшой кабине «аннушки» капитан Э. И. Купри, новый начальник Молодежной Н. А. Корнилов и я.

Взяли курс прямо на Молодежную. Лед сплоченный, разводьев нет. Узкая заприпайная полынья и прочный припай с вмерзшим в него городом айсбергов. К припаю нам по такому сплоченному льду пробиться не скоро. Тут же решаем: перевезти необходимые грузы и людей самолетами. Сообщили на борт «Оби», чтобы снимали с палубы и собирали второй самолет.

Обращаем внимание на огромный айсберг, стоящий на границе припая и дрейфующего льда. Обычно айсберги имеют размеры максимум километр на километр. Чаще же их длина и ширина составляют десятки метров. Высота айсбергов над уровнем моря от 30 до 60 метров. Иногда встречаются айсберги высотой до 100 метров.

Этот айсберг имел высоту всего лишь метров 30—40, но зато его плоская, ровная поверхность была длиной километров в 20 и шириной в 10. Капитан сказал:

— Это, по-видимому, остаток гигантского айсберга, который придрейфовал сюда еще в 1965 году и загородил с севера подходы в залив Алашеева.

Об этом айсберге нам рассказывали участники предыдущих зимовок на станции Молодежной. Обнаружили его летчики на ледовой разведке в Море Космонавтов в середине декабря 1965 года. Тогда он имел 160 километров в длину и 75 в ширину. Судя по глубинам на карте, айсберг-гигант сел на мель лишь своей небольшой частью, а большая его часть находилась на плаву. Море делало свою работу. Мимо дрейфовали морские льды, стремясь увлечь айсберг за собой. И вот примерно через год, в марте

1966 года, было обнаружено, что от айсберга-гиганта откололась небольшая часть, сидящая на мели, а основная его масса стала дрейфовать. И уже в 1967 году его видели за сотни миль на западе, в районе банки Гупнерус. Высказывалось предположение, что этот айсберг придрейфовал с востока и откололся от шельфового ледника Эймери.

Мы делаем круг над Молодежной и садимся между скалами в снежной долине. Здесь раннее утро. Со склонов ледникового купола дует холодный стоковый ветер, неся понизу жесткие кристаллики снега.

На аэродроме нас встречают авиамеханики, оставленные на зимовку в Молодежной для консервации и охраны самолетов «ИЛ-14», начальник станции И. М. Титовский и молодой детина с окладистой рыжей бородой — американский исследователь доктор Макнамара; он у нас работает в порядке обмена учеными. Мы тепло здороваемся, садимся в вездеход и через коричневые скалы сопки Озерной едем в Молодежную.

Итак, я снова в Антарктиде.

МОЛОДЕЖНАЯ, ГОД 1963-й

Первая советская научная станция в Антарктиде — Мирный — была открыта 13 февраля 1956 года. Вслед за ней в 375 километрах к югу от Мирного, на склоне ледникового купола Антарктиды, глубокой антарктической зимой, в мае 1956 года, возникла первая в Антарктиде внутриконтинентальная станция Пионерская. Сюда, на высоту 2741 метр над уровнем моря, она была завезена на санях двумя тракторами. В октябре того же года, ранней антарктической весной, была создана станция Оазис на свободных от льда и снега коричневых скалах оазиса Бангера в 370 километрах к востоку от Мирного. Все необходимое для этой станции было завезено сюда самолетами и вертолетами.

На следующий год из Мирного поезда тягачей-снегоходов проникли еще дальше к центру Антарктиды — на Южный геомагнитный полюс, расположенный в 1410 километрах к югу от Мирного. Здесь, на высоте 3488 метров над уровнем моря, была создана станция Восток. Чтобы проникнуть так далеко на ледниковый купол, пришлось создать промежуточные станции — Восток-1 и Комсомольская.

На третий год советские исследователи дошли до самого центра Антарктиды — Полюса недоступности (высота 3800 метров над уровнем моря). Здесь была оставлена небольшая станция, которая впоследствии служила промежуточной базой для новых внутриконтинентальных и трансконтинентальных походов. От Мирного до Полюса недоступности тягачи прошли более двух тысяч километров, и между станцией Комсомольской и Полюсом недоступности пришлось создать еще одну промежуточную станцию — Советскую. А Полюс недоступности стали называть Полюсом относительной недоступности.

В последующие годы станции Пионерская, Оазис, Советская, выполнившие программу стационарных научных наблюдений, были закрыты, строения временной станции Восток-1 были перевезены на геомагнитный полюс, а станция Комсомольская в некоторые годы открывается на лето как вспомогательная промежуточная база при снабжении станции Восток.

Длительные походы по высокогорным районам всегда поддерживались авиацией.

После завершения программы Международного геофизического года, длившейся с 1 июля 1957 года

по 31 декабря 1958 года, в Антарктиде оставались две советские научные станции — Мирный и Восток.

Район Мирного и континент к югу от него был исхожен, изъезжен, облетан, заснят на карты. Но еще много оставалось и мест малообследованных. Ученых интересовали горы, горные хребты далеко к западу от Мирного на Земле Эндерби и на Земле королевы Мод. Интересовали эти новые районы также метеорологов, гляциологов, геофизиков. Нужны были длительные стационарные наблюдения, полевые походы и полеты, для службы погоды нужна была сеть аэрометеорологических станций.

Вот почему в феврале 1959 года к северу от горного района на шельфовом леднике была поставлена станция Лазарев. На ее базе в этот же год советские геологи и летчики начали обследовать горные массивы к югу от станции.

Через два года станция была перенесена с шельфового ледника на более прочное основание — скалы, расположенные в 80 километрах от морского берега, в так называемый оазис Ширмахера. В отличие от прежней станции ее назвали Новолазаревская.

Между Мирным и станцией Новолазаревской более четырех тысяч километров. На полпути лежит огромный полуостров с высокими обнаженными горами — Земля Эндерби. К югу от Земли Эндерби до самого Полюса относительной недоступности находился наименее изученный район континента. Так возникла идея создания станции Молодежной, где-то в западной части побережья Земли Эндерби, на границе с Землей королевы Мод.

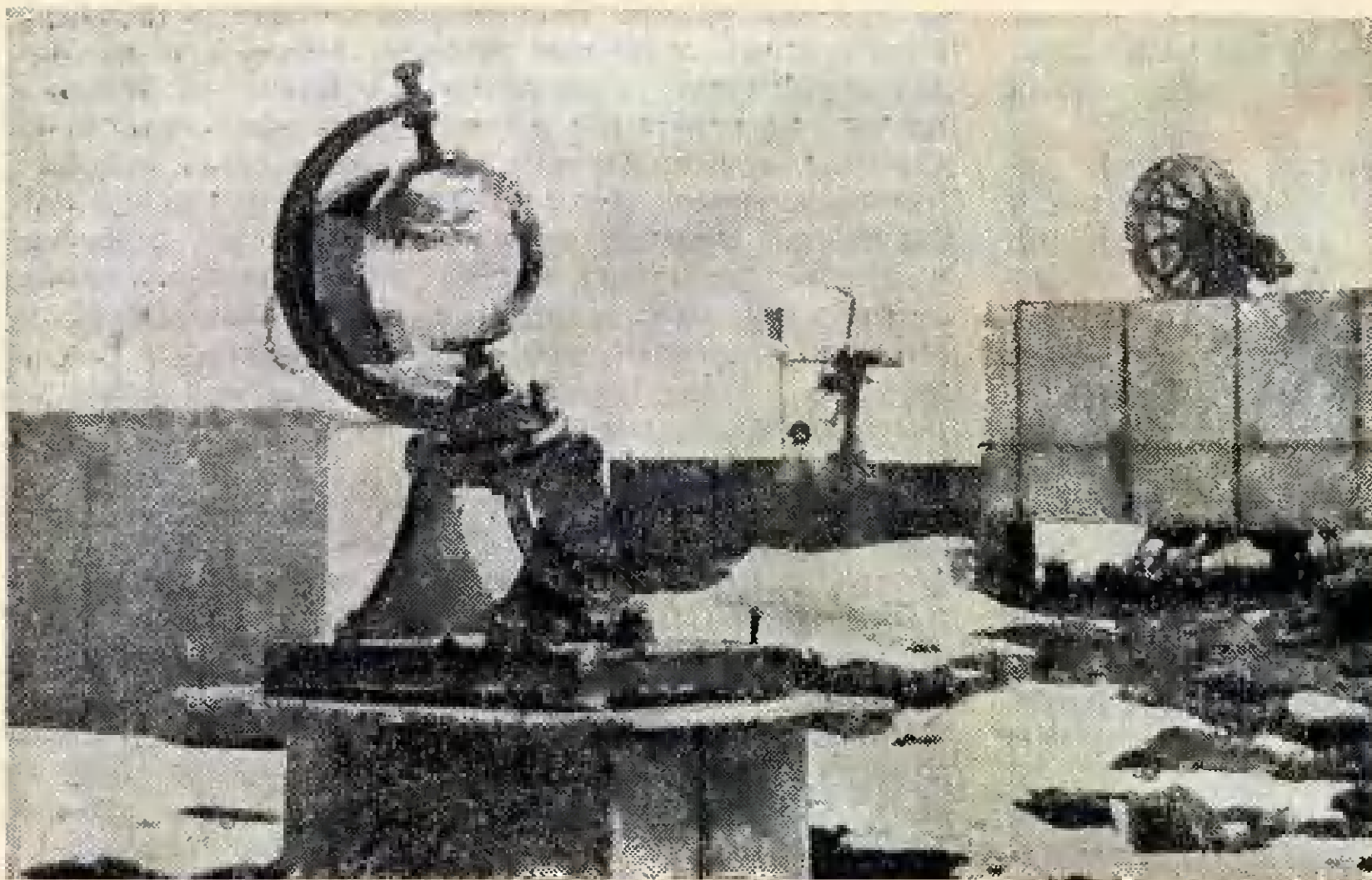
Имелась в виду и еще одна цель. Мирный мы строили без знания физико-географических условий места. В то время нам казалось, что он будет существовать лишь на период Международного геофизического года (МГГ). Кто знал в 1955 году, когда планировалась первая советская антарктическая экспедиция, что программа МГГ перерастет в Антарктике в постоянное международное сотрудничество, что будет заключен договор о мирном использовании Антарктики?

Мирный был построен в небольшой долине между двух сопек — Комсомольской и Радио. Часть зданий была расположена на скалах этих сопек, а основные строения поселка были возведены в ряд — как улица между сопками, — частично на морене, частично на льду. Уже в первую зиму здания Мирного были занесены до крыш, а в последующие годы значительная часть поселка оказалась под снегом, кроме строений, расположенных на скалах. С годами нижние слои снега превратились в лед. Очистка поселка от снега стала невозможной.

И вот когда возникла идея создания новой исследовательской базы в районе Земли Эндерби, была поставлена задача подыскать место, где бы не было таких заносов, и не на льду, а на твердой земле.

Еще в 1957 году, во время второй советской экспедиции, на борту дизель-электрохода «Лена» работал крупный гидрографический отряд. С помощью легких самолетов высаживались астрономы, определявшие точные координаты приметных пунктов антарктического побережья, наземные станции радиогеодезической системы для точной привязки аэрофотосъемки. По пути следования судна выполнялся промер глубин. Была произведена аэрофотосъемка побережья Антарктики от Мирного на запад до 44° восточной долготы. На основе этих работ были составлены первые советские навигационные карты, правильно рисующие береговую линию.

Вот тогда были открыты и положены на карту залив Лены и залив Алашеева, названный в честь известного советского гидрографа Д. А. Алашеева. Ис-

Гелиограф и аэрологические павильоны на станции Молодежная.

следователи пришли к выводу, что берег залива Алашеева наиболее пригоден для создания станции.

7 апреля 1963 года «Обь», закончив операции у станции Новолазаревской, вторично подошла к станции Молодежной.

На борт судна перешли все участники экспедиции, работавшие на станции Молодежной и в ее окрестностях в период антарктического лета, за исключением восьми человек, которые остались здесь на зимовку. Им предстояло выполнить первый годовой цикл наблюдений за погодой этого места и проследить за гидрологическим и ледовым режимом залива Алашеева. Жить и работать они остались в двух небольших домиках. У них была электростанция, баня и кают-компания.

...Первый раз я прилетел на Молодежную антарктической весной 20 декабря 1963 года, когда первая смена заканчивала свою работу и собиралась домой. Месяц назад мы стартовали с аэродрома Шереметьево на двух турбовинтовых самолетах «ИЛ-18». На борту самолетов находилась большая группа участников советской антарктической экспедиции. Был здесь состав поезда во главе с А. П. Капицей, которому предстояло за антарктический летний сезон совершить поход по внутренним, еще не изведанным местам континента — от станции Восток через Полюс относительной недоступности — и выйти к берегу на станцию Молодежную.

Были здесь и строители всех специальностей, они должны были за летние месяцы подремонтировать строения в Мирном, а на станции Молодежной собрать арболитовые дома, доставленные сюда «Обью» поздней антарктической осенью прошлого года. Была здесь и группа гидрографов под руководством В. Н. Мальцева и начальник станции Молодежной П. А. Корнилов со всей новой сменой станции.

Теперь уже было решено строить Молодежную фундаментально, с крупным радиоцентром, мощной электростанцией. Для осмотра природных условий на месте с нами летел инженер-радиотехник Ю. А. Хабаров. Я и Хабаров летели на короткое время, а начальник девятой САЭ М. М. Сомов должен был остаться в Антарктиде, дожидаться прихода «Оби» и руководить сложным комплексом операций весь период летнего антарктического сезона.

Командирами самолетов были опытные полярные летчики А. С. Поляков и М. П. Ступинин. Они уже

летали на тяжелых самолетах из Москвы в Антарктиду. Маршрут и условия полета им были хорошо знакомы.

Итак, в яркий, солнечный день 20 декабря 1963 года я в первый раз прилетел на Молодежную. На ярко-красном взлете нас встретил начальник станции Морозов.

Вещи мы погрузили на взлёт, а сами пошли пешком напрямую, через сопку Озерную. За высоким скалистым гребнем, внизу, мы увидели разноцветные коробочки зданий: красный и зеленый — жилые домики, оранжевое — здание электростанции.

По пути встречаем группы ребят, занятых разборкой грузов, расчисткой площадок для строительства. Лица у всех уже стали бронзовые, некоторые работают без рубашек. Ультрафиолетовой радиации здесь хватает. Чтобы не обгореть, ребята прикрывают лица марлевыми повязками. В ходу губная помада: она очень хорошо предохраняет губы от солнечных ожогов. Это «открытие» сделали случайно несколько лет тому назад, и теперь каждый полярник привозит с собой этот предмет женского обихода.

После завтрака пошли осматривать территорию. Основательно обсуждали, где устанавливать основной поселок, где разбить антенные поля, научные павильоны. Чтобы избежать заносов, решили новые дома строить на высоких тонких металлических сваях, вцементированных в скалы, так, чтобы снег проносился под домами. Это необходимо, так как с подветренной стороны построенных в прошлом году прямо на скалах домиков образовались солидные снежные шлейфы. Эти шлейфы под лучами жаркого солнца сейчас интенсивно тают. Но кто знает: вероятно, и здесь лето на лето не приходится, стоит только один раз остаться снежнику на зиму, как он, превратившись в лед, в следующем году может стать родоначальником местного ледника, и станция заплывет льдом.

22 декабря в хороший солнечный день на самолете «ЛИ-2», который вел молодой, но уже опытный полярный летчик Кубышкин, мы вылетели со станции Молодежной в глубь континента. Над морем набираем тысячеметровую высоту и берем курс на юг. Сразу за оазисом Молодежной склон ледникового купола уходит в небо. Самолет поднимается вместе с ледниковым куполом все выше и выше. Через час полета высота уже 2 тысячи метров. На сотом ки-

лометре от Молодежной под нами уступы — резкие повышения и понижения, здесь район опасный, справа и слева видны трещины. Но вскоре опять ровная поверхность.

По плану санный поезд Капицы должен достигнуть самой дальней точки 78° южной широты и 20° восточной долготы. Самолет повернул вправо, в направлении этой точки.

Мы залетели в глубь континента на 600 километров, затем возвратились на Молодежную. Полетом довольны. Проход из глубинных районов Антарктиды к станции Молодежной есть, хотя и не такой безобидный, как казалось прежде.

Если поезд Капицы пойдет от точки поворота прямо на Молодежную, то, не доходя 450 километров до станции, он попадет в зону опасных ледниковых трещин. Этот район нужно обойти. Тогда лишь в 60—100 километрах от Молодежной останутся подозрительные места, где могут быть трещины. Но мы поручили начальнику станции Корнилову послать навстречу поезду Капицы вездеход.

В марте 1964 года я уже был в Ленинграде и следил за всеми перипетиями завершающей стадии этого замечательного похода лишь по радиogramмам.

В конце февраля поезд Капицы, пройдя по высокогорным районам ледяной пустыни от станции Восток 2 500 километров, остановился. Все дизельное топливо было израсходовано, а до Молодежной оставалось еще 700 километров. По плану сюда должно было быть доставлено самолетом из Молодежной горючее. Но наступила штормовая осень, и самолет более недели не мог вылететь к поезду. Только 4 марта самолет прилетел и сбросил четыре бочки с топливом. Это позволило поезду продвинуться к югу еще на 50 километров. 6 марта поезд получил еще пять бочек и снова продвинулся на 50 километров. 12 и 13 марта самолеты из Молодежной сделали пять рейсов к поезду и обеспечили его горючим на весь остаток пути.

13 марта навстречу поезду из Молодежной вышел тягач-вездеход с домиком на санях и экипажем из четырех человек во главе с гидрографом В. Н. Мальцевым. Дорогу обставляли бамбуковыми вехами и гурьями из пустых бочек.

19 марта в 200 километрах от Молодежной поезд встретились и уже 21 марта прибыли на станцию, пройдя обозначенный безопасный путь в сильную метель при очень плохой видимости.

Так в один летний сезон удалось совершить выдающийся поход общей протяженностью почти 3 500 километров и стереть на карте Антарктиды еще одно белое пятно. А в мае этого же года участники похода вернулись на «Оби» домой, привезя уникальные данные о высотах ледникового плато, о толщине льда и подледном рельефе, о погоде, о магнитном поле, свойствах снежно-фирновой толщи, о температурах воздуха и толщине льда, о силе тяжести, об условиях отложения снега и т. п.

Значит, наш полет на самолетах «ИЛ-18» и в этом отношении был полезен.

МОЛОДЕЖНАЯ, ГОД 1967-й

Прошло четыре года. И вот я снова на Молодежной. Теперь это уже не маленькая станция. На гряде под сопкой Озерной стоят на высоких сваях три дома из арболита; они раскрашены в яркие цвета, радуя глаз. Еще служат свою службу два первых деревянных дома. Около новых домов, стоящих на сваях, нет никаких скоплений снега — его продувает под домами, как и было рассчитано. А вот

от старых домов, поставленных прямо на грунт, образовались огромные шлейфы снега, которые придется расчищать мощным бульдозером: летнее солнце уже не справится с этими снежными валами. Построены новые научные павильоны. Вон рядом с метеорологической площадкой стоят домики с рогами антенн аэрологических локаторов, раскрашенный в яркие шахматные клетки аэрологический павильон; его пусковая площадка, откуда выпускают радиозонды, нависла над обрывом. Площадку поддерживают тонкие высокие сваи. Такое положение пусковой площадки облегчает выпуск радиозондов в сильный ветер.

Вдали от станции, ближе к озерам, расположен магнитный павильон. Он удален настолько, чтобы разные железные детали не оказывали влияния на магнитометры и магнитографы. Этот дом построен, как и все магнитные павильоны в мире, без единой железной детали. Лицам, не имеющим отношения к магнитным наблюдениям, туда ходить не рекомендуется. Магнитными наблюдениями сейчас здесь ведет полярный ветеран седобородый Н. Д. Медведев.

Еще при въезде в поселок я обратил внимание на цементный тамбур в скале на обращенном к Молодежной склоне сопки Озерной. Над массивной дверью, на белой цементной стене — яркий рисунок, видный издали: роскошные зеленые тропические пальмы, на их фоне огромная гориллоподобная фигура, догоняющая зайца, держащего в передних лапах бутылку. Это холодный продовольственный склад. Там же хранились и спиртные напитки, на что и намекала яркая картина над входом. «Температура здесь круглый год постоянная — минус 11°», — говорит старый начальник станции Титовский.

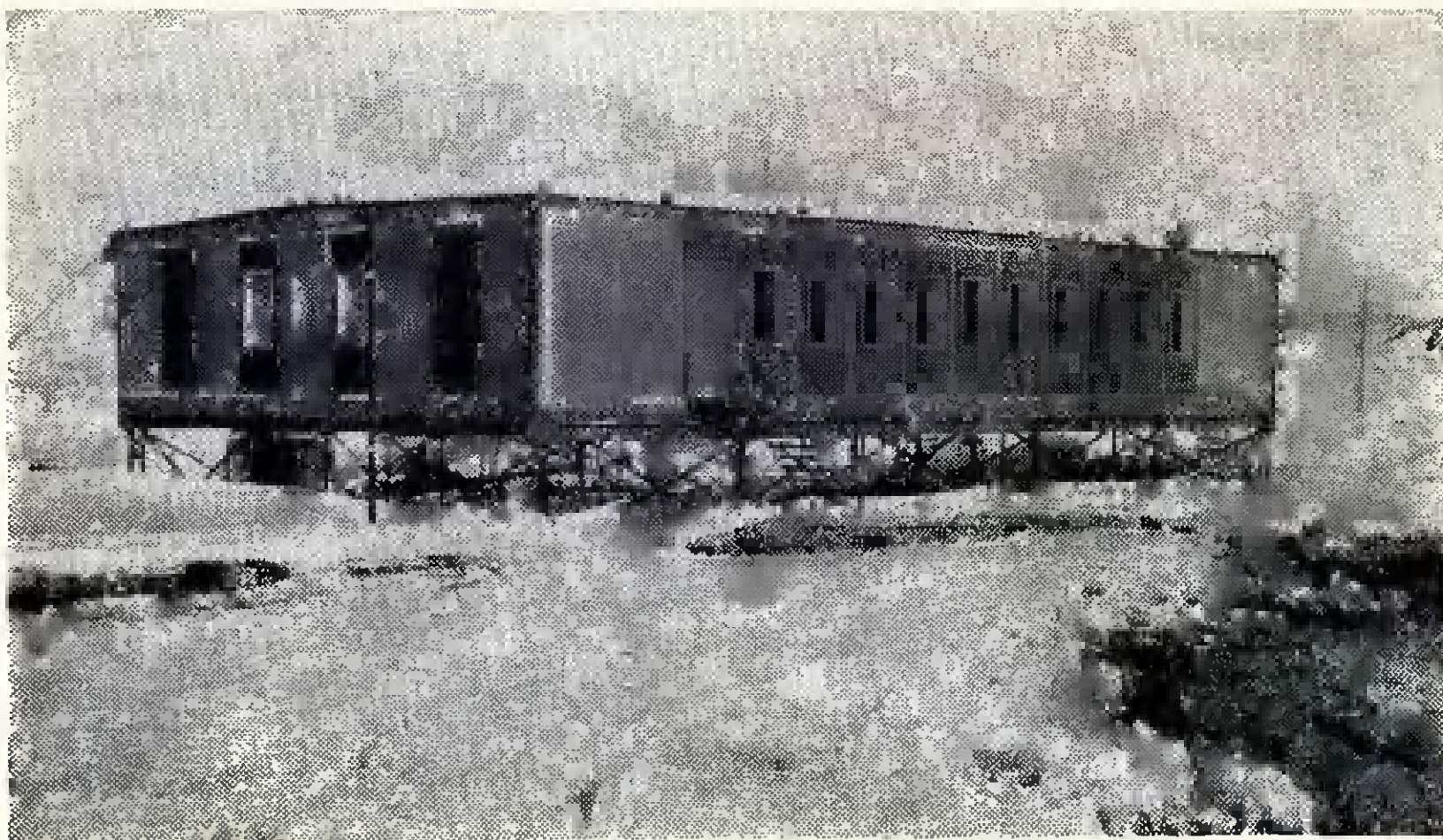
Особой гордостью старого состава Молодежной была новая дизель-электрическая станция, или сокращенно ДЭС. Ее строительство завершалось, и уже шли так называемые пуско-наладочные работы. Электростанция — сердце антарктической базы: отопление жилых и служебных зданий, электрифицированный камбуз, питание моторов мастерской, внутреннее и наружное освещение в длинную полярную ночь, связь с внешним миром через радиостанции и, наконец, питание многочисленных научных приборов током разного напряжения и различной частоты.

С первых дней существования Молодежной здесь была небольшая электростанция, но мощности ее не хватало. А теперь, когда запланировано построить в ближайшие годы мощный радиопередатчик и большой поселок, электроэнергии потребуется в десятки раз больше. Поэтому и была построена новая электростанция.

К сверкающей коробке здания новой электростанции нас повезли на вездеходе. Оно построено вдали от центра современного поселка. Каркас здания собран из щитов с негорючей теплоизоляцией, заключенной с обеих сторон в алюминиевые листы.

Огромный высокий зал станции напомнил небольшой современный завод. На мощных цементных подставках стоят три больших дизеля, каждый мощностью в 360 киловатт. Подготовлена цементная площадка под четвертый. В зале сверкают краской различные вспомогательные механизмы, по стенам — паутина труб, кабелей, вверху на ажурной площадке установлены мощные вентиляторы воздушного охлаждения. Рядом комната с металлическими коробками пусковых автоматов.

Вечером в кают-компании состоялось общее собрание старой смены. Я подробно рассказал о планах и задачах новой, 13-й САЭ и о порядке смены состава.

Станция Молодежная. Дом на сваях.

Кают-компания на Молодежной — это целый комплекс: большой светлый зал с окнами, занимающими почти всю стену, и уставленный современными столиками, покрытыми голубым пластиком, и разноцветными легкими стульями. Это столовая и кинозал. Кухня электрифицирована. Позади кухни вспомогательные помещения для хранения и разделки продуктов. В отдельной светлой комнате — библиотека.

В столовой — самообслуживание. Посуду моют дежурные, назначаемые по очереди из состава станции. Должностные ранги и ученые звания при назначении на дежурство не имеют значения.

Обычно вечером все не связанные с наблюдениями собираются в кают-компанию, смотрят кинокартины, играют в бильярд, в домино, в шахматы. Но сегодня привезли письма и посылки, и после собрания все разбрелось по домам. Без преувеличения можно сказать, что здесь, в Антарктиде, даже у самых суровых родителей и равнодушных мужей просыпаются самые нежные и лирические чувства к своим близким, любимым. Как ни странно, но суровая природа и жизнь, ограниченная узким кругом интересов в мужском обществе, как бы сдвигает коросту равнодушия и обнажает все то хорошее, что запрятано глубоко в сердце.

Первый вечер на Молодежной я провел с пачальниками станций в их доме. Это большой дом из массивных плит арболита на высоких сваях, стоящий на голых камнях. Коридором дом разделен на две половины: справа от входа — кабинет начальника и его жилая комната, слева — жилая комната врачей, остальные комнаты заняты медициной: операционная, всегда блестящая чистотой, приемная врача и перевязочная, рентгеновский кабинет, где, кроме рентгеновского аппарата, стоят самые различные приборы вплоть до электрокардиографа. На станции два врача: один из них — с хирургическим уклоном, второй — с терапевтическим. Оба они выполняют большую научную программу, изучают влияния полярной среды на человека.

Титовский рассказал мне и Корнилову, как они провели год, что сделали, какие события их волновали. В общем, вся зимовка прошла нормально. Важным событием было посещение станции Молодежной соседями — участниками японской экспедиции со станции Сёва в конце зимы.

Уже поздней ночью мне позвонили по телефону из аэрологического павильона и просили зайти в гости к старым друзьям. В аэрометеорологическом отряде

Молодежной работали мои давнишние спутники еще по второй экспедиции — И. И. Горев и Ф. П. Щепилов. Я пошел. Здесь, среди приборов, в чистой светлой комнате аэрологической лаборатории, был накрыт стол с дарами из домашних посылок, включая и пару бутылок армянского коньяка. Здесь же был тоже мой давнишний знакомый — участник третьей экспедиции, а сейчас начальник аэрометеорологического отряда Молодежной — В. Ф. Белов. Ответив на вопросы о событиях на Родине, я рассказал, что наш общий знакомый А. П. Капица — теперь декан геофака МГУ и недавно, «изменив» Антарктиде, уехал в экспедицию в Африку, в район горы Килиманджаро, что Г. А. Брегман и В. Д. Мещерин, участники второй экспедиции, по-прежнему в редакции «Водного транспорта» сражаются за место для полярной тематики на страницах газеты, что корреспондент «Правды» в той же второй экспедиции А. А. Введенский теперь работает в Ленинградском обкоме КПСС. Мы выпили за них и многих других общих знакомых. Выпили мы и за светлую память начальника аэрометеорологического отряда второй экспедиции О. Г. Кричака, который был у нас на зимовке в Мирном не только талантливым ученым и организатором, но и самым веселым человеком — композитором, дирижером ансамбля «Сосулька». Он трагически погиб при повторной зимовке в пятой экспедиции, в Мирном же, при пожаре во время урагана.

Утром, предоставив Титовскому и Корнилову заниматься передачей дел, я пошел бродить по станции.

Ночью с борта «Оби» на Молодежную доставили гидробиологов со всем их подводным снаряжением. А сейчас они уже бродят подо льдом в аквалангах, опускаясь туда через взорванную во льду лунку. В ведрах, банках плавала выловленная из-под льда живность, темно-красные морские звезды, правильной пятиконечной формы обсыхали на голубой поверхности морского льда.

— Дно бухты пологое, поэтому донная фауна здесь менее богата, чем на крутых склонах подводных скал вблизи Мирного, — рассказывает Е. Н. Грузов. Он только что вылез из-под льда и разбирает собранную на дне добычу. Морские колючие ежи, звезды, актинии, какие-то мелкие козявки и даже водоросли тщательно сортируются и раскладываются по банкам.

Я пошел по направлению к ближайшему айсбергу и вдруг под ногами услышал таинственное бульканье и шуршание.

— Что это за звуки? — спросил я у Грузова.

— Это Саша Пушкин там ходит! — ответил он. — А шумят так пузырьки выдыхаемого им воздуха!

Я удивился, что Пушкин так далеко ушел подо льдом от лунки — метров на сто. Вскоре он вынырнул на поверхность. Сначала подал страховавшему его Сергею Рыбакову сетку с какой-то массой, а потом вскарабкался на край лунки. Когда были сняты запасные баллоны и маска с лица, Саша указал на сетку.

— Криль, — произнес он.

В самом деле, в сетке оказалась масса продолговатых маленьких креветок с характерными краснобатыми тельцами, просвечивающими сквозь тонкий панцирь. Криль — основная пища китов.

— Вначале я увидел в голубой воде темный силуэт огромных размеров, — рассказывал Пушкин. — Я даже решил, что это кит, и прильнул ко дну. Но, присмотревшись, обнаружил, что это очень плотное скопление криля. Это скопление плыло, как облако, а потом превратилось в гигантскую извивающуюся ленту.

— Но почему здесь, у берега, криль? — с удивлением спросил я Грузова. — Ведь до кромки припая почти шестьдесят километров, а до свободной от льдов воды — более двухсот. Насколько я знаю, криль скапливается на открытой воде, а не подо льдом.

— Считайте это еще одной загадкой Антарктиды, — ответил мне Грузов. — Можно предполагать, что под лед криль приходит ранней весной откармливаться диатомовыми водорослями. Смотрите, какие креветки упитанные!

30 ноября над Молодежной сияет солнце, а в районе стоянки «Оби» — низкая облачность. Ф. А. Шатров сказал мне, что полеты на такое расстояние над битым льдом становятся опасными. Самолеты одномоторные, и в случае выхода мотора из строя вынужденная посадка на битые льды будет катастрофой.

— Кроме того, — добавил Шатров, — за эти дни лед сильно развело, и «Обь» может легко продвинуться на юг, к припаю.

Чтобы лично убедиться в этом, решаю лететь на «Обь».

На судне, рассмотрев карту ледовой обстановки, договорились: до захода солнца, пока погода приличная, летчики сделают еще по два-три рейса, а когда они будут на берегу отдыхать, судно снимется с места и пойдет ближе к берегу.

Ночью покинули гостеприимную льдину и по разводьям пошли на юг — ближе к Молодежной. 1 декабря «Обь» вышла на чистую воду заприпайной полыньи и пришвартовалась к выбранной летчиками ровной льдине. Гидрологи измерили в разных местах толщину льдины. Она оказалась от 60 сантиметров до 1 метра — вполне достаточная. Спустили вездеход на лед, и доставка срочных грузов от судна к самолетам и на берег самолетами продолжалась.

Я снова вылетел на Молодежную, чтобы закончить инспекцию стапции. Поехали с Корниловым и Титовским осматривать установленные три года назад емкости для горючего или, как здесь называют, «нефтебазу». Она расположена в двух километрах от поселка, у самого берега бухты Сибириячка. Здесь на каменной сопке стоят пять белых цистерн емкостью по 700 кубических метров и две красных — по тысяче кубических метров. Рядом, на металлической эстакаде, лежат еще четыре малых цистерны по 50 кубических метров каждая. Большие емкости предназначены для дизельного топлива и авиагорючего, малые — для автобензина.

До установки этих емкостей горючее в Антаркти-

ду завозилось в металлических бочках. Тысячи бочек завезли сюда за первые восемь экспедиций. Каждый год тратилось много времени и труда на их выгрузку на берег.

Нынешние емкости для «нефтебазы» привезли в Антарктиду в виде длинных стальных листов, свернутых в рулоны. На берегу, на скалах расчистили взрывами и бульдозерами площадки, развернули рулоны и сварили их в виде цистерн. Они так и называются «рулонные емкости». Такие же емкости установили и в Мирном. Потом, летом, пришел танкер и через шланги закачал необходимое горючее в емкости. Горючего хватает на четыре-пять лет. При этом экономятся многие сотни тонн металла. Ведь пустые бочки здесь выбрасывались и заносились навечно снегом.

К югу от нефтебазы за каменной грядой стоят два домика на полозьях и автоматическая дизель-электрическая станция на 40 киловатт. Это выносная станция наблюдений за метеорными следами в высоких слоях атмосферы.

...Перевозка грузов, необходимых для работы станции Молодежной, заканчивалась. Но перед выходом «Оби» нужно было получить картину состояния льда на ее пути к северу. На самолете «ИЛ-14» вечером 3 декабря мы вылетели в ледовую разведку. Командиром самолета был В. Н. Ермаков, штурманом Р. И. Милузов. Я и Корнилов вели наблюдения и составляли карту ледовой обстановки.

Пока мы летали, в районе стоянки «Оби» началась подвижка льдов. Льдину, на которой была взлетно-посадочная полоса, разломало на две части. Мы во все время полета вели с капитаном Купри радиотелефонные переговоры.

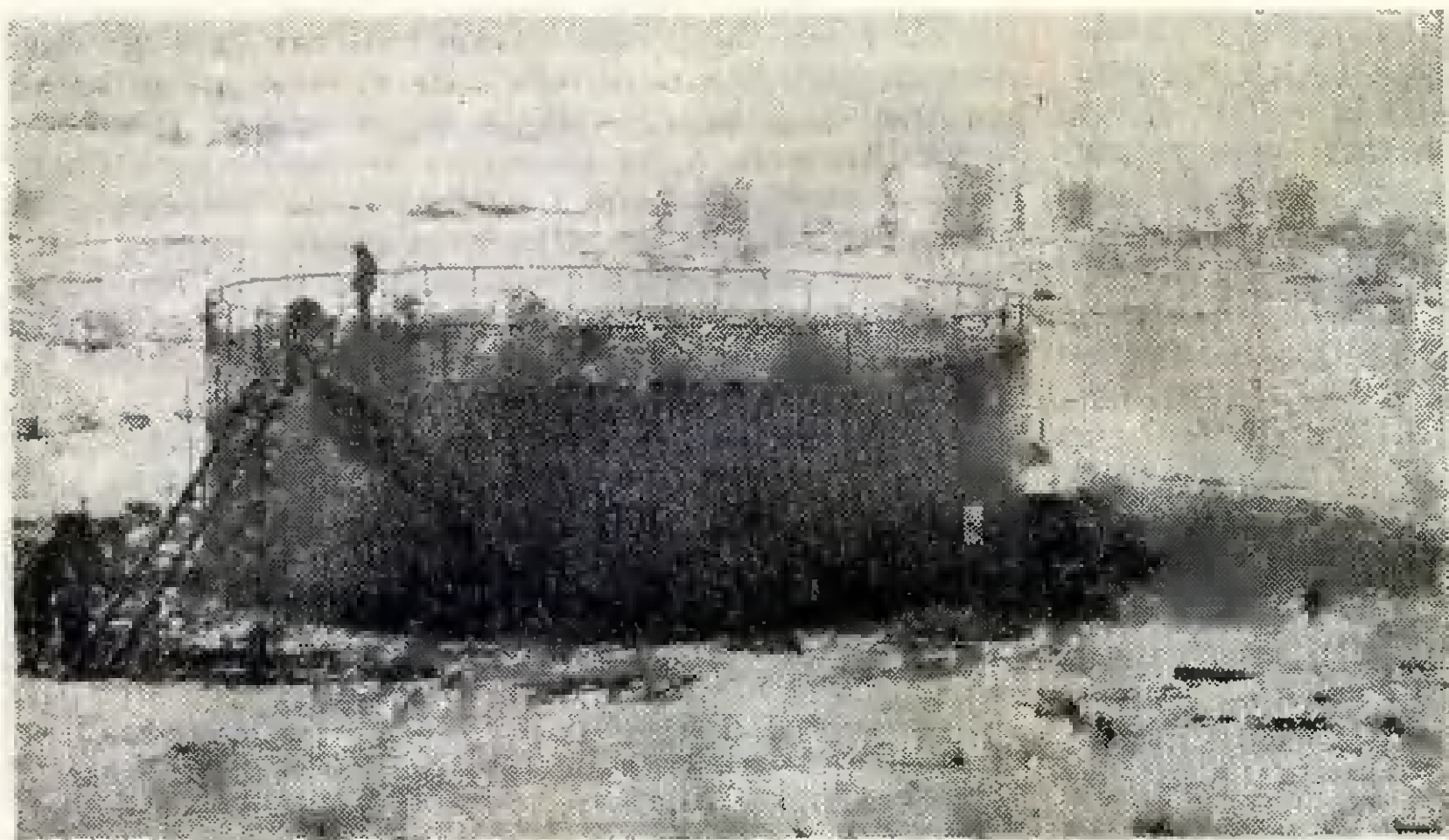
Капитан, учитывая сложную ледовую обстановку, интенсивную подвижку льдов и айсбергов, просил разрешения уходить в Мирный без меня, имея в виду, что в Мирный я прилечу самолетом. Но самолетом по этой трассе я летал неоднократно, и мне хотелось пройти между Молодежной и Мирным на судне, поэтому я просил капитана, если нет непосредственной опасности, подождать меня. Корнилов тоже хотел еще раз попасть на судно, чтобы получить ряд документов.

Вернувшись с ледовой разведки, мы начали летать над «Обью» и с воздуха детально обследовать окрестности. Опасения капитана о грозящей судну опасности были обоснованы. Пока мы летали, задул северный ветер, и лед начал дрейфовать к гигантскому айсбергу, закрыв заприпайную полынью. Маневренность судна в сжатом льду весьма невелика. Правда, с воздуха мы обнаружили, что к востоку припайная полынья сохранилась, но до нее пужно пробиться через трехмильную полосу сплоченного льда.

Рассказав капитану ледовую ситуацию по радиотелефону, мы получили спокойный ответ:

— Сейчас сжатие прекратилось, наступило маловетрие, и мы будем ждать вашего прилета! Шатров может посадить свою «аннушку» на второй обломок поля, к которому мы сейчас пришвартуемся.

От «Оби» мы полетели прямо на юг через припай к Молодежной. На склоне купола, где расположен аэродром для «ИЛ-14», дует сильный ночной стоковый ветер. Сверху он очень хорошо заметен: белые полосы, точно гигантские седые волосы, спускаются с купола — это текут струи снежинок, гонимые ветром. Садимся на снег против ветра. Когда самолет почти остановился, сильный ветер развернул его, и он юзом пополз вниз по склону. Лыжи самолета не имеют тормозов. Но пилоты, манипулируя силой вращения то правого, то левого винта и заставляя са-

Пейтебаза на ст. Молодежная.

молет как бы изящно вальсировать, подгоняют его точно к концам замороженных в лед металлических тросов. Механики быстро выпрыгивают из двери и закрепляют самолет.

Нас никто не встречал, и, выйдя из самолета, подгоняемые попутным ветром, мы направились пешком к станции. Но вскоре увидели, что с нижней полосы, где обычно базируются легкие самолеты, взлетел «АН-6» и летит к нам, на купол. В лицо больно бьют холодные, жесткие снежинки. Видно, как ветер здорово сносит одномоторный биплан. Шатров сажает самолет точно против ветра и, удерживая его работой винта на месте, ждет меня и Корнилова. Мы садимся в кабину; здесь уже находятся три последние пассажира, чуть не застрявшие на Молодежной. Самолет почти без разбега взлетает против ветра, делает прощальный круг над Молодежной и через полчаса садится на осколок льдины, у которой, прикнувшись носом, стоит «Обь». Здесь, вдали от берега, тихое солнечное утро.

— Все! — со вздохом облегчения говорю я. — С Молодежной на этом этапе разделились благополучно. Впереди — Мирный.

ОТ МОЛОДЕЖНОЙ ДО МИРНОГО

Путь через ледовый пояс на север прошел благополучно. И через сутки, утром 5 декабря, «Обь» вышла на чистую воду и легла курсом на восток вдоль 63 параллели. Теперь через каждые 15° долготы стрелки судовых часов будут переводиться на один час вперед. Молодежная находится в московском долготном поясе, и время там московское, а Мирный находится восточнее и живет на четыре часа впереди Москвы.

Из дневника.

8 декабря 1967 года. Как всегда, утром я поднимаюсь в штурманскую рубку. Пасмурно. Горизонт затуманился. Ночью пересекли две полосы битого льда.

В середине дня сквозь облака стало просвечивать солнце, а вскоре все закрыло густым туманом. На верхнем мостике завертелась антенна радиолокатора, а в штурманской рубке на зеленом экране забегала по кругу яркая полоска. По периферии круга вспыхивают яркие точки — это айсберги. Штурман периодически внимательно заглядывает в трубу. Ведь налететь на айсберг с полного хода все равно, что на отвесную каменную скалу — верная гибель.

9 декабря. Сегодня суббота, значит, дома выходной. Там зима. У нас тоже не летняя жара — минус 2°. Вчера два самолета прилетели из Молодежной в Мирный. Гербович радирует, что в 4 часа 35 минут на Востоке совершил посадку американский «Геркулес». На борту 18 пассажиров. Через 2 часа улетел в Мак-Мердо; остались на станции Хесслер и Тейлор.

Сейчас для большинства людей, идущих на «Обь», наступила пора спокойной жизни. На судне сменяются вахты — как судовые, так и научные. Сменившиеся после года зимовки товарищи просто отдыхают и лишь иногда привлекаются к дежурству и чистят картошку на камбузе. Остальные — научные сотрудники, механики-водители, едущие на зимовку, — продолжают готовиться к будущим работам.

К сведению любителей романтики: работа в полярных экспедициях будничная и скучная, требующая терпения и умения владеть собой в дни ожидания, умения найти дело, которое бы отвлекало от дум о доме, о близких. Чтобы преодолевать тоску и скуку, требуется не меньше силы воли и выдержки, чем при опасной и напряженной работе. Старые полярные «волки» всегда веселы, жизнерадостны, находят себе дело или играют в шахматы, домино и способны смотреть одни и те же кинокартины по десятку раз. Новички, не все, конечно, в дни безделья мрачнеют, стремятся уединиться в своих каютах, слоняются по коридорам, не находят себе места.

И я убежден, что многих отпугивает в экспедиции не тяжелая работа в суровых и опасных условиях, иногда требующая напряжения всех физических сил, а тоска по дому в периоды безделья. И если человек умеет владеть собой и находить отвлекающие от скуки и тоски занятия, то он становится полярником.

При отборе людей в экспедицию я всегда настаиваю, когда мне рекомендуют разного рода мастеров спорта: ведь здесь требуется не только мобилизация энергии на краткий порыв, а умение выполнять будничную, скучную работу в течение многих месяцев и умение ждать. Справедлива поговорка: «Терпение — самая важная добродетель полярника». Нет, я не против спорта и уважаю спортсменов. Но всегда нужно помнить: экспедиция не стадион и даже не высокая гора.

...После ужина поднялся на верхний открытый мостик. Поручни трапов и ступенек обледенели. Палубы и все предметы покрыты снегом. Корабль точно вымер — нигде ни души. Свистит ветер в спаснях,

глухо гудят генераторы, вращая винт корабля, равномерно пыхтит выхлопная труба, вращается антенна радиолокатора. И подумалось мне: как трудно было тем морякам, которые на небольших парусниках плавали в такую погоду! Ведь у них не было мощных электродизелей, пятнадцатитонного винта, крепкого стального корпуса, совершенных электронных приборов, радиолокаторов, навигационных карт — многого, что есть у нас. Недаром моряки говорят: «На деревянных судах плавали железные люди».

11 декабря. Ночью сильно качало. Зыбь. Плохая видимость. А утром, когда подошли к кромке припая, облака остались за кормой, засияло солнце. С мостика видны остров Хасуэлл, сопки Комсомольская и Радио. Мы идем вдоль кромки льда к трассе, которую проложили из Мирного и отметили ее красными флажками. Ветер сметает снег со льда, и струйки снега, срываясь с кромки, гаснут над открытой водой. А вот и красный флажок, а далее — второй. Гербович сообщил, что кромка припая проходит вдоль гряды айсбергов, но сейчас айсберги остались за кормой. Вчерашним штормом часть припая обломало. По прямой до Мирного — 8 миль, а в обход трещины длина пути по припая составит 12 миль. В первые годы «Обь» пробивалась через припай ближе к Мирному, на это уходило обычно две-три недели. За это время лед у берега сильно разрушался, и выгрузка становилась опасной: проваливались тракторы. Последние годы решили груз возить от кромки припая. Это оказалось целесообразней.

«Обь» врубилась в припай. С двенадцати часов объявлены разгрузочные вахты.

Из Мирного сообщили, что люди выходят к «Оби» на трех вездеходах. Мы в бинокли наблюдали за их движением. Встретили их у парадного трапа. Лица у них загорелые. После первых приветствий, дружеских объятий мы обсудили план выгрузки.

— Трактора с санями вышли вслед за нами, — сообщил Гербович.

Договорились, что продукты, боящиеся мороза, перевезет самолет «АН-6». Он был погружен на борт судна в Молодежной в собранном виде и через несколько часов вступит в строй.

Я поехал в Мирный на первом вездеходе, которым управлял сам Гербович. За нами поехали остальные с людьми новой смены. В кузове нашего вездехода письма и посылки. Как и положено по традиции, их доставляют в первую очередь.

Подъезжал я к Мирному с волнением. Много воспоминаний связано с этими местами. Сколько труда и энергии потрачено здесь! Теперь уже не первая сотня советских людей считает Мирный своим домом, хотя и временным, но дорогим, незабываемым.

Вижу много нового. На острове Строителей — белые цистерны с горючим. На сопке Комсомольской вырос городок цветных домиков. Это аэрологический павильон, радиолокаторы. На мысе Мабус поставлен железный гараж, и на нем крупными буквами надпись: «Привет участникам 13 САЭ!»

...Я снова в Мирном.

МИРНЫЙ

В первые советские исследователи ступили на берег шестого континента 5 января 1956 года. В этот день дизель-электроход «Обь» с участниками первой советской антарктической экспедиции подошел к бухте Фарр к ледяному припая.

Перед снаряжением экспедиции не было твердо определено точное место строительства береговой на-

учной базы. Был лишь предположительно определен сектор побережья Антарктиды между двумя шельфовыми ледниками — Шеклтона и Западным.

Создавать базу на одном из шельфовых ледников было опасно, так как от них иногда откалываются огромные куски льда и поселок может уплыть в море на таком айсберге. Выводные ледники тем более не годились для базы. Необходимо было найти неподвижное основание для поселка на коренных породах или вблизи них.

Специальная поисковая партия пришла тогда к выводу: для строительства станции это место не подходит.

Решили на легком самолете обследовать более обширную зону побережья. Советских исследователей заинтересовал район острова Хасуэлл, но не сам остров, а расположенные к югу от него скальные выходы у края материка.

13 января 1956 года самолет «АН-2» после общих разведывательных полетов совершил посадку вблизи одной из этих скал, доставив для более детального обследования начальника экспедиции М. М. Сомова, капитана «Оби» И. А. Мана, командира авиаотряда И. И. Черевичного, геолога О. С. Вялова и геофизика А. М. Гусева.

Было установлено, что здесь, у самого обрыва берега, над ледником, возвышаются четыре скалы — нунатака. Как выяснилось позднее, в результате промеров толщины ледника, эти нунатаки тоже острова, но спаянные с континентом ледником. Вернее, ледник, стекающий с юга, упирается в эти нунатаки, обтекая их с запада и востока. Между нунатаками ледник практически неподвижен. Со стороны моря скалы окаймляли обрывистые края навесных ледников, но местами снежные откосы образовывали плавный переход от припая на ледяной берег. Здесь, засыпав приливные трещины, можно было сделать дорогу с морского припая на берег.

Было решено строить первый научный поселок на этом месте.

13 февраля 1956 года состоялось торжественное открытие первой советской базы и научной обсерватории в Антарктиде. Мирный — назвали свой поселок советские исследователи. Это название имело двойный смысл: «Мирный» — назывался один из кораблей первой русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева. С мирными целями пришли сюда советские исследователи: изучать неведомый шестой континент нашей планеты.

Берег, где был заложен поселок Мирный, был назван берегом Правды, в честь органа ЦК КПСС — газеты «Правда».

Теперь, оказавшись снова в Мирном, я ходил по поселку со сложным чувством, особенно в первые дни.

После ужина я пошел бродить по поселку. Вернее, шел над поселком. Над ледяным хребтом на западе сияло низкое полуполночное солнце. Оно освещало косыми лучами ледники, айсберги, темную громаду острова Хасуэлл.

Вот мне навстречу идет группа молодых ребят, проживших здесь год. Для них это нормальный поселок под снегом. Другим Мирный они не знали. А я видел его, когда здесь пролегалла улица и окна домов смотрели на север. Помню, как в погожие летние вечера такие же молодые ребята-строители после напряженной работы ходили вдоль улицы с баяном и пели частушки. А сейчас только ящики входных люков в подснежное жилье обозначают бывшую улицу. Даже дом радиостанции, стоявший на отполированной ветром голой скале, сейчас наполовину занесен снегом. Повысился уровень снега у

сопки Комсомольской. Когда-то на ее крутые, каменистые склоны можно было подняться с трудом. Сейчас на ее вершину заезжают тракторы.

Через весь поселок от электростанции до передающего радицентра на сопке Радио проложена на столбах эстакада с проводами. За 11 лет уже второе «поколение» столбов полузанесено. Первые столбы высотой по 6 метров погребены под снегом.

По припаю медленно передвигаются точки — это караван тракторов идет за грузом к стоянке «Оби».

Из дневника.

13 декабря 1967 года. Текущие впечатления и заботы вытесняют воспоминания. Уже привык спускаться в помещения на три этажа вниз, под снег. Спишь в полной темноте, хотя наверху почти круглые сутки светло. Только вот когда просыпаешься, то не знаешь, что сейчас на улице: пурга или тихая погода, пасмурно или солнечно. Помню, когда здания были над поверхностью снега, приходилось занавешивать окна, чтобы в полярный день создать иллюзию ночи, а во время сильных пург сотрясались стены дома. А сейчас в доме под многометровым слоем снега тишина. Тишина в любую погоду.

С утра знакомился с работой аэрометеорологического отряда. Начальник отряда И. А. Дюбкин перевел все метеорологические наблюдения на непрерывную запись. Окрашенный яркими красками, недавно построенный домик-метеокабинет вблизи метеоплощадки внутри заполнен разными электронными самописцами.

Группа аэрологов обосновалась на одной из вершин сопки Комсомольской. Площадка аэрологического павильона, с которой производится запуск радиозондов, обращена в сторону моря и висит над крутым обрывом. Рядом, на скалах же, двухэтажное здание, где установлен радиолокатор «Метеорит», с помощью которого аэрологи фиксируют полет радиозонда до высот 25—35 километров и определяют температуру, влажность, давление воздуха, скорость и направление ветра в тропосфере и нижних слоях стратосферы. (Такие наблюдения важны для прогноза погоды, ибо, как правило, приближение циклонов обнаруживается в верхних слоях тропосферы раньше, чем у поверхности Земли.) Кроме аэрологических зондов, отсюда производится запуск космических зондов, фиксирующих уровень космической радиации на разных высотах.

В магнитном павильоне Мирного непрерывно фиксируется магнитное поле Земли.

Мы знаем, что все процессы, происходящие в атмосфере, в океане, да и сама жизнь на Земле, обусловлены энергией Солнца. На Солнце происходят гигантские взрывы, вспышки, определяемые по солнечным пятнам. В некоторые периоды деятельность Солнца относительно спокойна, иногда очень бурна. Тогда Солнце выбрасывает в космическое пространство много частиц, которые, входя в атмосферу Земли, взаимодействуют с молекулами и атомами воздуха, с магнитным полем Земли, вызывая ионизацию воздуха и магнитные бури.

Мы еще не знаем, каким образом воздействуют солнечные частицы на воздушные массы у поверхности Земли. Известно лишь в общих чертах, что с изменением активности Солнца в какой-то мере изменяется циркуляция воздушных масс, а через них циркуляция вод океана, и в конечном итоге это влияние распространяется на жизнь и хозяйственную деятельность людей.

Выяснить, как осуществляется механизм передачи этих изменений деятельности Солнца на атмосферные процессы, — одна из задач современной науки.

Для этого запускаются геофизические радиозонды, непрерывно регистрируется магнитное поле Земли, с помощью радиолучей измеряется ионизация воздуха на больших высотах.

Радиозонды поднимаются до 35 километров. При низких температурах и слабом атмосферном давлении оболочка шара-зонда, наполненная водородом или гелием, расширяется до огромных размеров и лопается. Выше запускаются метеорологические и геофизические ракеты. А еще выше — искусственные спутники.

Ракетное зондирование сейчас осуществляется в разных частях земного шара, в том числе и в Арктике. В ближайшие годы начнется запуск метеорологических и геофизических ракет и здесь, в Антарктике. Тогда мы будем иметь вертикальный разрез атмосферы значительно выше, чем с помощью радиозондов...

После обеда я спустился на припай и пошел к островам.

Первыми меня встретили аделийские пингвины. Точно маленькие дети, они гурьбой спешили мне навстречу: одни, неуклюже переваливаясь, торопливо ковыляли, другие, плюхнувшись на снег, скользили на пузе, как на салазках, отталкиваясь от снега ногами и култышками крыльев. Наконец они всей толпой — штук тридцать — преградили мне путь, встали на ноги и закаркали на разные тона, как будто переговариваясь.

Я начал на них наступать. Передние попятились и натолкнулись на задних. Задние начали их клевать и бить крыльями. Передние дали сдачу. Началась общая потасовка. Увлечшись дракой, они забыли обо мне. Я обошел их стороной и пошел дальше. Когда я отошел на некоторое расстояние от пингвинов, они прекратили драку, начали отряхиваться, пронзительно каркать, то ли призывая меня вернуться к ним, то ли посылая мне вслед свои пингвиные проклятия.

У острова Фулмар, вблизи северного отвесного берега, стоял домик на санях. Здесь работали гидробиологи-аквалангисты. Когда я пришел, А. Ф. Пушкин и С. Н. Рыбаков сидели в балке и разбирали богатый подледный улов. Всю первую половину дня они ныряли под лед через пробитую взрывом лунку.

А. Ф. Пушкин не первый раз изучает рейд Мирного. Он участвовал в подводном обследовании прибрежной зоны Мирного в составе группы гидробиологов два года тому назад — в одиннадцатом рейсе «Оби». Но тогда у них было слишком мало времени. Сейчас имеется возможность понырять более основательно, пока «Обь» разгружается. Саша Пушкин отращил себе окладистую, пышную бороду. Она у него иссиня-черного цвета, и всем своим обликом он стал похож на цыгана-конокрада.

Сергей Рыбаков — инженер-конструктор, а акваланг для него лишь увлечение — «хобби», как говорят сейчас. Но он с таким же энтузиазмом собирает образцы донной фауны, как и его товарищи специалисты. Застенчивый, но восторженный, увлекающийся человек, он рассказывал мне:

— Когда спускаешься через лунку под лед, то видишь продолжение почти отвесной стены острова метров на двенадцать. Стена обросла огромными щетками кристаллов внутриводного льда. Далее, на глубинах от 18 до 40 метров, поражает буйство органической жизни на дне. Выделяются гигантские губки. Одна почти с меня ростом и белая-белая.

Аквалангисты пинцетами разбирают улов, распределяют по банкам. В основном это организмы, прикрепленные ко дну или медленно ползающие по дну.

И откуда здесь такое? Ведь температура воды во всей толще — 1,7 градуса, 9—10 месяцев в году здесь

Аквалангист опускается под лед.

неподвижный лед! Ребята говорят, что по богатству органической жизни дна в прибрежной зоне воды Антарктиды сравнимы с прибрежными тропическими водами или, скажем, водами наших дальневосточных морей. Но там же совершенно другие условия: теплая вода, вынос питательных веществ с суши реками, постоянное волновое перемешивание, обуславливающее снабжение придонных вод кислородом, солнечный свет. Здесь же вода круглый год у точки замерзания. Правда, в летние месяцы сквозь лед проникает большое количество света: под двухметровым льдом по вертикали видно метров на 25, горизонтальная видимость — 40 метров.

Предыдущие гидробиологические сборы в прибрежной зоне Антарктиды с борта судна свидетельствовали о богатстве органической жизни, но эти сборы обычно осуществлялись драгой, тралом или дночерпателем, когда организмы попадали в сеть прибора вместе с илом, камнями в сильно деформированном, разрушенном виде. Судить об условиях их обитания, о характере сообществ было трудно. Аквалангисты же не только берут со дна организмы в нетронutom виде, но и изучают условия их обитания на месте, в воде. Безусловно, их сборы и наблюдения дадут много нового для гидробиологии прибрежных вод. Но Пушкин и Рыбаков уже мечтают о времени, когда сюда будут завезены подводные лаборатории и можно будет спускаться под лед не на полчаса, а на часы, дни, месяцы, чтобы изучать жизнь подо льдом не только летом, но и зимой, когда солнца нет и в глубинах многие месяцы царствует мрак.

Над крутыми обрывами островов Фулмар и Хасуэлл выются серебристо-серые буревестники, оглашая окрестности криками. Буревестники не выстилают гнезд пухом, как птицы теплых широт. Яйцо лежит прямо на голой скале, а нередко на снегу. Вероятно, это тоже особенность антарктической фауны, когда для высиживания не нужно много тепла и природа позаботилась, чтобы в самом яйце были условия для развития зародыша. А когда вылупится птенец, то его нельзя баловать теплом: ведь жить-то ему надо в холодном крае.

На пологих склонах островов многочисленны колонии аделийских пингвинов. Практически они тоже не делают гнезда, а лишь складывают барьерчик из

мелких камушков, чтобы яйцо не скатилось вниз. Пингины, как правило, кладут по одному яйцу, и лишь некоторые — по два.

Прошел на остров Буромского. Здесь прибавилась еще одна могила — старшего машиниста «Оби» Карпейкина, погибшего во время выгрузки в прошлом году.

14 декабря. Сегодня перегнали тягач от борта «Оби» по припаю в Мирный на берег. Вес этой большой машины около 25 тонн. Толщина же льда — 1,5 метра, лед стал «теплым» и, следовательно, рыхлым и непрочным. Местами под глубоким снегом лед прогнулся, и на поверхность выступила соленая морская вода; лед еще более ослаблен. Останавливаться на льду ни в коем случае нельзя.

Ночью меня разбудил Гербович и сказал, что по радио с «Оби» сообщили о готовности тягача к перегону; его «переобули» в более широкие гусеницы и подготовили к спуску на лед.

На вездеходе едем к «Оби».

Подъезжаем к борту судна. Тягач уже висит на судовой стреле. Медленно и легко стрела выносит огромную махину и мягко спускает ее на лед. Механик-водитель И. П. Бубель садится в кабину тягача и заводит мотор, прогретый еще на палубе. Рядом садится начальник транспортного отряда В. А. Немченко. Двери открыты, чтобы в случае провала тягача водители могли выпрыгнуть на лед.

Отцепляется как талей стрелы, и тягач, присев, точно для прыжка, отходит от борта и направляется к берегу.

Но что это? Тягач буксует, проваливается. Затем мотор останавливается, и водители выпрыгивают на лед. С волнением подбегаем к этому месту. Обследуем. Гусеницы тягача прорезали снежный наст, а под ним — снежная каша. Машина брюхом села на снег, а так как слой снега с водой мощностью более метра, то гусеницы, не доставая до твердой поверхности льда, вращаются вхолостую. Ручным буром гидрологи быстро бурят лунку и рейкой определяют толщину льда под снежницей. 160 сантиметров — толщина вполне достаточная, чтобы выдержать вес тягача. Но медлить нельзя. Под влиянием так называемой статической нагрузки лед постепенно начнет прогибаться и в какой-то момент может разрушиться. Подогнали два трактора, соединенные друг с другом толстым стальным тросом. Поставили их в линию сзади тягача. Водитель выпустил с лебедки тягача буксирный трос. Трос прицепили к переднему трактору. Тракторы стояли неподвижно, образовав своеобразный якорь. Тягач, наматывая трос на свою лебедку, скрытую в его кузове, вытаскивал сам себя из снежницы.

Далее до Мирного тягач добрался без приключений.

Я так подробно описываю первые дни в Мирном, чтобы показать читателю сложный ритм и напряженность экспедиционной жизни в обжитом месте. Еще труднее и напряженнее жизнь в походах. В эти дни как раз шла интенсивная работа по снаряжению поезда для доставки из Мирного на Восток горючего и разного снаряжения. Выход поезда был назначен на 17 декабря. По плану поход на Восток и возвращение пустых тягачей в Мирный рассчитан на 90 дней. Большая часть участников из старой смены, после похода они вернутся на родину. Но «Оби» в Мирный больше не зайдет. Вот почему полярники будут перевезены самолетами на Молодежную к приходу туда «Оби» в марте.

На следующее утро весь Мирный провожал поезд.

Поезд состоял из одной «Харьковчанки» и семи обычных тягачей. В кузове одного тягача построен домик с электрокамбузом и небольшой столовой, в другом — домик с 12-киловаттной электростанцией. Кроме саней с бочками, на прицепе одного тягача были сани с домиком для станции Восток; домик этот доставили в собранном виде на борту «Оби».

После краткого прощального митинга взревели мощные моторы, выбрасывая клубы дыма. И вот вперед ринулась флагманская «Харьковчанка» с радиомачтой над крышей. На верхушке мачты — флаг Советского Союза. Началась пальба из ракетниц. Из кабин тягачей вылетают зеленые и красные ракеты. Это отъезжающие прощаются с Мирным, с теплом и уютом привычной жизни. Им отвечают провожающие, желая счастливого пути. На легком вездеходе мы следуем за поездом до седьмого километра.

По крутому подъему поезд движется дальше на юг и вскоре скрывается из вида за крутым снежным увалом.

«ПРОФЕССОР ВИЗЕ»

Научно-исследовательское судно «Профессор Визе» 18 декабря 1967 года подошло к морю Дейвиса. Мы знали, что этот новый корабль ведет опытный капитан, неоднократно плававший в Южном океане, — И. А. Ман. Это он впервые привел «Обь» в 1955 году к берегам Антарктиды. Позднее он был капитаном-наставником на танкере, доставившем горючее для заправки емкостей, построенных в Молодежной и Мирном. Начальником первого рейса на «Профессоре Визе» идет руководитель Главного управления гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР академик Е. К. Федоров.

«Профессор Визе» имеет ледовый класс, но не приспособлен для плавания в тяжелых полярных льдах. Придется «Оби» выходить на северную ледовую кромку встречать новое судно.

В этот день на самолете «ИЛ-18» я и капитан «Оби» Э. И. Купри семь часов летали над морем Дейвиса и получили карту распределения льда. Восточнее меридиана острова Дригальского до шельфового ледника Шеклтона пояс льдов оказался сплоченным, а к востоку от этого приметного острова льда было значительно меньше, и мы наметили путь для кораблей по разреженным льдам.

Утром 20 декабря мы вышли на чистую воду. Погода снова стала обычной для Южного океана: пасмурно, туман, то снег, то дождь. Вскоре мы в мгновение утра к северу увидели блестящую, яркую полосу — это отделившаяся от основного массива полоса льда, в которой сейчас идет «Профессор Визе». Он где-то близко, но видимость плохая. На экране радиолокатора не отличишь судно от айсбергов; вокруг много айсбергов, а судно во льдах движется очень медленно.

Наконец в бинокль стали видны очертания белого судна на фоне еще более белых льдов. А вот уже видно и простым глазом, как оно выплывает, точно белый лебедь, на чистую серую воду. Над Южным океаном гудят приветственные гудки.

За мною прислали катер, и я временно переселился на борт «Профессора Визе».

Поздним вечером, когда все легли спать и меня пристроили на отдых на диване в салоне начальника экспедиции, я наконец дорвался до пачки писем, присланных из дому.

В одном из конвертов оказалась веточка с сухими листьями и обыкновенная еловая шишка. Это привет увядающего перед зимой леса. Запах напомнил мне

о серой, туманной ленинградской осени. Эта серая осень, которую нередко часто ругают ленинградцы да проклинал иногда и я, казалась отсюда прекрасной.

21 декабря наши суда прошли ледовый пояс моря Дейвиса и южнее острова Дригальского вышли на чистую воду. Рано утром мы были у кромки припая. «Обь» вырубил выемку — ковш во льду сначала для «Профессора Визе», а потом и для себя.

У кромки припая нас дождалась группа людей, прибывших из Мирного на трех вездеходах.

Поехали в Мирный. Осмотрев его, вылетели к поезду А. Н. Лебедева, на 180-й километр. Погода великолепная, видимость отличная, через 1 час 20 минут садимся у поезда. В первую очередь вручаем письма, посылки, доставленные на борту «Визе». Ребята встречают нас сердечно. Показывают поезд, рассказывают о пройденном пути и наконец приглашают нас на обед в салон «Харьковчанки». Мы с удовольствием принимаем приглашение. Ребята, конечно, были немного смущены, а вместе с тем польщены. Они принимают здесь, в ледяной пустыне, Евгения Федорова, одного из прославленной четверки папанинцев, крупного ученого, академика. Не важно, что сейчас размах работ, в которых они участвуют, неизмеримо больше, чем работа папанинцев в маленькой палатке на льдине у Северного полюса. Но папанинцы были одними из первых, кто бросил смелый вызов суровой природе, а первым всегда труднее: они идут в неизвестное.

...Мы поблагодарили гостеприимных хозяев, крепко пожали им руки и пожелали счастливого пути.

За время нашего кратковременного пребывания у поезда мотор самолета не остыл, хотя и стоял морозец в 20 градусов.

Мы вылетели. Пилот сделал прощальный круг и, пролетев над поездом на бреющем, покачал крыльями.

23 декабря. Погода облачная, но летная. На самолете Ермакова вылетаем с Молодежной далее на запад — к Новолазаревской. Летим вдоль берега. На ближайшем к Молодежной участке берега много выходов скал-оазисов.

— Оазис Терешковой! — показываю я Федорову на бурные скалы, местами покрытые снежниками с окнами небольших голубых озер. Наши географы обследовали оазис, когда Терешкова и Быковский летали в космосе. Названия оазис не имел, вот его и назвали в честь первой женщины-космонавта.

Федоров через иллюминатор фотографирует и говорит:

— Подарю Терешковой фотографию ее оазиса, если получится.

Через 1 час 15 минут пролетали над японской станцией Сёва на острове Онгул. Яркие оранжевые домики, соединенные оранжевыми крытыми переходами, расположены на темных скалах. Снег на острове растаял, и голые темно-коричневые скалы кажутся сверху выжженной каменистой пустыней.

Летим дальше. Справа появилась обширная горная страна — горы Русские, затем массив Вольгат. Горы огромны и величественны. При такой беспредельной видимости и прозрачности воздуха весь горный массив с самолета виден, как гигантский макет на белой подставке.

Под нами поднимающийся к горам ледник. На нем видны русла водотоков, а в понижениях синют озера талой воды. Лето. Солнце и здесь делает свое дело. Перед холмистым оазисом, на краю которого расположена станция Новолазаревская, видны гигантские дуги морен. Это из-под края непрерывно движущегося ледника выдавливается обломочный перемолотый

материал горных пород. Садимся на ледник в 14 километрах южнее Новолазаревской. Снег стоял, и лыжи нашего самолета грохочут по пузырчатой ледяной поверхности.

Нас встречает группа загорелых новолазаревцев во главе с О. К. Седовым.

Я второй раз в этом, я бы сказал, самом уютном уголке Антарктиды. Разноцветные аккуратные домики расположены на берегу озера. Здесь свой микроклимат. Летом темные скалы нагреваются солнцем и температура воздуха плюсовая. Станция Новолазаревская неоднократно в летние сезоны служила базой для полевых геологических, биологических, физико-географических исследований гор к югу от станции. В окрестностях станции ведутся интересные гляциологические наблюдения, микробиологические исследования.

Несмотря на то, что станция отделена от океана почти стокилометровым пространством ледника, в одном из озер у северной окраины оазиса отмечены приливо-отливные колебания уровня. Значит, подольдом есть соединение с океаном, хотя вода в озере до дна пресная.

Час на осмотр научных павильонов, несколько минут на беседу в уютной кают-компании станции, час на трясую дорогу в «Харьковчанке» до взлетной полосы, и мы снова в воздухе.

24 декабря. Разгрузка судна закончена. В Мирном полно народу. С «Визе» на самолете привезли экскурсантов — более сотни человек. Ведь члены экипажа нового корабля впервые в Антарктике, и им, естественно, хочется побывать в поселке, посмотреть, как живут здесь их товарищи. Эти экскурсии, конечно, внесли дезорганизацию в жизнь станции, и без того сложную в период передачи от одной смены другой. Но любознательность моряков надо удовлетворить.

25 декабря. Рано утром мы снова в воздухе — летим на станцию Восток. Это наш последний пункт, и перед вылетом было дано указание, чтобы завтра суда были готовы выйти в море.

Самолет делает большой круг над морем и, набрав высоту около 3 тысяч метров, ложится курсом на юг.

При подлете к станции Комсомольской стало безоблачно. Станция сейчас необитаема...

Неведомым и трудным был когда-то путь к этой станции. Первый поезд тягачей с сооружениями станции на санях прибыл в эту точку 7 марта 1957 года, но все горючее, предназначавшееся тогда для работы электростанции в предстоящую зиму, сожгли машины. Путь оказался очень трудным, тягачи тогда были на узкой гусенице и глубоко увязали в сыпучем снегу. Я был тогда начальником второй САЭ и из Мирного с тревогой следил за последними километрами движения поезда.

Начальник поезда не рассчитал и оставил двое саней с продовольствием и запасной одеждой за 125 километров сзади. Вернуться за ними уже не хватило горючего. Осталась надежда на авиацию. 9 марта четыре самолета «ЛИ-2» на лыжах, с горючим в бочках, один за другим вылетели из Мирного к месту стоянки поезда. Одним из самолетов вылетел и я, чтобы на месте решить, что же делать с этой станцией. Март в Антарктиде — начало зимы, в глубине Антарктиды на высоте трех с половиной тысяч метров уже мороз около 60 градусов. Как-то там сядут самолеты?

С поезда сообщили, что укатать там взлетно-посадочную полосу невозможно, тягачи в мягком снегу оставляют колею более полуметра глубиной.

Летчики решили садиться на снежную целину: другого выхода не было. Сели благополучно, но взлетел

лишь один самолет. Остальные три взлететь не могли. При низких температурах снег здесь выпадает в виде мельчайших кристалликов льда и скольжения при движении лыж нет. Первому самолету удалось взлететь лишь потому, что пилот после посадки не останавливал самолет, проручил круг и стал лыжами на свой старый след. Остальные самолеты не могли даже стронуться с места, несмотря на то, что моторы работали на полную мощность.

Наступила ночь, механики падали с ног от усталости. Работать приходилось при атмосферном давлении 460 миллиметров. На такой высоте кислорода не хватало. От физического напряжения и мороза захватывало дух, ломило в висках и бешено колотилось сердце. А температура воздуха продолжала понижаться. Ночь была кошмарной. В небольшом домике на санях вповалку расположились 16 человек. Было душно. Люди, забываваясь тяжелым сном, стонали. А откроешь дверь — в домик врывается жгуче-ледяной воздух.

Взошло солнце, ослепительное, хотя и холодное, оно немного прогрело воздух. Командир авиаотряда П. П. Москаленко впереди своего самолета устелил снег ветошью, облил ее бензином, соляром и развел костер. Вскоре получилась твердая ледяная площадка. Тягачом затащили на нее самолет. Когда моторы заработали на полную мощь, лыжи сравнительно легко стронулись с ледяной площадки. Самолет побежал, набирая скорость, и взлетел. Следом за ним таким же образом взлетели остальные самолеты. Из положения вышли, но с планами открыть станцию Комсомольскую пришлось тогда расстаться. С такими «цирковыми» взлетами много горючего не навозишь. Самолеты возвратились в Мирный с поврежденными масляными радиаторами, от низких температур резина стала хрупкой, резиновые оттяжки лыж порвались, амортизаторы шасси полопались.

В Мирном задули свирепые зимние пурги. Летчики смогли сделать к поезду еще несколько рейсов и вывезти всех участников похода лишь к концу марта.

Второй поезд шел следом за первым с намерением использовать станцию Комсомольская как промежуточную базу и следовать дальше к Южному геомагнитному полюсу для открытия станции Восток. Но это были наивные планы, объяснявшиеся нашей неопытностью. Пришлось второй поезд остановить в 620 километрах от Мирного и создать здесь временную станцию, которая получила название Восток-1. Тягачи из этого поезда вернулись в Мирный.

Но это было не поражение, а лишь разумное отступление. На станции Восток-1, расположенной на 250 километров южнее станции Пионерской, зимой был выполнен цикл аэрометеорологических наблюдений. Кстати, именно на станции Восток-1 была отмечена минимальная температура минус 73,2 градуса.

Изучение природных условий в глубине континента позволило нам подготовиться к дальнейшей операции по продвижению к югу. Следующий поезд вышел из Мирного антарктической весной, в октябре 1957 года. Его мы готовили уже с учетом печального опыта предыдущих походов. Станция Восток-1 послужила для нас еще одной временной промежуточной базой. Летчики завезли горючее на Пионерскую, на Восток-1. Поэтому поезд шел, пополняя горючее в пути. В канун 40-й годовщины Октября мы пришли к покинутому поезду и 6 ноября 1957 года подняли Государственный флаг Советского Союза — станция Комсомольская вступила в строй.

Тягачи вернулись к станции Восток-1. Домики вырыли из-под снега и снова прицепили к тягачам. Станция Комсомольская теперь служила надежной

промежуточной базой. Сюда из Мирного стали регулярно летать самолеты.

16 декабря 1957 года мы наконец пришли в район Южного геомагнитного полюса, составили домики вместе, соорудили между ними добротный тамбур, оборудовали метеорологическую площадку, запустили электростанцию, поставили радиомачту и на одной из них подняли Государственный флаг нашей Родины, передали в эфир первую метеорологическую сводку: станция Восток вступила в строй.

...Несколько дней тому назад праздновалось десятилетие станции Восток. На Восток из Мирного уже начались полеты для смены состава станции. В этот день я находился в Мирном. К вечеру обратным рейсом с Востока прилетели четыре человека из старой смены, проработавшие там около года. Удивительно, как со временем меняются понятия о масштабах героизма! Ведь когда в октябре 1956 года со станции Пионерской, расположенной в 370 километрах к югу от Мирного, вернулись сотрудники, проработавшие впервые внутри континента несколько зимних месяцев, их встретили в Мирном как людей, выживших в предельно суровых условиях, на грани невозможного.

А тут прилетели ребята с более дальней станции, где зимние температуры воздуха ниже еще на 20—30 градусов, но никто в Мирном не обратил на это особого внимания. Правда, встретили их тепло, по-дружески, но ни они сами, ни встретившие их друзья не рассматривали годичную работу внутри континента как нечто из ряда вон выходящее.

...Наконец наступил день, когда оба корабля отошли от припая. На кромке остались два вездехода и четыре человека во главе с Шамонтьевым. Они машут нам на прощание, затем садятся в вездеходы и отправляются домой — в Мирный. Теперь это их дом на год.

А мы пошли на север — в море.

Идем тихим ходом между льдин, мимо айсбергов, вершины которых скрываются в низких, ползущих почти над морем облаках. Сзади виден белый силуэт красавца «Визе».

Ночью корабли вышли из льдов на чистую воду. Приняли решение расходиться.

Вскоре «Профессор Визе» скрылся за завесой облаков, увозя людей, проработавших год в Антарктиде, и наши письма. Через месяц они будут дома, в Ленинграде. А наш путь вокруг Антарктиды, по существу, еще только начинается.

МОРЕ БЕЛЛИНСГАУЗЕНА

Пройдя пояс плавучих льдов моря Дейвиса, «Обь» повернула на восток, к Новой Зеландии.

На меридиане французской станции Дюмон-Дюрвиль встретили новый, 1968 год. 7 января 1968 года ранним утром «Обь» входила в обширную гавань Веллингтона — столицы Новой Зеландии.

Через несколько дней мы покинули порт. Нас провожали почти вся советская дипломатическая колония, новые друзья из местного университета и группа людей русского происхождения из так называемых перемещенных лиц. Это русские люди, занесенные сюда ураганом второй мировой войны и осевшие здесь. Разные это люди. Многие из них каждый день приходили с утра и оставались на судне до вечера. Они с ненасытным любопытством расспрашивали нас о жизни далекой Родины. В их взоре была затаенная тоска и, пожалуй, зависть к соотечественникам.

Вышли мы в Тихий океан темной южной ночью.

На другой день мы пересекли 180-й меридиан. Вечером вахтенный штурман О. И. Воденко объявил по судовому радио: «Вниманию членов экспедиции и экипажа судна: в 19 часов 30 минут мы пересекли 180-й меридиан. В связи с этим дата 10 января с 0 часов повторяется снова».

Идем через южную часть Тихого океана в юго-восточном направлении. Судовой лаг показывает, что наше судно проходит за каждые сутки около 300 миль. Становится прохладней.

Шамонтьев из Мирного сообщает в радиограмме, что он возвратился со станции Восток. Туда продолжают летать самолеты с грузом. На рейде Мирного начался взлом припая. В Молодежной идут стропильные работы. На всех станциях ведутся наблюдения по программе. Поезд Лебедева прошел от Мирного 1 тысячу километров. Погода везде хорошая.

13 января пересекли 50-ю параллель в туман, в штормовой, но попутный ветер. На другой день ветер ослаб, и погода оказалась на редкость для этих широт солнечной. Многие даже загорали на палубе.

17 января повернули круто на юг — к острову Петра I в море Беллинсгаузена. В этот день в диспетчерской сводке из Мирного сообщили, что поезд Лебедева прибыл на станцию Восток. Молодцы ребята: ровно за месяц прошли почти 1 500 километров.

Распрощались с теплыми широтами. Все чаще и чаще над океаном метет пурга. Исчезли птицы. Изредка встречаются сильно разрушенные айсберги. Мы плывем, не останавливаясь, на юго-юго-восток.

21 января, пройдя через пятно разреженного льда, ориентируясь по радиолокатору, подошли к северо-западному берегу острова Петра I, против ледника Тофта. (Остров открыт 22 января 1821 года первой русской экспедицией Беллинсгаузена — Лазарева.)

Мы интересовались островом, потому что было очень заманчиво организовать здесь станцию. Дело в том, что на просторах моря Беллинсгаузена нет ни одного пункта метеорологических наблюдений, и синоптические карты в этой части океана пустые. Но создать здесь станцию с людьми вряд ли когда-либо кто-нибудь рискнет. А вот на одном из шельфовых ледников острова, по-моему, можно и нужно установить с помощью вертолета автоматическую метеорологическую станцию.

Отметили в тот же день очень примечательное событие: наш дизель-электроход «Обь» прошел в морях и океанах миллион километров.

СТАНЦИЯ БЕЛЛИНСГАУЗЕН

С чего начинается станция? С детального обследования местности. И утром 29 января 1963 года в солнечную погоду, как потом мы убедились, чрезвычайно редкую для этих мест, многочисленная группа участников экспедиции и экипажа судна высадилась с этой целью на берег бухты Ардли.

Время на обследование — полдня. Мы увидели обширную террасу, состоящую из постепенно поднимающихся галечных валов.

Террасу прорезает ручей, который вытекает из озера, занимающего понижение между холмами в 500 метров от берега. Часть озера покрыта льдом. Озеро глубокое и зимой не промерзает. Значит, пресной водой станция будет обеспечена круглый год.

От террасы мы пошел к юго-западу и поднялся на возвышенность, которая простирается к югу против полуострова Ардли и обрывается к бухте.

На возвышенности было еще несколько небольших озер, а далее к западу — большое озеро, из которого течет ручей в соседнюю, пока еще безымянную бухту. Эту бухту мы потом назвали бухтой Гидрографов: гидрографы нашей экспедиции впервые произвели промер глубин этой бухты и произвели съемку ее берегов.

На пляжах масса пингвинов. Мы в районе наших станций у берегов Восточной Антарктиды привыкли иметь дело с императорскими пингвинами и пингвинами адели. Здесь же мы встретили два других вида: антарктических, или бородатых, и ослиных, или папуа.

Встречаются тюлени Уэдделла. Они лежат в распадах на островках еще не растаявшего снега. Видно, им жарко лежать на темной гальке. В одном месте на скале среди камней увидели несколько крупных птиц — это гигантские буревестники.

После обеда в кают-компании «Оби» состоялось заседание научно-технического совета экспедиции. Общее мнение было единодушным: здесь, на полуострове Файлдс острова Ватерлоо, на террасе, в вершине бухты Ардли, самое подходящее место для станции Беллинсгаузен.

— А как нравится это место составу станции Беллинсгаузен? — спросил я начальника станции А. Б. Будрецкого.

— Лучшего не найти, — ответил он.

На другой день с утра началась выгрузка. В первую очередь за борт был спущен понтон грузоподъемностью в 50 тонн. Погрузили на него трактор и трактор с бульдозером. Понтон повели к берегу два бельбота. Погода была отвратительная: резкий, холодный ветер, туман и непрерывный дождь. К дождям мы в Антарктиде не привыкли. Там, в Восточной Антарктиде, в Мирном, дождь был два или три раза за все 12 лет. А здесь льет как из ведра.

Понтон с ходу мягко вполз срезом корпуса на мелкую гальку. Перекинули на берег деревянные брусья, и первый трактор легко сошел на берег. За ним сошел трактор с бульдозером.

Гидрологи на отдельной шлюпке привезли палатку и под обрывом установили ее среди камней. В тот же день были начаты наблюдения над колебаниями уровня воды.

Дождь лил, не переставая, и ручей превратился в небольшую речку. Здесь, на левом берегу ручья, на самом высоком месте террасы, установили колышки с дощечками. На дощечках надписи: «Кают-компания», «Радиостанция», «Электростанция». В центре на тонком металлическом шесте развевается голубой вымпел. На нем герб Советского Союза и надпись «Беллинсгаузен».

На другом, правом, берегу ручья, на открытом, сухом месте тонкой проволокой огорожен прямоугольник. Сюда заходить нельзя. Здесь будет метеорологическая площадка. А метрах в тридцати от площадки, ближе к берегу ручья, дощечки на колышках с надписями: «Метео», «Медицина», «Океанология». Это значит, что в этом месте установят метеорологический домик, домик, где будет жить и работать врач станции, домик, где будут океанологическая и гидрохимическая лаборатории.

Несмотря на дождь, группа гидрографов под руководством Вайгачева развозит на приметные мысы вокруг бухты детали деревянных геодезических знаков. Им помогают коллеги из других отрядов. Работа тяжелая. Массивные части знаков из досок и бревен нужно затащить на самые высокие скалы, возвы-

шающиеся над водой, здесь установить их в виде пирамиды, в центре пирамиды зацементировать марку знака, а «ноги» пирамиды обложить массивными камнями, чтобы ее не сдуло ветром. Эти камни в большинстве тоже нужно притащить снизу.

Вблизи станции установили палатку, рядом — астрономический теодолит. За время нашей стоянки здесь обязательно нужно определить с максимальной точностью координаты хоть одного пункта. Это можно сделать только путем тщательного и многократного наблюдения небесных светил: солнца или звезд. Для точного приема сигналов времени в палатке установили радиоприемник. Решено произвести крупномасштабную топографическую съемку окрестностей станции. Геологи также приступили к геологической съемке всего полуострова. А гидробиологи-аквалангисты выполняли подводное обследование донной флоры и фауны разных мест бухты.

Новая станция, судя по всему, расположена в местности с довольно богатой фауной и флорой. Кроме морских слонов, котиков, тюленей Уэдделла, у берегов полуострова видели тюленей-крабоедов и морских леопардов.

Гидробиологи-аквалангисты, кроме морских ежей, разных видов морских звезд, голотурий, червей, пауков, собрали вокруг полуострова Файлдс большую коллекцию морских водорослей. Они здесь достигают 20—40 метров в длину и образуют настоящие подводные джунгли.

Ветер и дожди часто мешают строительству станции. Иногда невозможно высадить людей на берег из-за сильного шторма. Дважды пришлось сниматься с якорей и уходить из бухты. Но тем не менее работы продвигаются. Судовые механики под руководством инженера-электрика экспедиции А. А. Семушкина, установив дизели на цементные фундаменты, монтируют трубы, устанавливают распределительные щиты. Радисты поднимают радиомачты.

В составе экспедиции лишь один квалифицированный плотник. Под его руководством ставятся из толстых бревен фундаменты, на которых потом монтируют домики. Домики — это набор стандартных щитов, из которых можно строить здания любого размера и любой конфигурации.

Где здесь хранить мясо и другие скоропортящиеся продукты? Гляциолог Заморюев выкопал туннель в ближайшем свежнике, но температура снега там оказалась всего лишь около нуля. Это значит, что склад зальет водой, а мясо при такой температуре испортится. Придется оставить здесь один вагон-рефрижератор из двух, установленных на палубе «Оби».

Метеорологи оборудуют метеорологическую площадку, устанавливая приборы. От площадки на столбах протянут пучок проводов от приборов-датчиков к самописцам, устанавливаемым в домике. Здание электростанции тоже собирается из стандартных щитов. Рядом с машинным залом под одной крышей будет оборудована слесарная мастерская и баня.

20 февраля персонал станции переселился на берег. Ночью заработала электростанция.

22 февраля снова выдался теплый, солнечный день. Все свободные от вахт выехали на берег. В 14 часов в торжественной обстановке на флагштоке был поднят флаг Советского Союза, и с новой радиостанции была передана первая сводка погоды. Станция Беллинсгаузен вступила в строй.

Вечером того же дня «Обь» пошла на выход из бухты Ардли. Грустные прощальные гудки, залпы ракет заключили этот важный этап работ экспедиции. На берегу стояли одиннадцать наших товарищей и долго махали шапками. Они оставались здесь на год один.

АНТАРКТИЧЕСКОЙ ОСЕНЬЮ

Теперь мы шли на запад.

Утром 24 февраля вышли к острову Хозисон. От него мы должны сделать океанографический разрез через западную часть пролива Брансфилда. Видимость была хорошей. Временами днем даже светило солнце, но дул холодный северо-восточный ветер. К ночи закончили последнюю станцию разреза вблизи острова Сноу (Малый Ярославец).

1 марта 1968 года вечером знаменательное событие: мы пересекли $17^{\circ}35'$ западной долготы на южной широте $60^{\circ}50'$. 116 суток тому назад, 6 ноября 1967 года, мы достигли крайней западной долготы $17^{\circ}35'$ в северном полушарии на широте $18^{\circ}11'$, когда шли в Антарктику. Это значит, мы прошли с запада на восток все меридианы земного шара, завершив, таким образом, кругосветное плавание.

А 2 марта еще одно событие внесло некоторое оживление в нашу однообразную жизнь: мы чуть не «открыли» новый остров.

Я сидел и писал отчет за письменным столом в своей каюте. Внезапно я почувствовал, что наше судно резко изменило курс. Я посмотрел в переднее окно каюты. Видимость была отличной. Мы шли на большой белый айсберг, а впереди айсберга из моря поднималась темная скала. В этом месте на карте глубоководная Африканско-Антарктическая котловина с глубинами более пяти тысяч метров. На холодном мостике, куда я немедленно поднялся, царило оживление.

Подойдя совсем близко, мы увидели, что часть айсберга, на фоне которого, как нам казалось издали, проектировалась скала, окрашена темно-зеленым илом. Вероятно, где-то южнее, вблизи берегов Антарктиды, айсберг стоял на илистой банке. Потом подтаял и всплыл. Вследствие неравномерного таяния в период своего дрейфа айсберг неоднократно переворачивался. И когда мы проходили мимо него, он был повернут к нам как раз той стороной, на которой он когда-то стоял на мели. Остальная часть айсберга была идеально чистой.

Вот так «открывались» острова — скалы в Южном океане, которые еще до сих пор будоражат умы полярных исследователей.

В пределах видимости в этот вечер мы видели еще несколько темных айсбергов, но в бинокль было хорошо видно, что это именно грязные пятна на айсбергах.

3 марта 1968 года мы пересекли нулевой меридиан и вошли в восточное полушарие. Отсюда мы начали постепенно спускаться в более южные широты.

Март — начало весны в нашем северном полушарии. Сейчас там, дома, под Ленинградом, набухают почки, распустились пушистые сережки вербы. Ласковые лучи весеннего солнца. Капель с крыши и первое журчание ручьев. Как далеко все это сейчас!

А в этих широтах вечная бурная осень. Небо почти всегда закрыто облаками. Океан всегда неспокоен.

До чего же суров и неотзывчив Южный океан!

Лишь безмолвные айсберги сверкают холодной красотой на нашем пути. В прошлом всегда враждебные морякам, сейчас айсберги служат полезную службу при плавании в этих широтах. Здесь нет маяков и радиомаяков, редко видны небесные светила, с помощью которых можно было бы определить место судна. Мореплаватели с помощью радиолокатора в любую погоду, при любой видимости определяют точно расстояние до айсбергов и берут пеленги на них, ведя таким образом счисление пути судна. Ско-

Дизель-электростанция «Обь» у ледового барьера.

рость дрейфа самих айсбергов незначительна, и ее можно не принимать в расчет.

8 марта 1968 года, рано утром, «Обь», пройдя через лабиринт айсбергов залива Алашеева, ткнулась носом в ледниковый барьер причала № 1 станции Молодежной.

Пришвартоваться к барьеру было не так-то просто. Дул жестокий стоковый ветер. Только к 16 часам 9 марта, когда ветер стих, «Обь» наконец пришвартовалась к барьеру, и началась выгрузка.

Это была трудная и опасная работа. Нередко дули сильные ветры, по ночам настоящие ураганы. Но лучшей погоды нам не дожидаться в это время года.

18 марта ледяной причал опустел. Выгрузка закончена. Судно отошло от берега. Теперь на год это место будет пустынным ледяным барьером.

Пошли на запад к бухте Заря за пресной водой, затем к нефтебазе набирать горючее. Потом пошли на выход из залива Алашеева — на север, в ледяной океан — и 20 марта легли на западный курс вдоль параллели Южного Полярного круга.

Теперь все наши помыслы — Новолазаревская. У экспедиции осталась единственная, последняя задача — снять грузы для этой станции. Как всякая последняя задача, она казалась нам самой трудной.

Переход до моря Лазарева занял при спокойной погоде менее трех суток. Утром 23 марта подошли к мысу Мурманский. Старые ледяные поля скованы молодым льдом. В одном месте при попытке пройти между двумя ледяными полями «Обь» заклинилась. Обычно такие льдины наше судно легко раздвигает, но на сей раз между льдинами образовался молодой лед толщиной в 15 сантиметров. Около четырех часов работал винт, меняя передний ход на задний. С трудом удалось вырваться из цепких ледяных объятий. Пройдя вдоль ледяного барьера мимо мыса Мурманского, где старый лед был отжат от берега, судно уткнулось в кромку невзломанного припая.

К этому времени года припай здесь обычно взламывается и выносится осенними штормами. Но в этом году лето и осень в районе Новолазаревской были спокойными, сильных ветров не было. И вот результат: мы не можем пробиться к месту выгрузки в бухту Воронина.

Поздно вечером по припаяю к судну подъехал Седов на вездеходе. Расстояние до бухты Воронина — около 30 километров. На пути во льду много трещин. В нашем распоряжении лишь один трактор. Тягачи

по такому льду пускать опасно. Положение казалось безвыходным. Но мы должны найти какой-то выход.

Судно врубилось в припай. Решили выгружать самолет, чтобы на следующее утро произвести авиа-разведку.

24 марта. В бинокль тщательно осмотрели барьер шельфового ледника. Стенки его всюду отвесные, но в одном месте виден пологий подъем. Гидрологический отряд во главе с Топорковым выехал на вездеходе, чтобы обследовать увиденный подъем на барьер. Тем временем самолет «АН-6» начал перевозить на Новолазаревскую продовольствие.

Отряд Топоркова установил, что на морском льду между судном и барьером много трещин, большая часть из них замерзла, ближе к берегу имеются три приливные трещины, которые «дышат», то есть расширяются и сжимаются в зависимости от фазы прилива. Но трещины, как сообщили гидрологи, неширокие, трактор и сани смогут пройти через них без опасений. Толщина льда — 140—150 сантиметров. Подъем на барьер крутой, но безопасный.

Выгружать на барьер? Но может ли к этому месту подойти поезд из Новолазаревской?

Решено лететь на разведку.

С воздуха видим, что от места подъема на барьер на шельфовом леднике простирается между двумя ледяными холмами долина, причем на холмах обозначаются широкие ледниковые трещины, а в долине трещин нет.

За холмами, на ровной поверхности шельфового ледника, увидели поезд. Садимся. Я остаюсь здесь, а самолет снова взлетает и летит с грузом на Новолазаревскую.

Поход поезда прошел успешно, тягачи подошли к подъему и встали, а трактор отсюда доставил к борту «Оби» двое пустых саней.

Выгрузка началась.

25 марта. За ночь и сегодня за день трактор сделал от борта к барьеру лишь три рейса, причем в последнем рейсе груженные бочками сани пришлось бросить на полпути. В ряде мест поверхность льда обнажена от снега. У трактора зацепы на гусеницах тупые, на скользком льду он буксует. Пришлось спустить с барьера на морской лед тягач. Смотреть, как эта махина пересекает трещины, страшно. Но что же делать?

В первый рейс от барьера к судну тягач вел начальник транспортного отряда Лебедев. А потом к трещинам подвезли бруссы, доски, бревна и навели через них мосты. Гидрологи непрерывно следили за поведением трещин. Когда тягач сделал к берегу и обратно несколько рейсов, опасения за прочность льда вблизи трещин немного улеглись.

26 марта. Самолет «АН-6» продолжает возить продовольствие и некоторые приборы и снаряжение прямо от борта на Новолазаревскую. Это около 110 километров, или 40 минут полета. Погрузка у судна, выгрузка на станции — тоже 40 минут. Таким образом, на рейс уходит в среднем 2 часа. У нас два полных экипажа, они сменяются, и самолет летает с раннего утра до захода солнца.

Сегодня во второй половине дня погода стала портиться. Натекают низкие облака. Пошел снег. Судя по синоптической карте, с запада идет на нас циклон. К счастью, почти все, что планировалось перебросить самолетом, уже переброшено. Старая смена Новолазаревской переброшена на судно тоже по воздуху.

В последний рейс летчики полетели уже при снегопаде и плохой видимости. С ними полетел капитан Купри, чтобы осмотреть ледовую обстановку, — пора

было думать о выходе на север. Через два часа самолет возвращается. Летчики начинают его разбирать и упаковывать.

Попытка капитана произвести ледовую разведку не увенчалась успехом: к северу от шельфового ледника Лазарева над морем облака до самой воды и сильный снегопад, ничего не видно. Ветер начал усиливаться и к ночи достиг штормовой силы.

У трещины трактор оставил сани с цистернами, заполненными горючим. Дальше голый лед, трактор на таком льду с тяжелым грузом на прицепе буксует. Тракторист привел пустой трактор к борту. Темно. Метель. Огни судна светят тусклым светом, пробивая снежную пелену лишь на несколько десятков метров. Тягач где-то на пути между судном и барьером, где работает разгрузочная бригада.

Когда все видно, в любой момент можно оказать помощь и принять то или иное решение. А что делать в такую погоду, когда в ста метрах от судна можно потерять ориентировку и заблудиться?

Наконец около полуночи сквозь белую пелену пурги с мостика увидели тусклые пятна света — к борту подошел тягач. Прибыла и разгрузочная бригада. На барьере остались два дежурных водителя. Они в безопасности. Там, в кабине «Харьковчанки», тепло, есть продукты, радио.

У борта судна скопились трактор, тягач, двое груженых саней и легкий вездеход. На льду, примерно в середине пути между судном и барьером, — сани с цистернами, заполненные горючим, и ближе к барьеру — пустые сани.

Ветер усиливается. Возможен разлом припая волнами, идущими из океана, что и случалось неоднократно в прежние годы. А мы так надеялись завтра закончить разгрузку и идти на север, в теплые широты!

Наиболее горячие головы предлагают, «пока не поздно», перегнать транспорт с санями на барьер. Но пускать людей в такую свирепую метель, в крошечную ночную муть — большой риск. Уж лучше пусть гибнут машины, сани и груз.

Давно известно, что полярные экспедиции — это великая школа терпения. Что можно противопоставить великой мощи стихии? Терпеливое ожидание. Из опыта известно, что после самой свирепой бури все-таки будет затишье. Но когда оно придет?

Оставили вахтенных следить за льдом и пошли отдыхать.

27 марта. Отдохнуть не удалось. Пришел синоптик, доложил, что положение ухудшается: со стороны моря Уэдделла подходит второй глубокий циклон, ожидается усиление ветра, возможен ураган.

Решаем поднимать все на борт судна. На третий трюм подняли фюзеляж самолета. Начали перевозить тяжелые стрелы. Это тоже занятие не из легких в такой сильный ветер.

На какое-то время вдруг наступило относительное затишье, и А. Н. Лебедев предложил отогнать тягач на барьер, прихватив по дороге пустые сани. Поехали на тягаче втроем: сам Лебедев, механик-водитель В. И. Тябин и гидролог В. М. Попов.

Через несколько минут тягач скрылся в белой мгле низовой метели. И тут коварная природа, лишь притаившаяся подобно хищному зверю перед прыжком, ринулась в атаку. Скорость ветра стала резко нарастать. Мы стояли в оцепенении, до рези в глазах вглядываясь в беснующееся молочно-белое пространство.

Через 15—20 минут разглядели внизу три темные, призрачные фигуры, согнувшиеся пополам, они продвигались против ветра, поддерживая друг друга.

Станция Новолазаревская. Июнь 1967 г.

— В чем дело? Почему они возвращаются пешком? Они же могли повернуть тягач к судну? — задавал вопросы наш экспансивный капитан.

Наконец открывается дверь в ходовую рубку, и Анатолий Никифорович Лебедев в ответ на наши вопросительные взгляды меланхолично произносит:

— Тягач булькнул в трещину под лед в трехстах метрах отсюда. Я и Попов едва успели выскочить из кабины. Тябин в это время вышел пскать до-рогу.

Нам оставалось только радоваться, что люди уцелели. Могли тоже уйти под лед. Антарктика и такое знает.

По радио было объявлено: разгрузочной бригаде Филюшкина выходить на лед для подъема саней и трактора, судовой команде становиться к лебедкам и приготовиться к приему транспортных средств.

Трактор дергает с места прицепленные сани с тяжелым грузом, но буксует на скользком льду. За рулем опытный водитель Тябин. Путем сложных маневров он задним ходом трактора подает сани к борту судна под конец пятидесятитонной стрелы. Зацепив за углы полозьев саней металлические стропы, мы беремся за оттяжки. Сани медленно поднимают вверх.

Вторых саней не видно, а между тем они где-то рядом. Идем цепочкой к ним против ветра. Уже через 20 метров теряем судно из виду. Ветер бьет в лицо жесткими снежинками. Лицо покрывается снежной маской. Под ногами ничего не видно, и приходится нагибаться, чтобы разглядеть, нет ли впереди трещин. По колебаниям льда под ногами чувствуем, что где-то вблизи начался разлом припая.

Нашли сани. Вокруг них уже надуло сугробы снега. Прицепляем трактор то спереди, то сзади саней. При одном из маневров трактора концом буксирного троса случайно ударило механика-водителя Бубеля по верхней губе и носу. Пошла кровь. Видно, что он ругается.

«Раз ругается, значит, не опасно», — подумал я.

Наконец вторые сани подтянуты к борту и подняты. Потом поднимаем вездеход и трактор.

Вся операция закончилась благополучно. Вот и все. А ветер достиг уже ураганной скорости — 40 метров в секунду! Он уже не свистит, а ревет

на низких нотах и грохочет, бросая с огромной силой тучи снега в надстройки судна.

Лед вокруг нас взломало. Судно стояло лагом, то есть боком, к ветру и под напором ветра накренилось на правый борт на 12 градусов.

28 марта. Утром радио принесло печальную весть: погибли при авиационной катастрофе первый космонавт Юрий Гагарин и летчик Владимир Серегин.

Послали на Родину радиogramму: «Коллективы 12 и 13 советских антарктических экспедиций и экипаж дизель-электрохода «Обь», работающие сейчас в самой суровой части планеты Земля, узнав о трагической гибели первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина и летчика Владимира Сергеевича Серегина, шлют искренние соболезнования советскому народу, семьям покойных. Имена погибших наших славных современников, друзей и товарищей будут всегда напоминать нам и будущим поколениям о беспримерной отваге, мужестве, будут звать к новым подвигам на покорение сил природы для блага человечества».

29 марта. Ранним утром ветер затих. Видимость стала отличной. В бинокли мы увидели, что сани с цистернами и пустые сани не потонули. Их отнесло на кусках льдин за 13 миль от барьера.

Подшли к саням с цистернами. Они стоят на небольшой льдинке в полупогруженном состоянии. Судну нельзя подходить к ним близко: если пошевелим соседние льдинки, равновесие нарушится и металлические сани пойдут на дно. На лед опускаются матросы во главе со старшим помощником Волковым. Но как зацепить сани? Они под водой. Выручили аквалангисты Грузов и Рыбаков. Опустившись на лед в гидрокостюмах, они под водой надели стропы на выступы саней, а затем сани были легко подняты стрелой на палубу. Вторые, пустые сани стояли на сухой большой льдине. Поднять их на борт не представило затруднений.

У барьера, где был подъем, синела вода. Мы подошли к вертикальной стенке, уперлись в барьер носом. На берег сошли водители-новолазаревцы Афанасьев, Планин, гляциолог Косенко и начальник станции Самушкин. На борт поднялись дежурившие на барьере во время урагана механики-водители Андреев и Шлипунов.

Чудесный вечер. Идем вдоль барьера по чистой во-

де. Заштитуло, и белые края ледника отражаются в воде, как в зеркале. Обогнули мыс Опорный и за ним в 3—4 милях уперлись в невзломанный припай. В одном месте, где на припай с барьера имеется плавный снежный спуск, пришвартовались. Спустили трактор и сани. Ждем поезд.

Уже стемнело, когда увидели зеленоватые огни фар тягачей. Они благополучно подошли к месту выгрузки.

30 марта. Погода идеальная: солнечная, тихая, легкий морозец. Дальние мысы ледяного барьера и айсберги в заливе, приподнятые и искаженные рефракцией, кажутся беломраморными дворцами, обелисками, белыми городами. В гости к судну приходят группы императорских пингвинов. Не верится, что лишь два дня назад здесь свирепствовал снежный ураган.

Вот такие дни, как сегодня, притупляют бдительность людей. Проходит день-другой этой тишины, даже какого-то колдовского очарования, и кажется, что это спокойствие будет длиться долго-долго. Сначала люди соблюдают выработанные годами правила — не оставляют ничего лишнего на льду. А потом забывают об осторожности. Внезапно все меняется: налетает ураган, и рай превращается в ад крошечный. Почти каждая экспедиция попадает на этом.

Выгрузка наша завершается.

31 марта. Было еще темно, когда я и капитан в последний раз прошли на барьер и простились с новозеландцами.

В 4 часа 55 минут «Обь» отошла от барьера и легла курсом на север — домой, к теплу, к весне. А у них, оставшихся на барьере, впереди зима и полярная ночь.

К вечеру, когда пачало темнеть, мы вышли на чистую воду Южного океана.

Домой!

Мы переживали времена года в необычной последовательности. Уходили мы от берегов Антарктиды, где уже в полные права вступала зима. В 60-х и 50-х широтах была холодная, бурная, штормовая поздняя осень. В 40-х широтах тоже осень, но уже дождливая, пасмурная. А потом — жаркое лето тропиков. Экватор мы пересекли 18 апреля 1968 года.

А 21 апреля на 10° северной широты солнце в полдень было у нас над головой. С завтрашнего дня солнце будет ходить по небосклону нормально: по ходу часовой стрелки, то есть слева направо.

От жаркого лета тропиков мы шли на север, к весне умеренных широт.

8 мая 1968 года «Обь» пришвартовалась к пассажирскому причалу Васильевского острова Ленинграда. Тринадцатый антарктический рейс дизель-электро-

хода «Обь» был окончен. Он длился 200 суток. За это время судно прошло 35 тысяч миль, 8 раз пересекло Южный Полярный круг. В кругосветном плавании вокруг Антарктиды пройдено 14 200 миль.

Выполнено: 63 глубоководные океанографические станции; 15 840 миль маршрутного судового промера; 169 погружений под воду и под лед. Собраны богатые коллекции подводной флоры и фауны прибрежных районов Восточной и Западной Антарктиды; собраны геологические коллекции.

Весь рейс велись попутные гидрометеорологические наблюдения, а в водах Южного океана — ледовые наблюдения. Построена новая советская научная станция Беллинсгаузен в Западной Антарктике.

Впрочем, эта книга не отчет об экспедиции, а главным образом личные впечатления ее руководителя. Я не ставил себе целью изложить научные результаты экспедиции, рассказать все, что мы знаем о природе Антарктики. Я хотел лишь показать, как добываются эти знания, в каких условиях приходится жить и работать людям в этой части нашей планеты; показать суровость и красоту природы Антарктики, радость преодоления трудностей; показать будни экспедиции и романтику дальних странствий.

Перед моим мысленным взором встают лица и характеры моих спутников. Большинство из них — молодые ребята, принимающие жизнь такой, как она есть. Они знают эту жизнь без прикрас.

Заканчивая книгу, я как бы слышу их вопрос:

— Ну что же тут романтического?

Им трудно ответить на этот вопрос сейчас. Только когда пройдут годы, эти ребята будут с теплотой вспоминать 200 экспедиционных дней как единственное и неповторимое в жизни. Будни забудутся. Забудутся ошибки и обиды. Забудутся раздоры, грубо-сти, неизбежные при тяжелом и опасном труде. Останутся воспоминания о дружбе, о чувстве локтя товарища. Будет помниться праздничный день открытия новой станции Беллинсгаузен на суровом, бесплодном берегу. Так вспоминают мои ровесники о строительстве Магнитогорска, Комсомольска-на-Амуре, об освоении целины в Сибири и о многих других делах молодости.

А все это объединяется одним словом «романтика», о которой великий норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен сказал:

«Романтика придает человеку божественные силы для путешествия по ту сторону обыденности, это — могучая пружина в человеческой душе, толкающая его на великие свершения».

Ноябрь 1967 — ноябрь 1968 гг.
Ленинград — Антарктида — Ленинград.

Б. СВИНИН.
Ю. ЦАРИКОВСКИЙ.

Деталь мемориального ансамбля
в честь защитников Ленинграда
на Лемболовских высотах.

М. РОЙТЕР.

На заставе.

По залам московских художественных выставок. Лето 1969 г.

Э. БИНШТОК.

Женщина
(чеканка по железу).

А. СИЛДМЕТС.

Ловля лошади.

Н. ТУЖИЛКИНА.

На крылечке.

Н. ГОХБЕРГ.
Гимнастки.

**Давид
Бугультинов**

Обращение к словам

Поторопитесь, бога ради!
Слетайтесь!

Сами стройтесь в стих!
О сколько дней — почти что год! —
Я тосковал без вас, не смея
Ускорить волею своею
Благословенный ваш прилет!
Я знал: вы мне — друзья, как прежде,
И жадно в воздухе ловил
Шуршанья, шелесты — в надежде,
Что это — взмахи ваших крыл.
О том, что скрытых чувств подъем
Не поддастся грубой силе,
Тому, чтобы слова скрутили
И в строки втиснули с трудом, —
Едва ль не с детства помню я
По первым трепетным созвучьям...
Я уваженью к вам обучен,
Жду вас безропотно, друзья!
И все ж вам прилетать пора!..
Обиженным — зерно добра,
Кто истомлен от жажды, — воду,
Тому, кто угнетен, — свободу
Даруют мудрые слова!
Познав законы естества,
Сквозь воспарение наитий
И восхождение ума,
Слова-друзья, скорей летите!
Вас призывает жизнь сама!
Шумящие издалика,
Спешите легкокрылой стаей!
Звучи, мелодия простая!
Шуми, волшебная река,
С природою земной освойся!
Как жизнь, отраднa и свежа,
Заполни, с временем дружа,
Страницы чистые, как совесть!

Начало дня

бесстрашьем.

И теплым золотом твой дом окрашен.
А день-младенец расправляет грудь
И устремляет вверх ростки живые,
И ты — ты вместе с ним! — как бы впервые
По-новому свой начинаешь путь
И первый шаг свершаешь налегке,
Так, словно все твои былые годы
Лежат еще перед тобой — в клубке,
Не развернувшись... Воздухом свободы
Ты сладко дышишь, ты ушел от уз
Вчерашнего, досадный сбросил груз...
Ты пьян от будоражащего света...
Сейчас ты волен не давать ответа
За то, что отошло с туманным сном...
Ты — так прозрачно чист!.. Ты — невесом,
Не в прошлом ты, и ты — не в настоящем.
Ты в мире, лишь тебе принадлежащем.
В твоей руке — ключи от всех замков
Грядущего, где столько ожиданий,
Что сбудутся вот-вот... Ты рад заране
И удивляться им уже готов!..
Ты на земле сейчас — без посторонних...
А солнце льет волной на подоконник
Дневных видений пестрый звездопад,
И ты предчувствием чудес объят,
Трепещущих, и радужных, и прочных...
А утро тихо обещает: — Жди!
Неиссякаем радости источник,
И счастье неизменно впереди!

С тех пор...

Актеры

с Гамлетом сроднясь вполне,

Его страданий разделяли бремя
И забывали о себе на время.

Но каждый вечер, Гамлета лепя,
Являл в искусстве самого себя.

И личности сокрытое зерно
Светилось в каждой черточке победно...
...Творение найдется ль хоть одно,
В котором бы творец исчез бесследно!

Размышление

Мы на кладбище друга привезли,
Вдоль ямы черной мопча стали с края,
И мертвого зарыли в глубь земли,
Живое горе в сердце подавляя.

Вот все и кончено. И тишина...
Жизнь пресеклась так просто и так странно:
В беззвучье улетучилась она
Из мира шумов — как всегда — неожиданно.

Обиды, радости, добро и зло —
Что волновало сердце, что томило,—
Смежив глаза, застыло, отошло,
С хозяином лежит на дне могилы.

А мы, оставшиеся, и сейчас
В грядущем неизменно пребываем,
И эта яма черная — для нас,
Как говорят калмыки,— «за Алтаем».

Но провожая друга в путь глухой,
В дорогу без возврата, без предела,
Душа моя, смятенная тоской,
Внезапно озаряясь, просветлела,

И ей, в блаженном солнечном тепле,
Ее соседи по земной юдоли,
Что вместе с ней остались на земле,
Родными стали, близкими до боли.

И, если я живое существо
Когда-нибудь обидел понапрасну,—
То попросить прощенья у него
Мне захотелось искренно и страстно.

А те, кто предо мною виноват!
Вина их вдруг утратила значенье,
Я отпустить ее готов сто раз,
Чтоб спадкое почуять облегченье...

«Когда б сказать им всем,— подумал я,—
Любой из нас — у замыканья круга,
Так будем жить, и вправду, как друзья,
Щадя друг друга, радуя друг друга!»

И верил я, что станут все добрей,
Поняв душой простое это слово —
Как будто ключ нашел к сердцам людей,
Как будто истиной владею новой...

Любой из нас, кто трудится во имя
Своей мечты, с другими плотно спит,
С другими вместе — жизнь вперед стремится
И длит свой век — в содружестве
с другими.

В пространстве он и времени живет
На собственном, ему присущем месте,
Мир до краев мы заполняем вместе:
Не терпит человечество пустот!
И, если вдруг исчезнет кто-нибудь
Из плотной, из прекрасной этой ткани,—
В дыру ворвется вихрь... И, сердце рая,
Вселенский холод обожжет мне грудь.

Когда играю с детворой,
То, словно вырвавшись из плена,
Я распрямляюсь постепенно
И забываю возраст свой.

И дети радуются мне,
Доверчиво в глаза мне глядя:
Меж ними я — не взрослый дядя,
Я — свой, я с ними — наравне.

Мои волненья — им сродни,
Вопросы их я сердцем слышу,
Такой же я, как все они,
Вот разве ростом — чуть повыше...

Все встало на свои места,
Я словно подышал весною,
Омыто свежестью лесною
Сознание,
и душа чиста.

За годом год уходит в никуда...
Мы знаем краткость жизненного срока,
Но — странно! — удаляясь от истока,
Перестаем подсчитывать года.

Быть может, просто мы привыкли жить!
Иль потому, что видим ежечасно
Бессмертье дел,— отвыкли, может быть,
От мысли тягостной, что смерть всевластна!

Москве

Едва,
к земле спускаясь косо,
Я через круглое стекло
Завижу золотые косы
Огней, струящихся светло,

Как только у вокзала поезд
Почтительно замедлит шаг,
Я, радостно забеспокоясь,
Заслышу гул на площадях,—

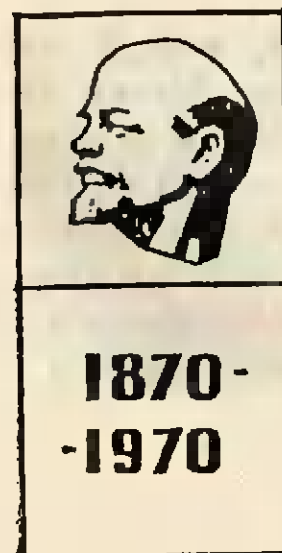
И вновь пойму, что ты — окрест!
Привычных мыслей ход наруша,
Москва, ты в каждый мой приезд
По-новому волнуешь душу!

С тех пор, как знаю я слова
И первой буквы начертанье,—
В душе сияет упованье
На мудрый гений твой, Москва!

Для всех умеющих мечтать
Не ты ль, Москва, собой явила
Желаний сокровенных силу,
Надежд заветных благодать!

И верю, что исполнишь ты
Все то, что жаждем мы от века,
Ведя любовно человека
Путем Добра и Красоты!

Перевела Юлия НЕЙМАН.

МЫСЛИТЕЛЬ, РЕВОЛЮЦИОНЕР, ЧЕЛОВЕК

В физиономистику давно уже никто не верит. И все-таки каждый раз, знакомясь с человеком, всматриваешься в его лицо... Первое впечатление может оказаться и очень точным и очень обманчивым. За заурядной внешностью можно не заметить гения и, наоборот, за внешностью гения — заурядной посредственности.

Когда жандармским чинам пришлось составлять словесный портрет крупнейшего «государственного преступника», лидера «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимира Ильича Ульянова, они не нашли в его внешности ничего примечательного: «Рост 2 аршина 5½ вершков, телосложение среднее, наружность производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде — рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый».

Первое впечатление от внешности В. И. Ленина действительно было таково. «Его невысокая фигура, — пишет Г. М. Кржижановский, — в обычном картузике легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком — вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, переодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян, — было в его облике именно нечто, как бы идущее непосредственно от этих народных низов, как бы родное им по крови».

Впервые встретив Ленина, Горький записал: «Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то подмышки, стоит фертм. И вообще весь — как-то слишком прост...»

«Но стоило взглянуть в глаза Владимира Ильича, — пишет тот же Г. М. Кржижановский, — в эти

необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии темно-карие глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь не обычного типа. Большинство портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его внешности...»

А известный скульптор Наум Аронсон, встретив однажды Ленина в Париже, ничего не зная о нем, попросил разрешения вылепить хотя бы медаль, заявляя, что «такой красоты черепа, в особенности лба, он не видел нигде, кроме как на лучших бюстах Сократа».

Интереснейшие зарисовки оставил А. В. Луначарский: «Особенно прекрасным было его лицо, когда он был серьезен, несколько взволнован, пожалуй, чуточку рассержен. Вот тогда под его крутым лбом глаза начинали сверкать необыкновенным умом, напряженной мыслью. А что может быть прекраснее глаз, говорящих об интенсивной работе мысли! И вместе с тем все лицо его приобретало характер необыкновенной мощи».

Однажды в беседе с молодым большевиком И. Ф. Поповым, ставшим позднее писателем и драматургом, Ленин, говоря о Плеханове, употребил выражение «Физическая сила ума». «Что это такое, Владимир Ильич, физическая сила ума? — спросил Попов. — Я не пойму». Ленин ответил: «А вот вы можете ведь сразу увидеть и отличить в человеке физическую силу. Войдет человек, посмотрите на него и видите: сильный физически. Так и у Плеханова ум. Вы только взглянете на него и видите, что сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила». Именно такое впечатление на окружающих производил всегда и сам Ленин.

Характеристики внешности Владимира Ильича, описания его портрета, оставленные современника-

ми, порой сложны, а иногда и противоречивы. Но еще более сложна другая проблема. «Когда временами в истории человечества,— писал Г. М. Кржижановский,— появляются люди, освещающие другим дорогу жизни, как огненные столпы, и когда мы называем таких людей гениальными, мы нередко оказываемся беспомощными в попытках объяснить гениальность этих людей... Приходится, повидимому, признать, что общее определение гениальности — неправильно поставленная задача, что она разрешима только в приложении к вполне определенному случаю, причем по отношению к разным лицам мы будем находить совершенно разные решения.

Если поставить задачу таким образом, то придется признать особую трудность выявления во весь рост такой громадной фигуры, какой был Владимир Ильич. Но я и не беру на себя ее решение, а ограничиваюсь лишь подбором некоторого материала.

Этому совету мы и последуем.

ЛЕНИН И ЭПОХА

Те, кто видел, как работают художники, вероятно, обратили внимание на такую деталь: художник может часами сидеть у своего полотна, нанося штрихи и детали будущей картины. Но потом, в какой-то момент, он обязательно отойдет в сторону, чтобы увидеть всю работу в целом. Такое изменение перспективы бывает полезным и в тех случаях, когда мы хотим дать оценку деятельности той или иной исторической личности.

Уже более десятка лет ЮНЕСКО Организации Объединенных Наций ежегодно проводит исследование, которое ставит своей целью выяснить, какие именно авторы чаще других издаются и переводятся на языки народов мира. И каждый год, когда завершается это исследование, выясняется, что первое место в мире по тиражам, переводам, по количеству изданий занимают произведения Владимира Ильича Ленина. Они распространяются во всем мире в большем количестве, чем какие-либо другие книги.

На второй план отошли и классики мировой литературы и наиболее популярные современные поэты и писатели. На второй план отошла даже библия, столетиями державшая эту монополию. Еще в сентябре 1958 года этот факт с грустью вынуждена была признать «Оксфордская конференция современных деятелей церкви».

Без малого две тысячи лет потребовались попам и священникам всего мира для того, чтобы распространить догмы христианства по земному шару. Этот путь был отмечен крестовыми походами, религиозными войнами, кострами инквизиции... Почти две тысячи лет!

На рубеже XX века, то есть в масштабах истории человечества совсем недавно, В. И. Ленин был известен десяткам, в лучшем случае лишь несколькими сотням его единомышленников и товарищей по борьбе. Но проходит двадцать, тридцать, пятьдесят, семьдесят лет, и сегодня его имя, его идеи известны миллионам и миллионам людей во всем мире.

Чем объяснить это столь стремительное и глубокое распространение и влияние ленинских идей на судьбы человечества? Только тем, что именно ленинские идеи, именно Ленин наиболее полно отразил основные тенденции и закономерности современной эпохи, наиболее полно выразил чаяния и надежды рабочего класса, трудового народа, отве-

тил на коренные вопросы, которые властно диктовались жизнью». (Из постановления ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».)

Ленин вышел на политическую арену на рубеже XX века. К концу XIX века, после того, как в ряде европейских стран закончились буржуазные революции, после того, как были подавлены первые выступления пролетариата, обывателям казалось, что, наконец, утихли социальные бури, что мир приобрел стабильность и устойчивость и что сложился, наконец, тот порядок вещей, который будет существовать на протяжении многих и многих веков.

Но вот начался XX век, когда все то, что казалось удивительно стабильным и устойчивым, выстроенным на века, стало разваливаться на куски. Эпоха «добротного» капитализма с многими порожденными ею догмами и представлениями агонизировала. Октябрь 1917 года потряс весь современный мир до основания. Рушились последние монархии. Рушилась строившаяся веками колониальная система. Началась эпоха величайших социальных битв и революций.

Обычно на таком сломе эпох появляются люди, которые стараются заглянуть в будущее и предсказать это будущее человечеству. Так было и в начале XX века. В романе английского писателя Честертона «Наполеон из пригорода» рассказывается, как «тяжело» жилось в начале XX века тем же обывателям, которым буквально некуда было деться от ужасных пророчеств, которые обрушивались на них со всех сторон.

Но опять проходит двадцать — тридцать — пятьдесят — семьдесят лет, и имена многих из тех, кто в начале XX века претендовал на то, чтобы предугадать будущее человечества, давно забыты. Вы найдете их разве только в Британской энциклопедии. Имя Ленина стало известно десяткам и сотням миллионов людей в самых различных частях земного шара.

В 1922 году, размышляя над итогами первых десятилетий XX века, Ленин отметил одну из наиболее характерных особенностей новой эпохи — необычайное ускорение развития исторического процесса. «Основная причина этого громадного ускорения,— писал он,— есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей... За эти двадцать лет началась и выросла в непобедимую силу революция в странах с населением до одного миллиарда и свыше...»

Пробужденные от темноты и забитости к сознательной политической жизни, от векового рабства к борьбе за свое освобождение миллионы людей в различных частях земного шара спрашивали: к чему мы идем, чего добиваться, во имя чего восставать? И перед их глазами вставало зарево русской революции, свет ленинских идей.

Учение Маркса позволило Ленину заглянуть в будущее гораздо дальше, увидеть суть происходящих процессов гораздо глубже, чем кому-либо другому из его современников. «Не как книжник подошел он к Марксу,— писала Н. К. Крупская.— Он подошел к Марксу как человек, ищущий ответа на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел эти ответы». Ленин выдвинул ясную программу революционного решения сложнейших социальных проблем, стоявших перед человечеством, создал пролетарскую партию нового типа, способную возглавить революцию, сплотившую вокруг своего знамени сначала тысячи, а затем миллионы. И никто в мире не смог про-

тивопоставить этому каких-либо других идей, требований, целей, столь же полно отвечающих чаяниям миллионов и объективному характеру самого движения.

«...В период прилива революционного вала имя Ленина было единственным ярким, неугасимым светом среди общей сумятицы и борьбы», — пишет один из основателей Итальянской компартии, Умберто Террачини. «Знал, что требуется и как этого добиться!» — говорил о Ленине лидер английских тред-юнионов Джек Таннер. «Ленин произвел в политической области более мощный переворот, чем тот, который был вызван в промышленности изобретением паровой машины», — заявляет француз Жак Садуль. «Что меня в особенности поражает в его учении, в его интеллекте и воле — это его умение отличать в огромной комедии человечества действительность от слова и фантома. Он дал современной мысли цель, привел на настоящий путь прежние попытки, действовавшие ощупью, дал чувство действительного творчества и позитивизма... Он показал, что отныне произойдет великая перемена в самом порядке вещей» — это писал Анри Барбюс.

Но, быть может, это характеристики, исходящие лишь от единомышленников или товарищей по борьбе? В 1920 году с Лениным беседовал Герберт Уэллс. Автор «Машины времени», человек, пытавшийся заглянуть в далекое будущее, не поверил в реальность того пути, по которому уже шла Россия. Ленин так и остался для него «кремлевским мечтателем». Но после встречи сдержанный англичанин записал: «Признаюсь, до тех пор мне не приходилось встречать столь оригинального мыслителя». Итак, «кремлевский мечтатель»?

Но вот совсем другая характеристика. Ромен Роллан пишет: «Я не разделял идей Ленина и русского большевизма и никогда не скрывал этого. Я слишком индивидуалист (и идеалист), чтобы примириться с марксистским кредо и его материалистическим фатализмом. Но именно поэтому я придаю величайшее значение великим личностям, именно поэтому я питаю к Ленину чувство крайнего восхищения». Так кто же? «Материалистический фаталист»?

Действительно, Ленин всегда решительно выступал против подмены научного анализа явлений общественной жизни идеализмом, индивидуализмом, морализующей критикой с точки зрения «внеисторической справедливости», против подмены объективно-действительного субъективно-желаемым, против тех, кто «просто-напросто отворачивается от действительности в ее особой, исторически определенной форме, подставляя на место анализа мелкобуржуазную мораль». Ленин, подобно Марксу, ничего не «сочинял». Он изучал и научно объяснял то, что постепенно делал зримым сам ход исторического процесса. «У Маркса, — писал Ленин, — нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется». Но означает ли это «материалистический фатализм»?

Вся многовековая история человечества была заполнена героической борьбой трудящихся против своих угнетателей. Эта борьба всегда порождала глубокие и мощные социальные, нравственные чувства. Но даже они, даже стремление к свободе, любовь к угнетенным, жажда справедливости, ненависть к эксплуататорам, способность к самопожерт-

вованию и к беззаветному служению «идеалу» не приводили к «желаемой цели».

Как правило, новый нравственный идеал отражал прежде всего возмущение существующим классовым господством. Но поскольку основные направления этого господства оставались неизменными и всегда порождали подавление личности, эксплуатацию, неравенство, нравственный идеал революционных классов ассоциировался с такими понятиями, как свобода, равенство, братство. И каждая из эпох в конечном счете вкладывала в эти понятия свое, порой диаметрально противоположное содержание.

Именно это несоответствие между нравственным идеалом и его реальным содержанием приводило к тому, что даже самые блистательные победы революций прошлого отнюдь не вели к торжеству «идеала». Развитие общества, новый общественный строй, пришедший на смену старому, зависели не от формы нравственного идеала, а от данных материальных условий. И если идеал не соответствовал этим условиям, то рано или поздно выяснялась его иллюзорность, наступало разочарование, вновь создавалось противоречие между нравственным идеалом и действительностью.

Марксизм впервые вывел общественную цель не из тех или иных комплексов желаний, а из глубоко научного познания объективных перспектив развития самого общества. Идеал, столетиями паривший над людьми и казавшийся чем-то желательным, но недостижимым, был спущен на землю. Мечта обрела реальную перспективу. И этот социально-экономический идеал нисколько не утратил своего нравственного величия даже по сравнению с самыми радужными мечтами. Потому что анализ законов общественного развития, данный Марксом, Энгельсом, Лениным, показал, что человечество движется к такому обществу, где будут царствовать подлинное равенство и справедливость, мир и счастье, в котором свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех.

Ленин верил в это будущее даже в самые тяжелые и трудные моменты борьбы. В этой вере Горький усматривал героизм, «нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости...»

Но, может быть, все-таки «кремлевский мечтатель»? Нет. Ленин обогатил общественную мысль новыми выводами, получившими блестящее подтверждение в общественной практике. Ленинские идеи оказали и продолжают оказывать глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития. Ленинизм стал марксизмом новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества.

Ленинская политика Коммунистической партии определила стратегию и тактику борьбы пролетариата. Победа Октябрьской революции, завершившей целую эпоху освободительных битв трудящихся масс, была торжеством марксистско-ленинской теории. Советская республика стала первой страной планирования социальных и экономических процессов. Впервые обществом стали править не слепые экономические силы, а разумная воля, опирающаяся на познание объективных законов развития этого общества. Октябрь явился прологом к индустриализации и коллективизации, к подлинной культурной революции и некапиталистическому пути развития ранее отсталых народов.

Именно ленинская политика и привела в конечном

счете к окончательной победе социализма в СССР. Целенаправленность исторического творчества выступила здесь настолько определенно, что впервые в человеческой истории стало возможным говорить о сознательном строительстве новой общественно-экономической формации. И если ранее нелепо было бы размышлять о «строительстве» феодализма или капитализма, то строительство социализма стало фактом. «Сегодня мы с полным основанием,— говорится в Обращении международного Совещания коммунистических и рабочих партий,—говорим об учении Ленина теми же словами, какими он сам охарактеризовал марксизм: это учение всесильно, потому что верно».

Ленинизм стал исторической реальностью. С ним «связаны самые выдающиеся революционные свершения двадцатого столетия — Великая Октябрьская социалистическая революция, ознаменовавшая начало новой эпохи в истории человечества, образование мировой системы социализма, грандиозные освободительные битвы и победы, одержанные рабочим классом, трудящимися над капитализмом. Имя Ленина стало символом пролетарских революций, социализма и прогресса, символом коммунистического преобразования мира». (Из постановления ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».)

ДИАПАЗОН И КЛАССОВАЯ ПОЗИЦИЯ МЫСЛИТЕЛЯ

Первое, что нас поражает, когда мы обращаемся к великому ленинскому идейному наследию,— это колоссальный диапазон В. И. Ленина как мыслителя. «В трудах Владимира Ильича получили дальнейшее обогащение и конкретизацию все составные части марксизма — философия, политическая экономия, научный коммунизм».

По существу, нет такой проблемы, которая была бы поставлена перед человечеством в XX веке — будь то проблема философского обобщения новейших естественнонаучных открытий или новых глубинных процессов, развертывающихся в мире капитала, определение социальной сути империализма, его места в истории или проблемы учения о социалистическом, новом государстве и революции, диктатуре пролетариата и демократии, о путях построения социалистического общества и стратегии и тактики мирового коммунистического и освободительного движения,— нет такой проблемы, которая не получила бы в ленинских работах того или иного развития, того или иного ответа.

Мы не будем раскрывать содержания этих идей, всего богатства ленинского теоретического наследия. Укажем лишь, что именно эти идеи стали надежным оружием Коммунистической партии и мирового революционного освободительного движения, дали ключ к пониманию и решению сложнейших практических задач, которые ставит эпоха на современном этапе своего развития. И характерно, что чем более творчески мы подходим к решению всех насущных вопросов, чем более творчески мы анализируем сложнейшие проблемы современности, тем больше мы испытываем острую органическую потребность обратиться к В. И. Ленину, к его идейному наследию.

Один знакомый химик спросил как-то: «Неужели за прошедшие пятьдесят — семьдесят лет после выхода тех или иных ленинских работ ничто в них не устарело? Помню, была у Ленина статья, в которой он писал о способе подземной газификации

угля. Но прошло время, и теперь уже стало очевидным, что этот способ эксплуатации угольных богатств не является самым эффективным».

«Хорошо,— говорю ему,— давай посмотрим эту статью»... Действительно, почти шестьдесят лет тому назад В. И. Ленин написал для газеты «Правда» статью «Одна из великих побед техники», в которой рассказывал рабочим об этом научном открытии. Но предметом анализа в этой статье было не выяснение степени эффективности того или иного способа использования угольных богатств, а нечто иное — размышления о социальных последствиях научных изобретений и открытий.

Сколько иллюзий породили современные ученые «технократы», пытающиеся доказать, что новое «индустриальное общество» с помощью электронно-вычислительных машин и новейших достижений науки и техники сможет решить все проблемы, стоящие ныне перед человечеством! Между тем на протяжении всей своей истории человечество в гораздо большей степени страдало не от несовершенства техники, а от несовершенства самого общества.

В своей статье В. И. Ленин четко формулирует мысль о том, что развитие и прогресс техники сами по себе не могут изменить общественные условия, в которых живут миллионы и миллионы людей, а главное, что «техника капитализма с каждым днем все более и более перерастает те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство». И когда мы внимательно прочитали статью, мы поняли, что она не только не устарела, но и приобрела еще большую актуальность в связи с теми социальными последствиями, которые сегодня принесла с собой научно-техническая революция.

Сегодня уже никто, даже противники коммунизма, не отрицает того неоспоримого факта, что Ленин является величайшим мыслителем нашей эпохи, мыслителем, обладавшим глубокими знаниями, огромной эрудицией и культурой. Но сказать только об этом — значит не сказать о главном. О том, что все свои знания, всю эрудицию и культуру он отдал одной цели — делу пролетарской революции, делу коммунизма.

В феврале 1903 года, после того как Ленин выступил с лекциями по аграрному вопросу в парижской Русской высшей школе общественных наук, известный ученый М. Ковалевский воскликнул: «Из него вышел бы великолепный профессор!» Конечно, Ленин вполне мог стать великолепным профессором и знаменитым адвокатом... Но он предпочел иной путь, путь, сопряженный с опасностями и лишениями, арестами и тюрьмами, сибирской ссылкой и эмиграцией,— путь борьбы за освобождение рабочего класса. «Это — великое дело,— писал Ленин,— и на такое дело не жалко и всю жизнь отдать».

И не случайно среди «рабочих кабинетов» этого величайшего мыслителя-революционера, в которых создавались его крупнейшие произведения, были не только гостеприимные и тихие залы Британского музея, библиотек Парижа, Берлина, Женевы, но и петербургская одиночка, и угол деревенской хаты в далекой сибирской глуши, и шалаш в Разливе...

Сколько революционеров сломала царская тюрьма с ее мрачными одиночками и карцерами, жестокими надзирателями, раз навсегда заведенным тупым распорядком жизни... Ломала не скудностью казенного пайка, не жесткостью арестантской койки. Ломала одиночеством и кажущейся безысходностью. Тюрьма становилась экзаменом для революционного романтизма, нередко разбивавшегося об эти сырые и холодные стены.

Избрав путь революционера, Ленин внутренне был подготовлен к неизбежности знакомства и с ссылкой и с тюрьмой... Когда в декабре 1887 года полицейский пристав вез в пролетке Владимира Ульянова, ему, «судившему по наружности молодого студента, которому было тогда всего семнадцать лет, показалось, что.. молодой человек попал в историю случайно, благодаря «дурным» влияниям товарищей. Пристав заговорил: «Ну что вы бунтуете, молодой человек, — ведь стена!» Ответ, однако, получился совершенно неожиданный: «Стена, да гнилая, — ткни и развалится!»

Первое знакомство с тюрьмой было недолгим. Второе — по обвинению в «противоправительственной пропаганде среди петербургских рабочих» — продолжалось 14 месяцев 1895—1897 годов. Об этих месяцах Ленин чаще всего вспоминал с юмором. Во время свидания он, смеясь, говорил сестре: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи, — меня взять не могут».

В 1898 году, когда в тюрьму попадает его младший брат, Дмитрий, Ленин пишет матери: «Во-1-х, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во 2-х занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере, по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался **каждый день** на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после того куда лучше. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) — 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал — и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошечко, диву дается, откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в пред-варилкинской церкви!»

Но не только этот опыт выносит Ленин из стен тюрьмы. Он и там продолжал борьбу за главное дело своей жизни. Отсюда шли его письма товарищам-революционерам, оставшимся на воле. Там он писал листовки и брошюры для рабочих. Там он создает свою интереснейшую статью «К характеристике экономического романтизма», работает над фундаментальным исследованием «Развитие капитализма в России», над проектом программы партии, в котором определяет основные задачи и цели классовой борьбы пролетариата России.

Но как совместить объективный, научный подход мыслителя, решающего проблемы, стоящие перед всем человечеством, со столь определенной классовой позицией? Может быть, вообще в современном обществе с его новыми социальными структурами она уже выглядит анахронизмом?

На все эти вопросы мы, безусловно, можем ответить отрицательно. И не только потому, что рабочий класс и сегодня является наиболее передовым классом общества. Не только потому, что многие явления и процессы, характерные для современности, Ленин наблюдал и прослеживал в их зародыше, определяя возможные направления и тенденции их роста. Существуют и другие причины, лежащие в самом существе марксистско-ленинского учения.

В отличие от оппортунистов, понимающих интересы пролетариата до крайности убого и узко, Ленин, как и Маркс, полагал, что революционность рабочего класса проявляется в том, что, освобождая себя, он освобождает других. На политической арене, отмечал Ленин, пролетариат выступает «не в качестве одного из отдельных классов буржуазного общества, не со «своими» только профессиональными лозун-

гами, а в качестве гегемона, поднимающего знамя революции за весь народ, от имени всего народа, для пробуждения и привлечения к борьбе всех классов, кому свобода нужна, кто способен добиваться ее».

Эта мысль лежала в основе ленинского учения о гегемонии пролетариата. Она определяла и его идеал революционного марксиста. Таким идеалом был для Ленина не чиновник тред-юниона, «а **народный трибун**, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, ...умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать **пред всеми** свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять **всем и каждому** всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата».

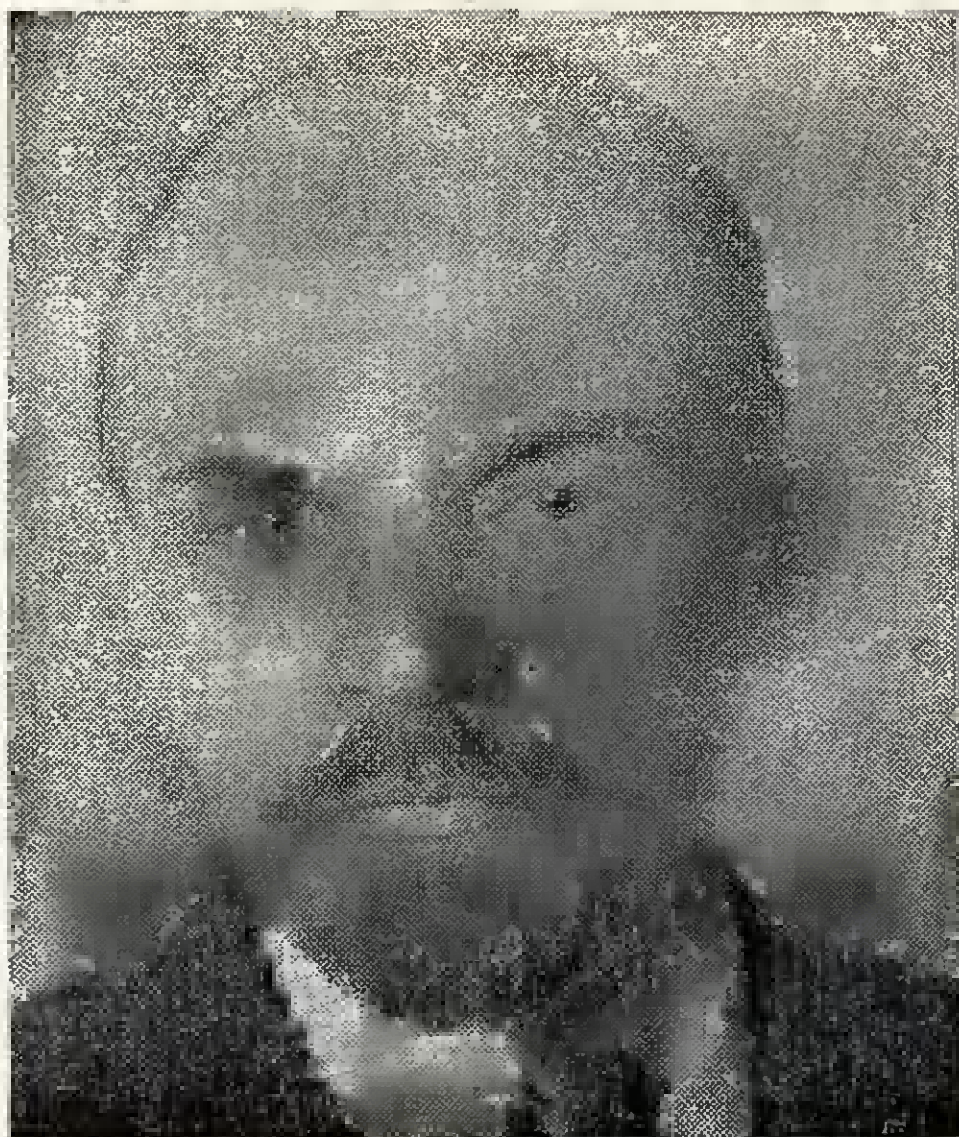
Ленин не раз подчеркивал, что пролетариат является классом, который не может ограничиваться лишь борьбой за интересы дня. Он видит свою задачу не только в том, чтобы захватить власть «для себя» и освободить только себя. Он не может освободиться, не защищая всех угнетенных, не положив конец всякому гнету, всякой эксплуатации. Именно поэтому он и выдвигает требования, которые лежат вне его непосредственных каждодневных классовых интересов, то есть является классом, которому свойственны идеальные побуждения, который стремится к социальному идеалу.

Марксизм-ленинизм является теоретическим выражением именно коренных интересов освободительной борьбы рабочего класса. Он раскрывает объективное содержание пролетарских требований и устанавливает, что по мере того, как рабочий класс осознает свои коренные интересы, цели его борьбы непосредственно совпадают с объективным направлением развития общества.

Именно поэтому непосредственные интересы классовой борьбы пролетариата марксисты и соотносили всегда с интересами всего общественного развития. Говоря о российском самодержавии, Ленин подчеркивал «необходимость ниспровержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития. Такое указание, — писал он, — необходимо и в теоретическом отношении, ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата...».

Но все-таки как совместить науку, единственной целью которой является поиск истины, с «служением» какой бы то ни было другой цели, а тем более непрерывно меняющимся интересам классовой борьбы? В свое время Маркс писал: «...человека, стремящегося **приспособить науку** к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя не ошиблась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована **чуждыми науке, внешними для нее интересами**, — такого человека я называю «**низким**»».

Между тем в общественных науках связь с идеологией и политикой определенных классов настолько велика, что если смешно было бы говорить о буржуазной и пролетарской физике или о буржуазной и пролетарской биологии, то вполне закономерно говорить о буржуазной политэкономии и философии, соответственно о буржуазной и пролетарской этике и т. д. Так, может быть, «они» правы по-своему, а «мы» — по-своему? Может быть, каждая из этих наук делает свои выводы, находит свои истины, соответствующие классовым интересам тех, кого они представляют и защищают?

Нет. Объект изучения у них один и тот же: человеческое общество. Законы его развития столь же объективны, как и законы природы. Поэтому при анализе тех или иных процессов и закономерностей общественные науки не могут добывать «свои собственные», одинаково объективные (причем взаимоисключающие) истины. Несмотря на наличие буржуазной и пролетарской философии или политэкономии, истории или этики, объективных истин по каждой конкретной проблеме не две или множество, а одна. И однажды добытые объективные, истинные выводы науки равноценны для всех. «Правда,— писал Ленин,— не должна зависеть от того, кому она должна служить».

Так в чем же дело? В том, что пролетариат как передовой класс заинтересован в получении от науки только истины. «Мировоззрение восходящих общественных классов,— пишет Маркс,— тем и отличается от политической спекуляции и ложного идеологизма, что оно обязывает к поиску истины». Значит, «служба» делу коммунизма не наносит ущерба науке, не ущемляет ее интересов. Мало того, теоретик и мыслитель может служить этому делу именно до тех пор, пока он не уклоняется от поиска истины.

Ленин не раз указывал, что если в науках естественных разница в точках зрения заключается прежде всего в их плодотворности, то в науках общественных плодотворность непосредственно связана с партийностью — с кем связала свои судьбы данная отрасль общественного знания, — с пролетариатом или буржуазией. Когда буржуазный ученый предлагает варианты решения тех или иных задач, поставленных современной эпохой, все его варианты исходят из одного «правила игры», лежащего уже за рамками науки, — решения на базе существующего капиталистического строя.

Между тем эффективный результат возможен лишь на базе ликвидации капитализма. И точка зрения пролетариата, указывал Ленин, плодотворна не потому, что она соответствует чьим-то интересам, желаниям или идеалам, а потому, что объективная перспектива общественного развития — социализм. Потому, что правильное научное понимание общественных процессов возможно лишь с социалистической точки зрения.

Именно поэтому принципиальная классовая позиция Ленина — теоретика и мыслителя, — последовательная борьба за дело коммунизма позволили ему наиболее объективно и наиболее полно увидеть глубинную суть процессов, происходящих в XX веке, выразить основные закономерности и тенденции развития современной эпохи.

О «ПРОСТЫХ» ИСТИНАХ

Ленин не был кабинетным мыслителем, творящим лишь для узкого круга «избранных». Еще в августе 1897 года он писал: «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих». XX век всколыхнул

На снимках: слева, сверху В. И. Ленин в дни пятидесятилетия. 23 апреля 1920 г.; в середине — в рабочем кабинете. Кремль. 4 октября 1922 г.; внизу — 25 апреля 1921 г. Снимок сделан после записи речей Владимира Ильича на грампластинки; на правой странице, сверху — на параде войск Всевобуча, 5 мая 1920 г.; в середине — на III конгрессе Коминтерна (1921 г.); внизу — на Красной площади, 1 мая 1919 г.

многомиллионные массы, и надо было дать им те позитивные идеи, которые могли сплотить их, указать цель. Десятки, сотни статей и выступлений Ленина были обращены к читателям и слушателям, осваивавшим лишь азбуку общественных наук, только недавно вступившим или вступающим на путь сознательной революционной борьбы. И надо было уметь донести до них эту азбуку.

Этим искусством Ленин владел в совершенстве. 2 марта 1913 года «Правда» опубликовала его статью «Крупное помещичье и мелкое крестьянское землевладение в России». Тема ее ясна из заголовка. Но как охарактеризовать в небольшой газетной статье эту основу основ аграрных отношений в деревне, как сделать статью доступной для каждого рабочего и крестьянина?

Ленин рисует большой белый четырехугольник. Это — имение крупного помещика. Вокруг четырехугольника он рисует маленькие квадратики — это мелкие крестьянские участки. Всего квадратиков 324, а площадь четырехугольника равна 320 квадратам. Вот то соотношение, которое существует между площадями помещичьего и крестьянского землевладения в Европейской России. И Ленин пишет: «В среднем приходится, значит, на одного крупнейшего помещика около 330 беднейших крестьянских семей, причем у каждой крестьянской семьи земли около 7 (семи) десятин, а у каждого крупнейшего помещика — около 2300 (двух тысяч трехсот) десятин». И все. В статье всего лишь два десятка строк, но экономическая и политическая сущность аграрного вопроса изложена. К этому Ленин привел своего читателя с максимумом наглядности и убедительности.

Но что стояло за ленинскими «квадратиками»? На протяжении ряда лет, работая над «Развитием капитализма в России», «Аграрной программой социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» и другими исследованиями, Ленин из сотен и сотен книг, статей, статистических сборников и обзоров, содержащих богатейший фактический материал, отбирает работы наиболее полные, наиболее объективные и добросовестные. Данные, имеющиеся в этих работах, он еще и еще раз скрупулезно проверяет, уточняет, классифицирует и перегруппировывает, освобождая саму статистику от предвзятых схем и заданных выводов, и, наконец, заново пересчитывает. Лишь после этого приступает он к анализу, который и дает наиболее полную картину действительного положения в России и общественно-экономических отношений в русской деревне со всеми и политическими и философскими аспектами затронутых проблем.

Вот что стояло за маленькой ленинской статьей! Ленин не раскрывал в статье свою научную лабораторию, весь исследованный им гигантский материал, который и определил параметры квадратов. Он дал минимум представлений и выводов. Но этот минимум представлений опирался на максимум знаний.

Давайте перелистаем ленинские труды, определившие стратегию и тактику нашей партии, исторические судьбы марксизма. Эти фундаментальные произведения сделали бы честь любому прославленному мыслителю человечества. Теоретические ленинские работы были рассчитаны на подготовленного читателя не в смысле наличия у него определенного образовательного ценза, но на читателя, знающего, интересующегося, изучающего эти проблемы. Для такого читателя и размышления Ленина о соллипсизме Маха и Авенариуса, и выводы по теории дифференциальной ренты, и анализ тенденций развития государственно-монополистического

капитализма или исторических уроков Парижской коммуны, — все звучало удивительно точно, глубоко обоснованно и потому просто. И только изучение всей суммы ленинских произведений может создать ясное представление о глубине Ленина — мыслителя и теоретика.

Авторитет Ленина среди миллионов и миллионов людей сегодня настолько велик, что его именем иногда пытаются прикрыться те, кто не имеет и не должен иметь никакого отношения ни к Ленину, ни к ленинизму. Сегодня ссылки на Ленина мы находим и в цитатниках маоистов, и в выступлениях Маркузе, и в статьях откровенных оппортунистов и антикоммунистов, призывающих пересмотреть «обветшавшие догмы марксизма». Из всего гигантского наследия В. И. Ленина они пытаются вырвать какие-то фразы или цитаты для того, чтобы использовать их в своих спекулятивных целях.

Один из фельетонистов как-то хорошо написал о таких людях: «Это они для подтверждения своих ничтожных взглядов призывают на помощь классиков и заставляют их поддерживать то, что им даже в голову не приходило. Этим людям нужны не книги, им нужны цитаты. Они выколупливают кирпичи из великих строений духа и швыряют их на головы своим оппонентам».

Ленинские работы основывались на диалектическом единстве факторов — исторического, который нельзя отнести к другому времени, не исказив его смысл, и фактора истинного в применении к любому времени. Выдергивание же цитат без вдумчивого анализа этих особенностей ленинского диалектического мышления может привести к самым печальным результатам.

В попытках цепляться за «старые слова» Ленин видел лишь проявление тупого догматизма. Когда реакция, наступившая после поражения революции 1905—1907 годов, стала вновь сменяться революционным подъемом, Ленин сразу же указал на необходимость приспособления форм партийного «подполья» к новым условиям борьбы. В ответ на возражения он писал: «Комики! Гонятся за словом, не вдумываясь, как дьявольски сложна и хитра жизнь, дающая совсем новые формы, лишь частью «уцепленные» нами».

Люди большей частью (99% из буржуазии, 98% из ликвидаторов, около 60—70% из большевиков) не умеют думать, а только заучивают СЛОВА. Заучили слово: «подполье». Твердо. Повторить могут. Наизусть знают.

А как надо изменить его формы в новой обстановке, как для этого ЗАНОВО учиться и думать надо, этого мы не понимаем».

В свое время В. Либкнехт сформулировал один из законов политической борьбы: «Если обстоятельства меняются в двадцать четыре часа, то и тактика меняется в двадцать четыре часа». Политическая деятельность В. И. Ленина проходила именно в такую эпоху, когда реальная обстановка и расстановка сил на политической арене изменялись непрерывно, когда эти изменения и сама логика борьбы превращали те или иные идеи и лозунги, те или иные формы и методы работы, абсолютно правильные вчера, в свою полную противоположность сегодня. И Ленин — величайший мастер революционной стратегии и тактики — всегда точно реагировал на эти объективные изменения, уточнял или пересматривал вчерашние идеи и лозунги.

Пример, связанный с отношением В. И. Ленина к выдвинутому им самим лозунгу «Вся власть Советам!», достаточно известен. В 1917 году на определенном этапе борьбы, когда после свержения са-

модержавия в стране установилось двоевластие, этот лозунг означал мирный путь развития революции. На другом этапе, когда после июльских событий двоевластие окончилось, меньшевистско-эсеровские лидеры превратили Советы в фиговый листок контрреволюции. Ленин тогда, естественно, требовал временно снять этот лозунг. На третьем этапе, когда в ходе борьбы с корниловщиной Советы проявили себя как подлинно революционные органы, лозунг «Вся власть Советам!» был вновь восстановлен. Но в новых условиях он становился уже лозунгом победоносного вооруженного восстания. И все это на протяжении лишь семи месяцев одного года!

Другой пример. В условиях гражданской войны и военного коммунизма, при государственной монополии на хлебную торговлю, стремление крестьян к свободе торгового оборота Ленин расценивал как противоречащее борьбе за социализм. Ибо без концентрации всех продовольственных ресурсов страны и жесткого централизованного распределения их победа была невозможна. А позднее, когда война окончилась, при переходе к нэпу, Ленин доказывал, что свобода местного торгового оборота не только не противоречит, а, наоборот, способствует социалистическому строительству.

В десятках работ, написанных до 1917 года, Ленин иронизировал над утопическими мечтаниями и реакционными идеями теоретиков «кооперативного социализма», полагавших, что социализм можно построить без диктатуры пролетариата с помощью одной лишь кооперации. После победы Советской власти в своей статье «О кооперации» Ленин призывал коммунистов изучать «старых кооператоров» и опыт кооперативного движения, указывал на «совершенно исключительное значение» кооперации в решении задач, стоявших перед победившей диктатурой пролетариата, называл в определенном смысле социализм — строем «цивилизованных кооператоров».

Всегда важно понять ход ленинской мысли, условия, в которой она формируется, саму логику его мышления. Ибо ссылка на Ленина не освобождает от необходимости мыслить самому. Она должна помочь мыслить самостоятельно, искать и находить правильные решения «по методу» Ильича.

Очень это трудная задача в сложной и противоречивой современной обстановке сохранять чистоту ленинского учения. Еще труднее развивать дальше идеи ленинизма. И только мудрость нашей партии, которую В. И. Ленин по праву назвал «умом, честью и совестью нашей эпохи», только коллективный опыт мирового коммунистического и освободительного движения позволяют решать эту задачу.

Некогда апостолы христианства полагали, что темной и неразвитой массе рабов вполне достаточно дать несколько элементарных идей, что вообще любые проблемы, стоящие перед человечеством, можно решить с помощью простых истин и заповедей. Но христианское «не убий» или «не укради» оказалось слабой преградой для тех, кто столетиями и тысячелетиями грабил и убивал людей. Сегодня маоисты хотят решить все проблемы, стоящие перед человечеством XX века, с помощью тощей книжечки цитат «великого кормчего». Мы не будем говорить об идейном и духовном убожестве этих прописей. Попробуем поставить этот вопрос по-иному.

Существует ли вообще «простая» правда? «Дважды два — четыре» — становится простым лишь после ликвидации неграмотности... Ленин иронизировал над любителями прописных истин. «Мало убеждения

в том,— писал он,— что лошади кушают овес, для выбора подходящей лошади и умения на ней ездить».

Когда-то для таких наук, как физика, математика, было установлено понятие «точных наук», хотя уже Энгельс отмечал известную его относительность. Но это никогда не означало, что науки общественные имеют право быть неточными. Ленин не раз указывал, что именно в этих науках, где социальные отношения, «судьбы людские» являются самым предметом науки, упрощение, однозначность решения всегда рискуют обернуться примитивизацией и вульгаризацией.

В. И. Ленин всегда выступал против попыток отделить научную постановку и трактовку тех или иных политических и социальных проблем, предполагающую их сложность и противоречивость, от предназначенной для «массы», допускающей якобы освещение тех же проблем в «облегченном» виде. В 1922 году он сформулировал эту мысль так: популярная литература должна учить массы не «полунауче», а всей науке. Статьи для рабочих или крестьян и программные теоретические труды были для Ленина разными классами одной школы.

С большой школой «низшей, средней и высшей в одно и то же время» сравнивал нашу партию Ленин. Одна из важнейших задач этой школы — преподавание азбуки, которая должна дать не только начатки знаний, но и начатки самостоятельного мышления. Преподавание азбуки неграмотным — благодарное дело. Его результаты прочны и глубоки, ибо оно поднимает огромную массу людей от «нуля» (внеисторического, полуживотного состояния) до реально измеримых величин (до понимания необходимости изменения своего состояния и борьбы за определенные цели и идеалы).

Но и после этого ступень высших знаний остается доступной лишь во много раз меньшему кругу лиц. Отвергать на этом основании важность и нужность высших знаний, их узкие (по кругу лиц) и в известном смысле «сомнительные» (по сложности, противоречивости, непрерывному изменению) результаты, противопоставлять их широте и бесспорности азбуки было бы, как писал Ленин, «близорукостью невероятной». Это содействовало бы «полному извращению всего смысла большой школы, ибо игнорирование вопросов высшего знания лишь облегчило бы шарлатанам, демагогам и реакционерам сбить с толку прошедших одну только азбуку людей».

XX век пробудил к политической жизни и вывел на историческую арену миллионы и миллионы людей. Но это не означает, что они «естественно», сами по себе становятся под знамя социализма, знамя борьбы за передовые идеи эпохи. Среди этих миллионов пролетариат отнюдь не составляет большинства, а мелкобуржуазная масса может стать союзником не только коммунистического движения. После Октября идеи социализма приобрели колоссальное влияние среди угнетенных всего мира. Выступать против этих идей открыто становится необычайно сложным, так же как становится все более невозможным строить «большую политику» без масс, без учета их настроений. И антиподы коммунизма прибегают к мимикрии. Они охотно кричат и о «р-р-революции», и об «интересах народа», используют в своих целях и псевдоантиимпериалистическую и псевдосоциалистическую фразеологию, паразитируя на массовых движениях.

Призывая коммунистов упорно учиться самим и энергичнее работать над просвещением масс в духе коммунистических идей, Ленин предостерегал их от каких бы то ни было «прекраснодушных»

иллюзий. В 1922 году, после беседы с итальянскими товарищами, рассказавшими ему о своих первых схватках с фашистами, но не придавших еще должного значения самому факту появления фашизма, Ленин на конгрессе Коминтерна говорил, что именно фашизм должен убедить итальянцев в том, что «они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни».

С помощью демагогии, пробуждая фанатизм и низменные инстинкты, опираясь на темноту и политическую неразвитость масс, реакция не раз делала их своим слепым орудием, превращала массы в послушную толпу. И если они выходили на политическую арену в таком качестве, под таким знаменем, делу социализма, делу прогресса и цивилизации наносился неизмеримый ущерб. В таких случаях философы нередко вообще объявляли массу принципиальным «личным противником прогресса».

Проблема идейной, социальной ориентации многомиллионного освободительного движения народов становится проблемой, от которой во многом будут зависеть исторические судьбы человечества. Союз рабочего класса, крестьянства, всех трудящихся и угнетенных народов, всех антиимпериалистических сил в борьбе за мир, демократию, социализм и прогресс — к этому зовут ленинские идеи. Союз «желтых» и «черных» против «белых», «всемирная деревня» против «мирового города» — к этому зовут маоисты. И те, кто сегодня пытается сориентировать движение угнетенных народов именно по этому второму пути, совершают преступление против коммунизма, против цивилизации, против всего человечества.

Величайшая заслуга коммунистов и их вождя Ленина перед человечеством заключается в том, что всей своей деятельностью они не только способствовали и способствуют пробуждению масс, но и все свои силы, всю энергию отдают их просвещению и организации. Помогают осознать свои действительные интересы. Поднимают до уровня сознательных борцов за интересы всего народа, всего человечества. То есть превращают их из «страдающего» объекта в субъекта истории, в силу, способную сознательно влиять на ее ход. И чем успешнее идет этот процесс, тем шире и глубже распространяются повсюду ленинские идеи. Именно эти глубочайшие социальные сдвиги, проходящие во всем мире, сделали и делают сегодня имя Ленина, ленинизм достоянием миллионов.

ДИАПАЗОН ЛИЧНОСТИ

В начале XX века, наблюдая суетность и мелкое тщеславие профессиональных буржуазных «политиков», многие вполне соглашались с Карлейлем, считавшим Наполеона последним великим «государственным деятелем» на земле.

Русская революция внесла в эти представления свои поправки. Она выдвинула могучую плеяду гигантов, которыми могла бы гордиться история любой страны и любого народа. Американский полковник Робинс, которого трудно заподозрить в предвзятости, писал: «...Совет Народных Комиссаров, если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире». И Ленин в глазах всего мира был признанным руководителем этого правительства.

Для многих выдающихся деятелей той эпохи его личность была неразрывно связана с революцией, с тем местом, которое он в ней занял. Но все они великолепно понимали, что он занял это место только потому, что был личностью гениальной. «Подобного положения нельзя достигнуть, не обладая из ряда вон выходящими умственными и нравственными достоинствами», — писал итальянский коммунист профессор Антонио Грациадеи.

В июле 1920 года делегаты II конгресса Коминтерна решили записать в особую книгу то, что они думают о Ленине. Почему записать? Да потому, что высказать все это самому Ленину практически было невозможно. Всего за несколько месяцев до этого, в дни 50-летия Ильича, такой опыт уже был проделан. Окончился он весьма плачевно. С «юбилейного» заседания IX съезда партии Ленин ушел, а на «торжественную часть» вечера, организованного, несмотря на его возражения МК, «опоздал». А когда явился, то в своем выступлении высмеял весь обычай «подобных юбилейных празднеств». Об этом случае все были хорошо осведомлены.

И вот — красная книга «Делегаты Конгресса о товарище Ленине»: «Великий дух Маркса снова ожил в Ленине» (Т. Квелч. Англия). «Самый благородный представитель человечества» (делегат Индии). «Вы счастливый человек...» (Д. И. Вайнкоп. Голландия). «В его имени заключается протест, борьба, освобождение» (Д. Ж. Серрати. Италия). «Смелый потому, что справедливый» (Маринг. Ява). «Как говорят шотландцы: «Пусть долго дымится труба его дома» (В. Маклейн. Англия). Пересказывать эту книгу нет смысла. Это документ огромной силы, который надо читать (Письма В. И. Ленину из-за рубежа. М., 1967, изд-во «Мысль»).

Все эти отзывы пишут не политические юнцы, восторженно вззирающие на своего вождя. За спиной делегатов конгресса большая жизнь, огромный политический опыт. Они даже немного стесняются своих эмоций. «Я, — пишет Маклейн, — не приверженец культа героев. Социалистическое движение так грандиозно, что в сравнении с ним даже его величайшие вожди кажутся пигмеями. Однако, несмотря на все это...» «Мы, — пишет Серрати, — не поклонники фетишей, и с нашей, коммунистической точки зрения, отдельные личности в исторических событиях играют роль путеводных вех, но...» В чем же дело? В том, что пишут они о том, что являлось для них принципиально важным объективным фактом. «На Вашем примере, товарищ, — пишет чешский делегат М. Ванек, — видно, что пролетарская революция требует не только объективных условий в общественном строе, но и творческих носителей идей, личностей, в равной мере проницательных и гениальных духом...».

Но, может быть, и эти восторженные оценки личности Ленина исходят лишь от его единомышленников? Нет, многие современники Ленина воспринимали его не только как глубочайшего мыслителя, но и как величайшую личность века. Они могли не разделять всех его идей, они пытались по-своему бороться за идеалы мира, демократии, просвещения народов, но и им было ясно, что для достижения этих идеалов Ленин, коммунисты сделали гораздо больше, чем любые другие государственные деятели и политические партии, которых знала история.

Ромен Роллан писал: «Я не знаю другой, столь же могучей личности в Европе нашего века... Никогда еще человечество не создавало властителя дум и людей столь абсолютно бескорыстного». О встрече Герберта Уэллса с Лениным мы уже упоминали: «кремлевский мечтатель»! Но прошли еще годы, и

Уэллс записал: «Я далеко не сторонник теории об исключительной роли «великих людей» в жизни человечества, но уж если говорить о великих представителях нашего рода, то я должен признать, что во всяком случае Ленин был действительно великий человек».

Американский епископ Броун, говоря о «глубоком восхищении», которое испытывают по отношению к Ленину «миллионы людей, не интересующихся социалистическим движением», выражается еще более категорично: «Я считаю, что он был самым великим из всех людей, которые когда-либо жили». Бернард Шоу, для которого политические деятели всегда были лишь объектом насмешек, в 1921 году дарит В. И. Ленину свою книгу, как «единственному европейскому правителю, который обладает талантом, характером и знаниями, соответствующими его ответственному положению». Ту же мысль коротко формулирует и Джон Рид: «Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту...»

Как-то в одном из писем А. М. Горький писал, что человеческий характер проявляется в отношении людей «к внешним, мелким фактам их бытия. Человек ловится на мелочах, в крупном — можно «притвориться», мелочь — всегда выдаст истинную «суть души», ее рисунок, ее тяготения».

Вряд ли можно согласиться с Горьким целиком, потому что главным в оценке человека все-таки остается дело. И для современников и для истории всегда важно было именно социальное поведение личности. Но прислушаться к совету Горького надо. Может быть, поэтому имеет смысл начать разговор о Ленине-человеке с характеристик, которые для политического деятеля на первый взгляд могут показаться мелкими и второстепенными.

Что еще может характеризовать человека? Может быть, музыкальные вкусы. О том, что Ленин любил классическую музыку и глубоко понимал ее, о том, что он, в частности, очень любил Бетховена, достаточно широко известно. Н. К. Крупская пишет: «Очень любил слушать музыку. Но страшно уставал при этом. Слушал серьезно. Очень любил Вагнера. Как правило уходил после первого действия, как больной... Музыкален. Музыкальная память хорошая. Запоминал хорошо, но не то чтобы очень быстро. Больше всего любил скрипку. Любил пианино... Оперу любил больше балета». Казалось бы, вопрос о музыкальных вкусах можно считать исчерпанным... Но рядом с этим мы видим и нечто другое.

Многие из тех, кто встречался с Владимиром Ильичем в домашнем кругу, пишут о том, как любил он революционную русскую народную песню. С каким удовольствием пел. Он обладал удивительной способностью петь, как бы растворяясь в поющей массе импровизированного хора. Голос у него был громкий, но не крикливый, грудной, баритон. Любил такие песни, как «Замучен тяжелой неволей», «Варшавянка», «Вставай, поднимайся, рабочий народ». Любил петь романсы и арии — «Нас венчали не в церкви», «Я вас люблю, люблю безмерно»... Казалось бы, что на этом и можно закончить разговор о музыкальных вкусах. Но рядом с этим мы видим и нечто третье...

Надежда Константиновна Крупская рассказывает, как, будучи в Париже в 1910—1912 годах, они охотно ходили в рабочие кафе или пригородные театры, где выступали революционные шансонье. «Особенно, — пишет Крупская, — нравился Ленину Монтегюс... Сын коммунара, Монтегюс был любимцем рабочих окраин. Правда, в его импровизированных песнях — всегда с ярко бытовой окраской не бы-

ло определенной какой-то идеологии, но было много искреннего увлечения. Ленин часто напевал его «...Привет 17-му полку», отказавшемуся стрелять в стачечников. Однажды на русской вечеринке Ильич разговорился с Монтегюсом. И, странно, эти столь разные люди... размечтались о мировой революции. Так бывает иногда,— пишет Крупская,— встретятся в вагоне малознакомые люди и под стук колес вагона разговаривают о самом заветном, о том, чего бы не сказали никогда в другое время. Потом разойдутся и никогда в жизни больше не встретятся. Так и тут было. К тому же разговор шел на французском языке,— на чужом языке мечтать вслух легче, чем на родном».

Итак, мы взяли, казалось бы, совершенно третьестепенную для политического деятеля область — музыкальные вкусы. Но даже в них мы видим у Ленина отражение того, что называют диапазоном личности. От старинного романса и классики XIX века до ритмов и звучаний XX.

Попробуем взять характеристики, связанные с областью человеческих эмоций... Когда Крупскую спросили, какое состояние было наиболее характерным для Владимира Ильича, она ответила: «Обычное, преобладающее настроение — напряженная сосредоточенность». Крупская рассказывает: «На прогулке, бывало, идет молча, сосредоточенно. Тогда я тоже не говорю, даю ему уйти в себя... После споров, дискуссий, когда возвращались домой, был часто сумрачен, молчалив, расстроен».

Казалось бы, характеристика совершенно ясна. Но... не будем торопиться, потому что тут же, после «напряженной сосредоточенности», Крупская пишет: «Веселый и шутливый... Улыбался очень часто. Очень любил улыбаться. Улыбка хорошая, ехидной и «вежливой» она не была». Николай Семашко, старый большевик, рассказывает, что, когда собирались товарищи, Владимир Ильич был центром всеобщего веселья. «Его юмор,— пишет он,— и жизнерадостность, клоочущая энергия проявлялись и здесь. Вокруг него буквально стон стоял от смеха».

О ленинском смехе Горький писал: «Никогда я не встречал человека, который бы умел так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно иметь, чтобы так смеяться».

В декабре 1903 года, после II съезда партии, борьба Ленина с меньшевиками достигла особой остроты. В эти дни Ленин работал днями и ночами. Он похудел, осунулся. Мучали головные боли, бессонница... Целыми днями напряженно работали и другие большевики, жившие в Женеве,— сидели над документами, писали статьи и письма, готовили доклады. А на женевских улицах именно в эти дни сверкал и шумел ежегодный декабрьский карнавал.

«Не до веселья было нам,— пишет В. Д. Бонч-Бруевич.— На улицу даже не тянуло. Вдруг звонок. Входит Владимир Ильич, оживившийся, веселый. «Что это мы все сидим над книгами, угрюмые, серьезные? Смотрите, какое веселье на улицах!.. Идемте гулять!.. Все важные вопросы отложим до завтра...» Шумной толпой вышли на улицу. Погода стояла прекрасная. А улица танцевала и пела. Пела веселые, бодрые песни».

«Вдруг Владимир Ильич быстро, энергично схватил нас за руки, мгновенно образовал круг около

нескольких девушек, одетых в маски, и мы запели, закружились, заплясали вокруг них. Те ответили песней и тоже стали танцевать. Круг наш увеличился, и в общем веселье мы неслись по улице гирляндой, окружая то одних, то других, увлекая всех на своем пути... Надо было видеть с какой неподдельной радостью, с каким огромным увлечением и заражавшим всех подъемом веселился Владимир Ильич...»

Как-то в разговоре с Лениным Г. М. Кржижановский привел слова знаменитого немецкого хирурга Теодора Бильрота: «Здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности». Ленин сразу же ответил: «Вот именно так. Если здоровый человек хочет есть, так уже хочет по-настоящему. Хочет спать, так уж так, что не станет разбирать, придется ему спать на мягкой кровати или нет... И если возненавидит, так уж тоже по-настоящему».

Весной 1904 года В. И. Ленин, живший тогда в Женеве, вместе с Н. К. Крупской и Марией Эссен пошли на прогулку в горы. Это был период ожесточенной борьбы с меньшевиками, но, отправляясь на прогулку, все договорились о меньшевиках не говорить, чтобы «не портить пейзажа». Решили подняться на одну из снежных вершин. «Наконец,— рассказывает Эссен,— добрались. Ландшафт беспредельный, неопишущая игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко синееет снег; несколько ниже — растения севера, а дальше — сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль, уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А здорово гадят меньшевики!..»

Казалось бы, можно делать определенный вывод: Ленин был человеком целеустремленным. Всю свою жизнь он отдал делу партии, борьбе рабочего класса, и поэтому всякие «эмоции» и красоты природы его совершенно не волновали...

Можно найти еще факты, которые, казалось бы, подтверждали этот вывод. Последний раз Ленин был в театре 29 октября 1922 года. Он смотрел пьесу Диккенса «Сверчок на печи». «Уже после первого действия,— рассказывает Крупская,— Ильич заскучал, стала бить по нервам мещанская сентиментальность Диккенса, а когда начался разговор старого игрушечника с его слепой дочерью, не выдержал Ильич, ушел в середине действия».

Казалось бы, что уж теперь у нас достаточно оснований... Но не будем опять торопиться. Вот воспоминания Мартына Лядова. Он говорит о том, что противники Ленина часто пытались изобразить его человеком «без сердца»... «А между тем, я помню Ильича на спектакле Сары Бернар в Женеве: мы сидели рядом в ложе, и я был очень удивлен, увидев вдруг, что Ильич украдкой утирает слезы... Кто хоть раз наблюдал Ленина, играющего с детьми, тот, конечно, никогда уж не поверит в бессердечие, в жестокость его. Немногим, только очень добрым людям удавалось так быстро завоевывать симпатии детей, заставляя даже детей забывать, что они имеют дело с большим серьезным человеком».

Посмотрим воспоминания Яна Берзина, который зимой 1906 года часто встречался с Лениным в Куоккале. «Перед сном он устраивал себе перерыв,— рассказывает Берзин,— и часто, а может быть и ежедневно, уходил гулять... Бредом медленно, обмениваемся редкими словами... О чем — неизвестно. Обо всем, о всяких пустяках, только не о политике... Из далекого тумана прошлого смутно всплывают некоторые темы этих разговоров — те-

мы, казавшиеся необычными для Ильича, темы интимные: о лесной тишине, о луне, о поэзии, о любви...

Впрочем, не обязательно обращаться к воспоминаниям. Все, кто читал переписку Ленина с родными, с товарищами по партии, с друзьями, прекрасно знают, что он великолепно разбирался в самых тончайших движениях человеческой души, обладал удивительным тактом...

В 1902 году, работая в редакции «Искры» в Лондоне, Ленин частенько заходил в коммуны, которую устроили русские эмигранты-социалисты. Впоследствии, рассказывая о ней С. И. Гусеву, Ленин говорил: «Нельзя жить в доме, где все окна и двери никогда не запираются, постоянно открыты на улицу и всякий проходящий считает нужным посмотреть, что вы делаете. Я бы с ума сошел, если бы пришлось жить в коммуне, вроде той, что в 1902 году Мартов, Засулич и Алексеев организовали в Лондоне. Это больше чем дом с открытыми окнами, это проходной двор. Чернышевский правильно заметил: у каждого есть уголок жизни, куда никто никогда не должен залезать и каждый должен иметь «особую комнату» только для себя одного».

«Владимир Ильич,— пишет Крупская,— ничего так не презирал, как всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь... историй, возникающих обычно на почве пересудов, сплетен, чтения в чужих сердцах, праздного любопытства... Его потом обвиняли в отсутствии чуткости... Мне кажется, что требование не заезжать в чужую душу усердными руками было проявлением настоящей чуткости».

Что же касается природы, то ее он очень любил. «Ужасно любил природу,— пишет Крупская.— Любил горы, лес и закаты солнца. Очень ценил и любил сочетание красок... Любил в комнате полевые цветы и зелень. Очень любил весенние запахи. Садовых цветов, и особенно с сильным запахом, избегал...» Мария Эссен, рассказывая о той же прогулке в горы, приводит такой эпизод: «Мы наткнулись на целое поле цветов. Владимир Ильич стал энергично собирать цветы для Надежды Константиновны. «Надюша любит цветы»,— сказал он и с юношеской ловкостью и быстротой моментально собрал целую охапку цветов».

Но так ли существенны для политика и теоретика все эти сугубо личные характеристики, так ли важны все эти мелочи и детали, штрихи и наблюдения? Что ж, на этот вопрос пусть ответит сам Ленин. Для него понятие «нехороший человек» было весьма существенным в характеристике политического деятеля. В 1900 году, рассказывая о своих взаимоотношениях с Плехановым, Владимир Ильич писал о том, как они были «влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это — мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот нам самим пришлось наглядно убедиться,— писал Ленин,— что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте неспособно заставить забыть отталкивающие качества».

(Окончание следует).

Давид
Бромберг

Субботник в Кремле

На улицы выходит вся страна.
Субботний день от солнца овесенен.
Земля и та сейчас удивлена —
Какую тяжесть поднимает Ленин!

А он идет, хоть ноша та тяжка.
Кто спину, кто плечо готов подставить!
И тяжело ему.
Ведь шутка ли представить,
Что на его плечах грядущие века!

Первым учителям

О, здравствуйте, мои учителя,
спешу к вам в гости и скучаю очень...
Сейчас стоит, как в Гайсине, здесь осень:
наполовину в бронзе тополя,
обожжены последним увяданьем
в пятидесятый раз... И стар любой листок,
и, кажется, сейчас вот-вот звонок
рассыплется вдруг в нашем школьном
здании.

Пусть холодит осенняя листва!
Я соберу ее в охапку густо.
И побегу по переулкам узким,
чтобы начать сначала, с буквы «а».

А мел крошился столько на доске,
что головы у всех вас побелели,
так серый пепел сел на самом деле
отметиною вечной на виске...

И кажется, сейчас, сейчас, сейчас
войдете в детский гомон вы со мною...
Сегодня обросли вы тишиною.
Вошла навек вся сила ваша в нас!

Вы — первые мои учителя,
пусть спросит мой шестой десяток снова
у вас пути надежного, большого.
О, здравствуйте, мои учителя!

Перевел с еврейского
Владимир ЦЫБИН.

Ада Левина

Урок обществоведения

ПУБЛИ-
ЦИСТИКА

Письмо начиналось, как все письма: «Дорогая редакция!» Кстати сказать, меня всегда пораживает это обращение — ведь не пишут же «Дорогой исполком!» или «Дорогой райком!» — а вот редакция — «дорогая». Почему? Что это? Знак признательности или аванс доверия? Но здесь, в этом письме, такое обращение показалось мне искренним, как и все то, что следовало за ним:

«Может, мне и не надо было писать, но все-таки я думаю, что вы мне поможет разобраться, права я или нет».

Нелегко это — разобраться, права или нет. Предстояло говорить с десятком людей, вглядываться, вслушиваться и раздумывать. Но мне самой хотелось всего этого.

«Я ученица 10-го класса, живу в городе Новочеркасске, на улице Жданова...»

— Ира? Роменская? — переспросила меня женщина во дворе. — Вон в том подвале. Двери откроешь — и пять ступенек вниз. Осторожно, темно там.

Подвал одноэтажного дома. В окошках ноги прохожих видны только по щиколотку. Шагают, шагают... На столе — стопка учебников, тетради. Девушка в коричневом сарафане поднимает голову от книги. «Обществоведение» — написано на обложке. «Учебник для 10-го класса».

Да, верно, живет девочка Ира, ученица 10-го класса.

«Семья моя — мама и я. Отца нет. Его не стало, когда я была еще маленькой. И по сей день я ничего не слышу и не знаю о нем. Мама работает печатницей в городской типографии...»

Городская типография — предприятие едва ли не самое маленькое в этом промышленном городе (тут есть заводы, где площадь цехов измеряется гектарами, а число рабочих — тысячами). Но все, что произошло в этом маленьком двухэтажном доме, где работает всего 97 человек, может произойти и в цехах, чья площадь измеряется гектарами. Просто здесь конфликты, быть может, заметнее?

«Сейчас я хочу написать о своей маме. Она у меня очень хорошая, конечно, все мамы хорошие, но

для меня мама — самый дорогой человек на свете. Свои горести и обиды делим с мамой пополам, нам легче. И я всегда старалась ей помогать».

Да, и это верно. Из шкафа Ира достает платье. Одно черно-белое, со вставкой, модное.

— Вам нравится? Правда? Это мамино. С этой вставкой долго не ладилось. Но получилось. Верно?

С 7-го класса (именно тогда она особенно вытянулась и заметила, как мама сокрушается над ее враз съезжившимися платьишками) Ира шьет и себе и маме. На курсах кройки и шитья немолодые женщины-хозяйки с удивлением поглядывали на худенькую девочку: их дочери — Ирины ровесницы — бегали в это время на каток и в кино, а мамы учились шить им наряды. Ира училась это делать сама. И выучилась. В доме, где заработок один, а пужд много, всегда к празднику бывают обновления...

— Помощница, не жалуюсь, — говорит мама, Нина Павловна. — Позапрошлым летом послали меня в колхоз на уборку овощей. Думаю: как Ирину оставлю, — а она сама предложила: «Мама, я с тобой — в две недели твой месяц отработаем. Все полегче тебе будет».

Они работали в одной бригаде. Кашеварили, вечером пели со всеми, словно не мать и дочь, а так, две подружки, только одна постарше другой.

«Скоро маме исполнится 40 лет. Из них 24 года она работает в типографии нашей городской газеты «Знамя коммуны». Как-то под праздник мама пришла с работы в слезах. А дело вот в чем. Под праздник на предприятии давали премию. Мастер говорил, что премии должны были давать всем печатникам. Но почему-то маму обошли стороной. Вы можете подумать, что она заслуживала этого. Но главное в том — это и заставило меня написать вам, — что никаких замечаний в ее журнале не было. Еще вы можете подумать, как я могла в этом разобраться. Я на летних каникулах все три месяца проработала в этой типографии. И поэтому немного разбираюсь».

И это правда. Работала. Только в другом цехе — билетном. Здесь, в двух тесных комнатах полуподвала, печатают синенькие билеты для кинотеатров всей Российской Федерации. От Тихого океана до Балтики... Девушки в фартуках проверяют, правильно ли

отпечатавы цифры — номер, серия, цена, — книжки пакуют, увязывают.

Здесь-то и работала Ира. Только фартук на ней был другой.

«Я сама сшила. Купила синей материи и сшила. Отделала белыми стежками, вышло — прямо модель. Всем в цехе понравилось. И работать удобно: карманы, сидит свободно, и веселее как-то».

Вот именно, веселее. Все, кто проработал с ней эти 75 рабочих дней (срок достаточный, чтобы рассмотреть характер семнадцатилетней в подробностях), так и определяют его: «Веселый, легкий. Открытая душа. Складывает — поет, проверяет — поет. Весь день в цехе словно звоночек заливаётся, и на работу быстра. Ушла — и ровно вынули что из цеха. Не хватать ее стало».

За лето она заработала 120 рублей (перед десятым выпускным столько всего надо!). Купила отрез маме и туфли — выходные, давно облюбованные — себе. Но, пожалуй, главное, что заработала она за это лето, было одобрение пожилых работниц. Она вошла в билетный робкой школьницей, а вышла молодой работницей, которая уже имела право написать: «Премия, журнал брака — в этих делах я немного разбираюсь».

«Так вот, когда мамину фамилию не зачитали, все рабочие были удивлены. Мама решила узнать причину. Она спросила у начальника цеха, тот ответил, что в список были занесены все печатники. Тут был председатель заводского комитета. Когда же мама обратилась к нему, он ответил: «Тебе пусть другие по рублику скинутся».

Он произнес эти слова без особого умысла, походя, привычно, не задумываясь. Через месяц он даже не помнил, произносил ли их. Но Нину Павловну они ударили, будто ножом. Вначале она пыталась что-то выяснить. Пошла к мастеру, но тому было недосуг: «Я всех писал. Иди к директору!» — но директор даже не выслушал ее: «Списки подает мастер. Иди выясняй у мастера». Так и не добившись толкового объяснения, она вышла на улицу, увидела флаги, вспомнила, какой завтра праздник, — и заплакала.

«Придя домой, мама все рассказала мне».

— Может, мне не надо было ей рассказывать? — спрашивала меня Нина Павловна. — Но ведь и поделиться человеку хочется. А кому мне сказать? Она да я — вот и вся семья.

Я представила, как это было. Мать сидела за этим столом, смотрела на стопку Ириных тетрадей — уважительно и с некоторым испугом (какой вершиной премудрости кажутся эти теоремы и функции с пригорка ее третьего — и то перечеркнутого военной порой — класса!) — и повторяла горестно: «Ну, ты подумай, так и сказал: «По рублику скинутся». Словно я нищая, или пьяница, или нечестная работница. А у меня даже брака не было в том месяце. За что?»

«Эти слова очень подействовали и на маму и на меня».

— Роменская? Ира? Что вам про нее сказать? Помоему, у нее очень развитый эмоциональный слух. — Это — Ирина учительница. — Да, так же, как музыкальный слух, есть у человека и эмоциональный — чуткость к чужим переживаниям, эмоциям, способность воспринимать, одним словом, то, что по-житейски определяется словом «со-чувствовать», то есть чувствовать вместе. Этот слух одной литературой не разовьешь, должны быть обстоятельства: радостные, горестные — всякие. Человек должен вначале научиться чувствовать, чтобы потом с кем-то вместе со-чувствовать. И меня очень огорчает, что у ребят сейчас

много эмоциональной глухоты. Они часто повторяют слова, не чувствуя ничего.

Мы разговаривали в густой тишине школьного коридора. Коридор, как и везде. Большие окна, двери классов. Портреты участников и героев войны, которые учились здесь, в школе № 1. Стенгазета на английском языке. «Школьная правда» с рассказом о поездке в Краснодар. Рядом — дверь «10-б». Скоро звонок. Вместе со всеми выбежит в этот коридор Ира. Напротив двери «10-б» — окно. Подоконник большой, белый. В перемены все секреты — у этого окна.

«Ира, будешь заниматься дополнительно по английскому?.. Нет, не для отстающих. Специальная сильная группа для ин-яза. Что? Конечно, за деньги: он же из другой школы. Жалко, что не будешь. У тебя бы пошло».

Здесь обсуждают наряды к выпускному и трезво подсчитывают очки-шансы.

«Не сдам в этом году — буду еще год готовиться, в следующем поступать. А ты, Ирина, твердо решила в ателье?»

«Надо. Я уже договорилась. И в техникум легкой промышленности — заочно. Надо. Маме одной трудно».

— ...Да, — продолжала учительница. — У Иры как раз очень развитый эмоциональный слух. Я думаю, его обострили, настроили именно ее жизненные обстоятельства. Ну, вы, как я вижу, их знаете. Она очень отзывчива на чужую беду, обиду...

«И ничего не говоря маме, я пошла в типографию. Мне было очень обидно, что ни за что ее обидели, надругались над ней. И я не могла молчать. Поверьте мне! Мне все приходило на ум: как такой руководитель, как председатель заводского комитета, мог сказать подобные слова? К нему же обратился такой же рабочий человек, как и он. И директор тоже не захотел объяснить...»

О чем думала она, пока бежала два квартала до типографии? Может, вспомнила, как хотела прийти сюда первый раз три года назад? Тогда случилось вот что. Парализовало бабушку. Они с мамой дежурили у ее постели. Ира — днем, мама — ночью. Иногда мать почти не ложилась. А утром, невыспавшаяся, разбитая, шла на смену. Однажды после такой ночи она сделала брак — серьезный, неисправимый. Партия бумаги пошла под нож. Маму наказали — перевели на несколько месяцев на нижеоплачиваемую работу, накладчицей.

«Но это несправедливо! — горячилась Ира. — Ведь ты столько суток не спала, поэтому и недосмотрела».

«Нет, все законно. Мой брак, мне и отвечать. А почему вышел брак — до этого никому дела нет!»

«Вот это и несправедливо. Не может быть, чтобы у нас не было дела!»

Ира волновалась, переживала, похудела даже. Но в типографию идти не решилась. Все-таки было ей лишь 14 лет. А там чужие, взрослые люди, предприятие, работа.

Но теперь все иначе. Это не просто предприятие, где работает ее мама; она сама проработала здесь целых три месяца (а когда человеку всего семнадцать лет, три месяца — немалая часть его жизни). Ну и что ж, что мама ничего не выяснила, у мамы — всего три класса, она, может, и не поняла чего-то, а у нее, у Иры, уже почти десять классов, она разберется в любых выкладках. А главное — не в рублях дело, — почему ее обидели?

«Ничего не говоря маме, я пошла в типографию. Подошла к начальнику цеха. Он провел меня к ди-

ректору, Поволоцкому. Я попросила объяснить мне причину, но вместо того, чтобы мне сказать прямо, он начал объяснять насчет премий в общем плане. Я его прекрасно понимала, но не это мне нужно было. А именно то, почему ее могли так обидеть. Обидеть ни за что. Ведь у нее ни одного пропуска, ни одного опоздания не было. Я настаивала, чтобы мне сказали все, как есть, но меня обвинили в нетактичности. Сказали, что прийти к ним — нетактично с моей стороны. Мне сказали, что какое я имела право вмешиваться в дела матери на производстве...

Я вспоминаю длинный узкий кабинет Поволоцкого. Его намеренно долгий разговор по телефону с упоминанием объема работ типографии, которые собеседнику на том конце провода, судя по всему, были давно известны... Я не сказала ему вначале о письме Иры. Я просто спросила, была ли как-нибудь отмечена перед праздником работа печатницы Синицыной.

— Ну, знаете ли, — сказал обиженно Поволоцкий, — у меня предприятие, на котором не десять человек, а девяносто семь. Я не могу помнить каждого. — И велел принести книгу приказов.

Он полистал ее и нашел тот самый приказ. Раздел первый: «За высокие показатели, достигнутые в производственной деятельности, и выпуск высококачественной продукции премировать...» Раздел второй: «Объявить благодарность за достигнутые успехи в работе...» Шестым в списке стояло: «Печатнице Синицыной Нине Павловне». Вот как, оказывается! К празднику она получила благодарность!

И благодарность эта была вписана в книгу приказов, пронумерована, учтена... Была лишь одна неувязка — сама печатница Синицына Нина Павловна о ней ничего не знала: приказ зачитывали в самом начале собрания, а она, да еще многие, задержалась в цехе, сдавая смену. А больше этот приказ нигде не вывешивали. Но почему же и дочке ее, Ире, когда она пришла в типографию, ничего не сказали об этой благодарности?

— Дочка ее приходила, это точно, — подтвердил Поволоцкий. — Но приказа у меня в тот момент под рукой не было, а на память я всех помнить не могу. Если все начнут ходить, требовать объяснений, работать некогда будет. А тут еще отчитывайся перед каждой девчонкой!..

— Вот именно — девчонкой! — вступает в разговор председатель завкома Плаксин (это не тот председатель завкома, что обидел тогда мать Иры, а другой, новый, но он и тогда участвовал в разговоре с Ирой). — Молодая, а туда же. Мы ей одолжение сделали, дали возможность поработать лето, а она еще жалуется. Да что же это делается?! Разговаривает, будто мы обязаны перед нею ответ держать. Ну, я сразу этот тон поломал. Поставили ее на место, сказали: не твое это дело — в материны производственные дела вмешиваться, марш домой!

«...Но не в производство я вмешивалась. Я заступалась за маму, и это мое право. Ведь у нас нет отца. И пусть я слаба, но я уже научилась отличать правду от лжи».

— Это все Синицына. Сама была недисциплинированной и дочку такую же воспитала. Ну, мы с ней потом поговорили как следует.

И верно, поговорили.

«Потом все это вроде забылось. Маму выбрали проформом цеха. Но когда было собрание, на котором подводились итоги года, и когда стали выдвигать передовиков, то мама не попала в их число, хотя план не только выполнила, но и перевыполнила. Начальник цеха объявил: «За недисциплинированность».

А именно — за то, что когда-то я приходила и осмелилась с ними разговаривать».

«Дошло до того, что дочку в защиту посылает», — говорил ведущий собрание председатель завкома Плаксин.

«Да не посылала я ее! Сама пошла без спросу. Я бы ее не пустила», — оправдывалась Нина Павловна.

«Тем более, — продолжал Плаксин, — распустила девчонку, не знаешь, куда ходит!»

«А я не пойму никак, что плохого, что Ира за мать вступилась? — поднялась одна печатница. — И девочка дай бог каждой матери. Я ее с детства знаю, с моей дочкой училась на курсах, и старательная, и работающая, и в билетном цехе скажут».

Но Плаксин отрезал:

«Это к делу не относится. Мы говорим про факт. Приходила она в типографию? Приходила. Вмешивалась? Вмешивалась... Вот за это и надо наказать. Чтобы урок был на будущее. И другим тоже».

Собрание решило: «Синицыну считать недисциплинированной за то, что дочь ее ходила к Поволоцкому. И за плохое воспитание дочери в передовики не выдвигать». Так по крайней мере рассказывали мне работницы цеха, бывшие на том собрании.

Правда, в протоколе этого собрания всего лишь краткая запись: «Слушали: итоги года». Список работниц и цифры, кто на сколько выполнил план. «Постановили: Ершову, Чижикову, Кухлевскую и Фиронову считать передовиками». И все. Печатницы Синицыной, выполнившей план на 128 процентов, в списке передовиков просто-напросто нет. Почему? Неизвестно.

Но мне кажется, что более достоверен не тот след, что остался от собрания на бумаге, а тот, что остался в человеческих душах. И правильнее считать так: на собрании было не то, что записано, а то, что запомнилось.

...И снова пришла печатница Синицына домой в слезах.

«...Маму обвинили за плохое воспитание дочери. Но когда я работала в этой типографии, то обо мне никто не был плохого мнения. Я не хвалю себя, нет. Этим я хочу сказать только то, что все-таки меня не считают плохо воспитанной. Выходит, мама пострадала из-за меня. Но неужели я плохо поступила, что пришла и пыталась выяснить причину? Мне не было понятно, за что ее обидели, а больше всего поставили с плохой стороны у ее же товарищей по работе».

Как же так, учителя в школе говорят: нельзя проходить мимо, надо быть отзывчивым к чужой беде. А ведь беда-то и не чужая — мамина. Но, может, именно в том все дело? Если за прохожего вступился — молодец, а за маму — нельзя, потому что родственница? Нет, не может так быть. Они сказали: «плохо воспитанная». Но почему, если она не могла спокойно смотреть, как мама плачет, это плохое воспитание? А если нет, то тогда за что маму наказали? Вот на уроке обществоведения говорили: «Основа нашей демократии — каждый человек имеет право принимать участие...» — ну, одним словом, во всем; она, Ира Роменская, разве не каждый человек? Ей семнадцать лет, у нее есть паспорт, и, самое главное, она же комсомолка! Почему же она не имеет такого права? Может, пойти завтра посоветоваться к учительнице обществоведения Полине Кирилловне? А вдруг ее снова не так поймут? Еще подумают, что она ходила из-за премии, из-за денег... А ведь это же не так... Нет, пожалуй, лучше не спрашивать.

Ира думала об этом весь школьный день — на хи-

мин, и на английском, и на истории. Вечером, вернувшись домой, села и написала это письмо в редакцию. Вот и последние строчки:

«Пожалуйста, я вас очень прошу, объясните мне, правильно ли я поступила? А то тут по-разному говорят...»

Говорят...

Новочеркасск — город небольшой. Новости распространяются здесь удивительно быстро. Неделью назад было собрание в типографии, а уже на лавочке у одноэтажных домов Ириной улицы идет разговор...

«Нинку-то Синицыну в типографии за дочку обсуждали. Мол, плохо воспитанная, бегаёт всюду, не в свои дела суется».

«Подумать только! С виду смиренная такая девчонка, скромная и платьев коротких не носит, как другие. А вон оно, в тихом омуте...»

«Да бросьте чужие сплетни... Что вы, сами ее не знаете? Девчонка хорошая, работающая».

«Не скажи. Зря на собрании обсуждать не будут. Это раньше: какие дети, к работе не касалось, а теперь схватились за молодежь-то. С родителей спрашивают. И правильно. Ирка, видать, натворила чего-нибудь. Может, гуляет?»

«Да что вы, у нее жених в армии...»

«Ну, не знаю... Зря на собрании не станут обсуждать».

«А я слышала, вроде она за мать заступиться хотела. Так разве добьешься, послали от одного к другому — и все. А ведь еще девчонка...»

Ах, уж это лавочное общественное мнение! Да и стоит ли прислушиваться к нему? Верные бы речи звучали на собраниях, а о чем толкуют на вечерних лавочках — наплевать и забыты!

Но ведь разговор этот ведут не только на лавочке у ворот. Он возникает и продолжается за вечерним чаем, за воскресным семейным обедом. И разговор этот, со своими оценками, мерками, выводами, он тоже своеобразный урок обществоведения, который, может, крепче иного обязательного урока западает в души Ириных сверстников. И если выводы двух уроков обществоведения — школьного, запартного, и домашнего, застольного, — не совпадают, то еще неизвестно, какой окажется наглядней, какой больше запомнится и убедит. И как знать, не в этот ли час зарождается опаснейшее раздвоение: отвечать на уроке одно, а думать про себя другое, мерить поступки книжных героев одной меркой, а свои собственные и близких людей — другой, житейской.

Нет, вовсе не так безобидны эти разговоры, слово за словом, на вечерней лавочке. И не презирать их надо высокомерно, а задуматься: почему выводы этих двух уроков обществоведения не всегда совпадают? И если в этот раз не совпали, то почему, в чем здесь причина?

Но кто должен задуматься и увидеть эту непростую, не на поверхности лежащую связь?

Я набираю номер телефона горкома партии. Мне отвечают:

— А какой у вас вопрос — по промышленности или по идеологии?

В самом деле, какой у меня вопрос? Типография — промышленное предприятие, но, с другой стороны, идеология — что это такое? Семинары, лекции, доклады, теоретические конференции? Ну, одним словом, все, что воспитывает. А Ирино письмо? Идео-

логия это или нет? Смотря как понимать. Вот, скажем, директор типографии Поволоцкий с гордостью показывал мне в красном уголке большой, по специальному заказу сделанный стенд «О производственной культуре и технической эстетике», а в цехах рабочие умывались под грязными сосковыми жестяными умывальниками с застоявшейся серой водой, женщины-печатницы были в уродливых, выношенных халатах (им упорно не выдают новые халаты — только полукомбинезоны, в которых они не могут работать). Ну, кто докажет ему, что воспитание — это процесс, который совершается не только в час собрания, а в каждый час, что воспитывают не только лозунги об эстетике, воспитывает все: и халаты, и умывальники, и тон, которым сказано «Здравствуйте!», и что все это тоже идеология...

Да, наверное, все же у меня «вопрос по идеологии».

Секретарь горкома тов. Осипенко будет завтра, в 9 утра.

...Утро. Сводка погоды та же: «Пыльные и песчаные бури. Ветер 30—35 метров в секунду». 30 метров! Одно дело, когда ты слушаешь об этом где-то далеко отсюда, и совсем другое, когда этот ветер — осязаемое, плотное, наступающее на тебя, ощерившееся лезвиями песчинок существо (так и хочется упереться рукой, оттолкнуть его), и ты понимаешь, что 30 метров в секунду — это 108 километров в час! И в каждой частице воздуха, которую ты, нет, не вдыхаешь, а ветер вбивает тебе в глотку, — песок и пыль. Эта пыль — черная, рассыпающаяся, вездесущая — еще недавно была почвой, пахотным слоем, сквозь который уже проклюнулись зелененькие ростки озими на тысячах гектаров полей. Но нынче не придется этим росткам заколоситься знаменитой ростовской пшеницей. На ростовскую землю обрушились небывалые вихри, и ростки эти прахом и пылью развеяны неизвестно где.

Город в тревоге. Доносится радио: «Создана областная аварийная комиссия... Пересев озимых... Подсчет разрушений... Бригады помощи...»

От школьных дверей поворачивают обратно ребята с ранцами: занятия на третьем этаже отменены — лопнули батареи.

...Я иду в горком.

Вдруг на какую-то секунду сомнение охватывает меня. Тут такое творится, а мой вопрос, как может показаться на первый взгляд, не имеет никакого отношения к происходящему.

Секретарь горкома читает Ирино письмо долго. Не просто внимательно, а как-то очень подробно. Не проглатывает слова наспех, чтобы уловить, в чем суть, и вздохнуть с облегчением (мол, я думал, тут что-нибудь похуже). Он читает так, будто про себя произносит каждое слово этого письма вслух. На столе секретаря, словно пасьянс, разложены маленькие белые квадратики бумаги, испещренные цифрами, а сверху на каждом — крупно — одно подчеркнутое слово. Я вглядываюсь и разбираю эти слова: «энергия», «мясо», «крупы», «автобусы», «вагоны».

Раздается телефонный звонок. «Осипенко слушает... Так. Как там у нас сегодня с газом, сколько кубов можно получить? — Он берет со стола листок, на котором крупно выведено «газ», и, прижимая трубку плечом, вписывает в него цифры. — Ясно, на сегодня положение лучше».

— Вот видите, — Осипенко указывает рукой на эти белые листки, и губы его трогает улыбка, — дескать, что поделаешь, буря... Надо.

Да, надо. В городе стихийное бедствие, но, несмотря ни на какие бури, все должно быть сделано: дети в яслях должны получать молоко, а роженицы — буль-

он, пекарня должна выдавать хлеб, а электровозостроительный завод — электровозы... И поэтому разложен на столе секретаря горкома партии этот пасьянс тревоги и расчета.

И рядом с листками сводок Ирино письмо.

Секретарь дочитывает его до конца, и в этот самый момент в кабинет заходит работник горкома и кладет на стол еще одно письмо. Оно короткое, в несколько строк, но подписей под ним много — до самого конца листка. Секретарь читает его вслух:

«Мы, студенты механического факультета, проникнутые чувством патриотического долга перед Родиной, считаем необходимым помочь пострадавшим районам в ликвидации последствий стихии и просим направить нас в эти районы. Все студенты имеют права трактористов и шоферов».

Два письма. Секретарь берет их в руки и словно взвешивает на каких-то невидимых весах. Он произносит медленно и задумчиво:

— А вы знаете, мне кажется, они не такие уж разные, эти письма, хоть одно про частный случай с одной мамой, а другое про Родину. Между ними прямая связь, потому что это (он поднимает над столом Ирино письмо) гарантия таких писем (он поднял листок студентов) в будущем.

И вдруг словно схлынула, растворилась без остатка его медлительность, его неспешность. Он положил среди листков на столе еще один и написал сверху: «Типография».

— Соедините меня с типографией. — Это помощнику.

Он договаривается, что приедет на пересменку, к четырем часам, — нет, будет не доклад, не собрание, просто разговор.

И уже через минуту в трубку кому-то, кто, видимо, предлагает что-то другое на это время:

— Нет, в четыре я занят. Собрание в типографии. Нет, нельзя отложить. Да, несмотря на бурю, а может, именно потому, что буря.

Я выхожу из горкома. До собрания хочу успеть в мелиоративный институт, разыскать авторов второго письма.

ПО длинному коридору мелиоративного рассыпается звонок, и из аудитории с надписью «Кабинет защиты растений» выходят рослые парни с лицами, обожженными ветрами.

— Вы из горкома? Ну, что там решили, пускают нас?

— А почему вы думали, что не пустят?

— Да мы кинулись в ректорат, а там говорят: не было команды отряды создавать, учебный процесс нельзя нарушать, практика у вас только летом.

— Какая еще команда нужна? Мы же все из сел, на каникулы домой ездили, видели: озимые пересеивать придется. Значит, трактористов вдвое больше надо, а откуда их взять? А мы все трактористы, шо-

феры — до армии еще работали, — разве можно тут сидеть, лекции писать, когда такая беда?

— И учебе это не в ущерб, ночами будем сидеть, а к осени все сдадим.

И вдруг один неожиданно и тихо, как бы самым тоном прося прощения за то, что затронул такое:

— А разрушено сколько — крыши, плетни, фермы; матери расстраиваются, плачут. Мы дома, в каникулы, что успели — починили. А остальное? Конечно, мы в свои села не попадем. Но хоть другим матерям поможем — топор-то держим пока...

Они ни разу не сказали «помочь Родине». Они говорили просто — «помочь матерям». Но такая во всем их облике была основательность и верность, что ясно было: для них это просто одно и то же.

А разве это не так? Разве не называем мы Родину матерью? Но тогда разве мать каждого из нас — не наиболее близкая частичка Родины? И разве желание прийти на помощь Родине не начинается с простого, естественного порыва — помочь матери, попавшей в беду?

Я слушала ребят и думала об Ирином письме.

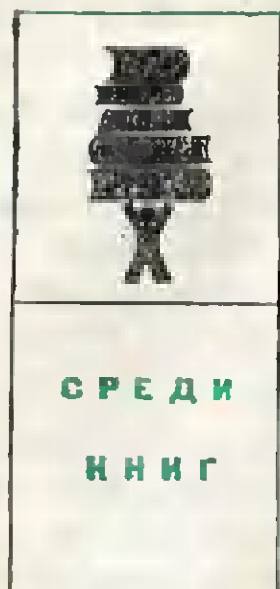
Что, собственно, произошло в этой истории? Девушка семнадцати лет пришла к взрослым людям, чтобы узнать, почему ее мать в предпраздничный день вернулась домой с работы в слезах. Они могли бы рассказать ей, что ее матери в этот день объявлена благодарность «за успехи в работе», что мать надо поздравить и гордиться ею, а грубияна, который скверно пошутил на собрании, заставят извиниться. Но этого не произошло. Потому что, кроме школы мужества и школы чуткости, есть еще и школа равнодушия — и будет существовать до тех пор, пока есть люди, готовые своим поведением преподать в ней урок. Ире Роменской преподали такой урок.

И в тревожный день, когда над городом бушует песчаная буря, секретарь горкома партии, по горло занятый аварийными делами, находит время и для того, чтобы побывать в типографии и поговорить с работницами обо всем: об умывальниках и спецовках, о стиле отношений в коллективе и о том, надо приветствовать или осуждать тот факт, что девушка Ира, семнадцати лет, прибегает туда, где обидели ее мать...

И это собрание (а о нем обязательно узнает Ира — хотя и с маминых слов) тоже станет частицей урока обществоведения. Урока, который на это раз преподан Ире не учительницей Полиной Кирилловной, а всеми, кто участвовал в этой истории: и директором типографии, и секретарем горкома, и теми, кто вступился за маму на собрании, и теми, кто отмалчивался, и студентами из мелиоративного.

Но ведь и Ира Роменская — тоже частица общества, а значит, и ее поступок — тоже урок обществоведения для кого-нибудь.

Интересный урок.

Документальная повесть Лидии Фоменко «Один из семи» (издательство «Советская Россия») — рассказ о жизни, отданной делу революции. Герой книги — профессиональный революционер, человек большого сердца и несгибаемой воли — Василий Андреевич Шелгунов.

В повести обстоятельно показаны события, непосредственно связанные с революционной деятельностью «дяди Васи», как ласково называли его товарищи: участие в создании петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», организация стачки ткачей в 1895 году, ссылка в Архангельскую губернию, подпольная пропагандистская деятельность в Баку, выпуск «Звезды» и «Правды», работа в подразделении на Кубани. Но есть в книге и другое, не менее важное в воссоздании облика этого человека. Это «радостно-белый цвет» — детские воспоминания о родной деревне, Алена Огородникова, девушка, с которой он не успел изведать счастья, и отеческая привязанность к сироте Федяше Логинову, будущему революционеру-подпольщику.

Жизнь Василия Андреевича Шелгунова предстает исполненной глубокого смысла и величия. В ней были тюрьмы и ссылки, потеря близких друзей, утрата зрения. Но не было одиночества. С большой теплотой обрисованы в книге соратники Шелгунова по революционной борьбе — Иван Бабушкин, Николай Полетаев, Константин Норинский, Василий

Бруснев. И, конечно, Владимир Ильич Ленин, с которым Шелгунов познакомился в 90-е годы в одном из первых марксистских кружков России, где Василий Андреевич возглавлял группу «семи Василиев». «И не помнит, как это случилось, но в какой-то момент он почувствовал, что верит каждому его слову, стремится вникнуть в каждую его мысль, боясь что-то не уловить, расплескать драгоценную влагу». Образ Ленина Шелгунов пронес в своем сердце через всю жизнь. Жизнь, в которой была радость борьбы и радость свершения «яростного и горячего» 17-го года.

Э. ПАНКРАТОВА

Книга маленьких повестей и рассказов «Южнее, чем прежде» — дебют молодого ленинградского писателя Валерия Попова. Ее герои переступили грань юношества и если не двумя, то одной ногой уже стоят в зрелости. Но вот что примечательно: им гораздо больше хочется остаться в своем милом юношеском состоянии, чем превратиться в мужчину, похожего на сослуживца, поехавшего в командировку на юг вместе с героем рассказа «Южнее, чем прежде». «Со мной ехал товарищ по работе, здоровый сорокалетний человек, самый большой зануда из всех, каких я только в жизни своей видал. Командировку эту он воспринял как жестокий удар судьбы. Вагон ему сразу не понравился, он стал об этом говорить и говорил

долго...» Молодой человек (я говорю о любимом герое Попова, который переходит из рассказа в рассказ) вообще не любит признаков солидной, скучной жизни. Он чудачит, выкидывает коленца и этим как бы старается сохранить непорванную ту слабую ниточку, которая связывает его взрослую жизнь с юностью.

Но вряд ли может продолжаться вечно инфантильная юность, и, наверное, изменится, повзрослеет герой будущих книг Попова. Станет подробнее и глубже его мнение о мире, тщательней проникновение в суть дела.

Обаяние рассказов Попова — в деталях, которые подмечает его глаз, очень своеобразных деталях и очень соответствующих той взбудораженной и нежной атмосфере, которую создает вокруг себя герой книги.

Еще без одной цитаты из книги «Южнее, чем прежде» я не могу обойтись в рецензии. Это цитата о ляпочках детских коротких штанишек.

«До сих пор я те ляпочки чувствую. И вот уже — боже мой! — тело большое, везде не достать, крупно бежит, щетина шею колет, зубов половины нет, можно влажным языком острые обломки ощупать, — ужасно, это я, тяжелый, неужели уже столько жизни прошло?!»

Вечное удивление перед жизнью — секрет постоянной юности и чистоты героев рассказов Валерия Попова. И юмор и взгляд на мир сквозь собственную ироническую призму и жизненное ощущение здоровым парнем здорового мира, которыми полна эта книга.

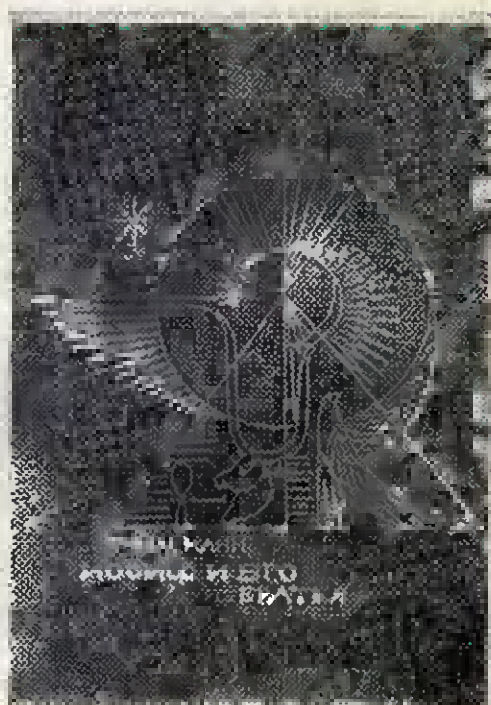
В. СЛАВКИН

Представляя авторов коллективного сборника «Притяжение», Сергей Наровчатов писал, что Петр Вегин «самый неровный и неустоявшийся из них», но предсказывал, что он скоро «определится». Это предсказание, судя по второй книге Вегина «Винтовая лестница» (издательство «Молодая гвардия»), появившейся через три года, если еще и не сбылось полностью, то по крайней мере уже начинает осуществляться. Более четкого ответа книга пока не дает.

П. Вегин по-прежнему «в бесконечной погоне за истиной», но, не изменяя своему девизу — всегда быть в движении («четыре стены четвертуют поэта»), он почувствовал теперь необходимость «отдышаться, дать себе, как колодцу, чистой водой отстояться»: Пришла пора размышлений:

Художники — отмывши
акварели,
часы не дочинив —
часовички
задумались.
Обняв свои колени
или уронив лицо на
кулаки.
Задумчивость — в
судьбе у поколения,
и светят перекрестками
идей
на треугольниках
коленей
два треугольника
локтей.

Раздумьями о судьбе нашей планеты живут стихи П. Вегина. Не случайно эпиграфом к своей книге он выбрал слова Рафаэля Альберти: «...Мы, поэты, должны быть поэтами своего времени. Мы даем клятву... возвещать всему миру о том, что важно и глубоко прочувствовано... создавать стихи, порою

острые, как оружие, а порою прекрасные, как цветы, раз уж нам выпала доля жить между гвоздикой и шпагой». И случается, что стихи Вегина действительно «порою остры, как оружие» («Сенонос», Анна Франк, «Две свечи»), а порою «короши, как цветы» («Светаёт», Елка, Соло на флейте).

В нас что-то есть
большое, сильное
от бурлаков...
Мы тоже из того
сословия.

Но сами.
сами мы впряглись,
как баржу, трудную
сосновую,
тащить поэзию всю
жизнь!

Вера в себя, понимает-ся, похвальна, но, во-первых, она не должна превратиться в самоуверенность, а во-вторых, одной веры маловато. Как большинство молодых поэтов, Вегин щедр на декларации, но декларации — это пока вексель. Его надо оплатить.

Д. ДАЛЬНЕВ

Фабричные девчонки.. Это повесть о них (Визбул Берце «Эрика, Дзидра и другие», изд-во «Советский писатель»). Торопливо проходят они по улицам старой Риги, спеша на работу или в клуб на танцы. А вечерами гулко стучат их каблучки по цементным полам коридора общежития.

Казалось бы, повседневность, будни. Никаких особенных проис-

шествий не случается в повести, а некоторые коллизии на производстве и в быту воспринимаются как очень традиционные. Но чем дальше вчитываешься, тем яснее становится, что подчеркнутая обыкновенность внешних обстоятельств сознательно избрана автором как фон для исследования волнующей его проблемы — нравственного формирования молодых рабочих.

Различен уровень душевной грамотности проходящих перед читателем персонажей. Автор не скрывает, что некоторые из его героинь и героев еще не овладели даже азами сложной душевной науки.

— Ни одному слову не верю и ни одному человеку! — восклицает Эрика, этот бедный, забившийся в угол зверек, многократно битый жизнью и совсем разувверившийся в людях после крушения мечты о белом подвенечном платье и новых туфельках с Видземского рынка.

— Я передовик! Поняла? — вызывающе бросает ей бывший «кавалер», твердо убежденный, что под покровом производственных характеристик он может безнаказанно топтать других, пробиваясь вперед локтями.

Но сложно обстоят дела не только с ними. Даже прямолинейная Дзидра, которая не терпит окольных путей и не выносит фальши, то и дело оказывается перед трудными нравственными загадками. И автор не ща-

дит свою, условно говоря, положительную героиню, предоставляя ей довольно угловато выбираться из сложных положений, в которых она оказывается из-за своего морального максимализма, из-за неумения приноровиться к «малым сим».

Читателя все время не оставляет ощущение авторской доброты, его сопереживания с героями. Визбулу Берце дороги эти фабричные девчонки, вчерашние дети, столкнувшиеся сегодня со всей сложностью бытия. Спотыкаясь на каждом шагу, иногда больно расшибаясь, они ищут ответа на десятки вопросов, утверждая себя, свое право на счастье, на личное своеобразие.

«Легкие и трудные пути... Дела большие и малые. Не самое ли большое и трудное — перевернуть человеческую душу? В каждой заставить ярче и ярче разгораться живой искре. Каждому найти его место в жизни. Кто за это в ответе? Сам человек? Сам человек. И ты, и я, и мы все тоже».

На этой высокой ноте заканчивается повесть, в которой течет обыкновенная жизнь обыкновенных рабочих девчонок, стоящих у станков и увлеченно танцующих в клубах. По сути, эта книга сталкивает нас с нашими старыми знакомыми. Немало подруг Эрики и Дзидры торопливо шагают и по московским улицам. Но в героинях В. Берце, кроме зорко увиденных черт, общих для современной рабочей молодежи, есть, несомненно, и национальное своеобразие, переданное то здесь, то там деталями быта или характерностью диалога.

В этом немалая заслуга и переводчика повести С. Марковой.

Е. ГИНЗБУРГ

Библейская легенда об Иосифе и его братьях повествует о том, как братья предали и продали родного брата, как он чудом спасся, возвысился над смертными и спас братьев, все им

простив. В этой библейской простоте и всеобщности мифа для художников всех времен была заключена притягательность возможной трактовки и свободы изображения, и легенда не случайно относится к наиболее часто разрабатывавшимся библейским сюжетам, а роман Томаса Манна «Иосиф и его братья» — к наиболее широко читаемым книгам подобного рода. По той же причине выпущенный издательством «Художественная литература» двухтомный перевод романа с фундаментальной вступительной статьей Б. Сучкова и послесловием автора закономерно и естественно быстро разошелся.

Роман написан в годы, когда в Германии у власти стоял фашизм. «Мой выбор, — писал впоследствии Томас Манн, — шел наперекор известным тенденциям, внушавшим мне глубочайшее отвращение: я имею в виду бредовые идеи расового превосходства, которые являются главной составной частью созданного на потребу черни фашистского мифа». Выбор соответствующим образом повлиял и на трактовку легенды, приведя Манна к «гуманизации мифа».

Это книга «о рождении «я» из первобытного коллектива», о рождении «я», которое «не довольствуется малым и полагает, что человек вправе служить лишь высшему». Эта книга, еще раз сказав словами самого Манна, — «стесняющаяся заговорить во весь голос поэма о человечестве».

Вместе с тем этот многоплановый роман для многих послужит источником наслаждения и предметом нескончаемого чтения, ибо что может быть увлекательнее интеллектуальной беллетристики, в которой так подробно и с таким знанием дела описано и претворено в плоть и кровь живых характеров «нечто очень далекое и смутное, так что создается впечатление, будто ты, наконец, раз и навсегда узнал всю правду о том, о чем так долго имел лишь очень приблизительные представления».

Вл. КИРЗОВ

Н. Долинина

Восемь писем

Письмо первое

«Дорогая Галка!

Нас очень тронуло письмо Зины П-вой и Любы З-ной из города Каменск-Уральский, напечатанное в первом номере «Юности» за 1969 год.

Нам тоже по двадцать три года, но живем мы не в каком-то Каменске-Уральском, а в Ленинграде, и нам не верится, что авторам письма не хочется выходить замуж. По нашему мнению, их просто не берут. Да, хоть и не принято в этом признаваться, но существует еще такая проблема. Вот и мы — студентки, комсомолки, спортсменки, не дуры, не уродки, а предложение никто не делает. Мы, конечно, понимаем, что у тебя большая корреспонденция, но мы очень просим ответить нам, тем более что этот вопрос интересует очень многих, но многие стесняются написать тебе. Так что же нам делать? Ведь «годы проходят, все лучшие годы...».

Первое впечатление от этого письма: балуются девчонки, треплются. Поэтому так пренебрежительно пишут о маленьком городе, поэтому обращаются не к редакции, а в «Пылесос» — к Галке Галкиной.

Странно было бы всерьез жаловаться, что никто замуж не берет! И ведь не маленькие — двадцать три года...

А потом начинаешь думать: не так уж балуются. Скорее прикрывают легким тоном серьезное беспокойство, и действительно не только свое: страх женского одиночества одолевает многих девушек чуть ли не с семнадцати лет.

Можно над этим улыбнуться. Но лучше попытаться понять причины такого явления. Эти девушки видели слишком много одиноких женщин. Тех, кому сейчас около пятидесяти, — их мужей и женихов взяла война. И более молодых, тех, у кого семейная жизнь распалась.

Дочери этих женщин предостаточно насмотрелись на жизнь своих матерей. Они ни за что не хотят такой жизни для себя. Их одолевает страх. Не найдя мужа к двадцати годам, они начинают впадать в отчаяние. Глядя на сверстниц, важно шествующих за детскими колясками, сопровождаемых мужьями, они об одном мечтают: достигнуть такого же счастья. Кто может осудить их за эти мечты?

Но брак — вовсе не завершение всех человеческих стремлений и поисков. А в молодости ведь именно так и представляется. «Вот кончу школу, поступлю в институт, выйду замуж, и больше мне ничего не надо» — такую формулу я слышала не от одной девушки. На самом же деле только после того, как ты

выйдешь замуж, начинается трудное и сложное. Найти себе кого-нибудь, кто «сделает предложение», — дело нехитрое. Это в конце концов удастся почти всем девушкам. Одинокие женщины в большинстве своем — это те, кто какое-то время был замужем и не смог сохранить свой брак. Причины тут могут быть самые разные, классифицировать их трудно. Но сложность проблемы состоит не в том, чтобы найти кого-нибудь, а в том, чтобы найти того, с кем счастливо проживешь если не всю жизнь, то хотя бы большую ее часть.

Выйти замуж за первого, кто подвернется, — право же, так просто, что не стоит об этом писать в редакцию. Только счастья от такого брака не будет — это можно гарантировать. И выход у тех двадцатитрехлетних, которые испытывают страх за свое будущее, к сожалению, один — ждать. Жизнь впереди длинная, не надо ее торопить. Потому что тем, кто торопится жить, бывает иногда очень не сладко. Обратимся к их письмам.

Письмо второе

«Дорогая «Юность»!

Я никогда не писала писем в редакции, но у меня нет больше сил терпеть. Мне хочется рассказать кому-нибудь свое горе.

Наверное, вы получаете не одно такое письмо и до меня вам не будет никакого дела. Но я постараюсь объяснить, что случилось.

Я дружила с парнем. Все было хорошо у нас до некоторого времени. А потом... Даже не знаю, как об этом написать. И больше я его не видела. Трудно передать, что пришлось пережить. Мне казалось, что дальше не стоит жить.

А через некоторое время началась такая жизнь: постоянно встречаюсь с разными ребятами. Если сказать честно, то мне даже безразлично, какие они: хорошие или плохие. Я так привыкла ко всему этому, что не знаю, как мне быть дальше. Пыталась говорить с подругами, но они все смеются надо мной. Говорят, что и у них было такое. И в этом нет ничего страшного, потому что сейчас такое время и все такие.

А сейчас я жду ребенка. Об этом я еще никому не говорила. А ведь мне еще нет семнадцати.

Неужели это правда, что все девочки такие?

Если возможно, то, пожалуйста, напечатайте мое письмо. Пусть хоть кто-нибудь ответит мне. И ребята тоже. Мне стыдно написать свою фамилию и адрес. Очень прошу помочь.

Марина».

Стращное письмо. И, может быть, самое страшное в нем — отчаянный вопрос: неужели все девочки такие?

Я могу твердо ответить: нет, не все девочки такие. Но чем мой ответ поможет Марине? Чем и как помочь — на расстоянии, на бумаге, шестнадцатилетнему человеку, не назвавшему себя, не сообщившему адреса и потерявшему веру в себя, в людей, во что бы то ни было светлое; человеку, слишком рано вынужденному взять на себя ответственность за жизнь ребенка?

Я понимаю, что заставило Марину написать в редакцию, — безысходное отчаяние. Одиночество, порожденное стыдом, — близким сказать нельзя, молчать нет сил. Хоть с кем-то надо поделиться.

Но я не могу отделаться от мысли, что все мучения возникли только в связи с будущим ребенком. Не было бы этого досадного недоразумения — продолжалась бы та же самая жизнь: «постоянно встречаюсь с разными ребятами...»

Самый главный вопрос, не заданный Мариной, вот какой: почему плохо «встречаться», как она это называет, быть в близких отношениях с разными, со многими мужчинами? Попробуем рассуждать практически, на том уровне, который кажется современным Марине и ее подругам. Самый реальный ответ на этот вопрос таков: потому, что от близости с мужчиной у женщины может родиться ребенок.

Оставим пока в стороне понятия моральные. Можно ходить, задрав нос, и плевать на общественное мнение, и считать себя очень современной девушкой, пока твои отношения с «разными ребятами» не пришли к естественному итогу, пока ты, как выражались в старину, не носишь под сердцем ребенка.

Но даже прожить девять месяцев в ожидании ребенка, не имея мужа, — трудно. Женщине в этом положении нужна мужская поддержка в самом прямом смысле: кто-то должен делать за нее ту физическую работу, с которой она легко справлялась раньше. И к тому же те самые моральные понятия, которыми было так приятно пренебрегать, теперь оборачиваются против тебя. Ты страдаешь — не можешь не страдать — от осуждающих взглядов соседей, от упреков и слез матери... В родильном доме тебя терзают письма и цветы, принесенные другим женщинам мужьями...

Я знаю женщин, достойно выдержавших все это, и уважаю этих женщин, даже преклоняюсь перед ними: во имя величайшей радости материнства они собрали все свое мужество. Жизнь со всеми ее сложностями не каждому дарит простое и мирное счастье — случается полюбить женатого человека, который не может оставить свою семью; случается полюбить человека недостойного; случается и так, что женщина решается иметь ребенка от нелюбимого мужчины, потому что она мечтает о ребенке, а годы идут, и любимого нет.

Но при чем здесь Марина? Разве она хотела иметь ребенка? Или готова его воспитывать? Чему она может научить маленького человека, к какой жизни приготовить его — к такой, какую вела она сама? Чтобы к семнадцати годам ее ребенку было «стыдно написать свою фамилию»?

Но, впрочем, подруги Марины, которые считают, что «все такие», отлично знают и другое: ребенок не беда, от ребенка можно вовремя избавиться в любой больнице. «Конечно, — говорят они, — неприятно: узнают люди, пойдет молва, — но все-таки лучше, чем родить...»

Бывает, действительно все обходится, и через несколько лет такая ультрасовременная девушка находит себе мужа, благополучно рождает ребенка. Но

бывает иначе — пусть не всегда. Став взрослой, почувствовав неодолимую жажду материнства, женщина самой страшной ценой расплачивается за то, что не хотела родить своего первого ребенка: у нее больше не может быть детей. Такова плата за безответственность.

Попробуйте сказать, что вы в свои шестнадцать лет не знаете этого. Не знаете, отчего родятся дети, не знаете, что уничтожать первого ребенка опасно... Вы все знаете и ни о чем не задумываетесь.

Но дело ведь не только в ребенке. Предположим, что еще несколько месяцев или лет перед Мариной не возникла опасность стать матерью. Как шла бы в этом случае ее жизнь?

Среди многих отличий человека от животного есть такое: способность чувствовать. Если бы этой способности не было, то, вполне возможно, очень даже просто жилось бы девочкам, которые считают, что ничего нет дурного в близости со многими. Но один из этих многих вдруг оказывается нужнее, чем все остальные. Это происходит вне логики, а трагедия, возникающая неизбежно, логична.

Девочки, едва успевшие оторваться от материнской юбки и уже испытавшие силу своей темной, слепой и недолговечной власти над мужчиной, упиваются этой властью и не заглядывают в будущее. То, что происходит между другими мужчинами и женщинами всерьез, эти девочки превращают в игру. А закон игры таков, что ее можно прервать в любую минуту, что в ней нет ответственности.

Очень может быть, что в этих своих развлечениях та же Марина принесла немало страданий какому-нибудь парнишке, даже не заметив этого. Но и ей неизбежно предстояла та же трагедия: в какой-то час привязаться и быть покинутой. Потому что она человек и, значит, не может перестать чувствовать.

Марина, мне очень жаль тебя. Но именно потому, что жалею, я не могу сказать тебе ничего иного, что сказала бы своей дочери: тебе никто не поможет. Мама? Наплакавшись и нагоревавшись, она возьмет на себя заботы о твоём ребенке, но ты-то от этого не станешь счастливее! Отец твоего ребенка или другой человек, который полюбит тебя? Если ты сама не изменишься, ты принесешь ему горе, и он тебе не сможет дать ни спокойствия, ни счастья.

Только ты сама — и еще тот маленький человек, которого ты носишь под сердцем. Он может дать тебе силы выпрямить жуткую кривую, по которой ты пустила свою жизнь. Ты и он — двое могут составить семью, в которой на твои плечи ляжет ответственность. Тебе будет очень трудно, но это справедливо — тебе было слишком легко. За это приходится платить.

Письмо третье

«Дорогая «Юность», здравствуй!

Пишу в редакцию журнала впервые. Меня зовут Катя, мне шестнадцать лет... Я дружу с одним мальчишкой, который годом старше меня. Мама же почему-то не разрешает мне не только с ним дружить, но и разговаривать. Почему?

Ведь он неплохой, честное слово, помогает мне по математике. Мы вместе ходим в кино, читаем книги, а затем обсуждаем. По-моему, здесь ничего плохого нет. Мама же говорит, что заводить в шестнадцать лет поклонников рано. Какие там поклонники! Просто дружба! Ничего плохого в этом нет...

Опубликуйте, пожалуйста, мое письмо на страницах «Юности». Может быть, она прочтет и ей станет хоть чуть стыдно...»

Письмо, как видите, убедительное. Действительно, что плохого в том, что мальчик и девочка дружат, ходят в кино, разговаривают? Конечно, мама неправа, когда запрещает Кате дружить с мальчиком. Но... Давайте поставим себя в положение мамы. Чего она боится?

Жизненный опыт научил ее: девочки бывают разные. Катя, может быть, и не подозревает, что рядом с ней случаются такие трагедии, как у Марины. Мама об этом знает. Она боится за свою дочку. Можем мы ее понять?

Понять — да. Согласиться с ней — нет. Ведь мы позволяем своим детям купаться в море, хотя знаем случаи, когда в этом море кто-то утонул!

Не сомневаюсь, что мать Марины и матери ее подруг оберегают своих девочек ничуть не меньше, чем мама Кати. Девочки, однако, ухитряются обходить запреты, нарушать указания, обманывать и скрывать... Именно запреты чаще всего толкают на скрытность и на желание поступить наоборот.

Катя не видит в своей дружбе с мальчиком ничего дурного, ни от кого ее не скрывает. Что делает мать? Стремясь уберечь свою девочку, наталкивает ее на мысль, что в дружбе с мальчиком может быть что-то дурное. Был такой отличный фильм «А если это любовь?» в нем как раз об этом шла речь.

Страшимся за своих детей мы все. Но оберегать их можно по-разному, и путь запрета всегда неверный. Потому что неуязвим не тот, кого прячут от жизни, а тот, кого готовят к ней.

Письмо четвертое

«Дорогая редакция журнала «Юность»!

Я пишу вам первый раз и не знаю, как вы воспримете это письмо...

Каждому известно, что именно в возрасте четырнадцати—шестнадцати лет начинает формироваться «чувство любви», именно в таком возрасте человек хочет найти настоящего, преданного друга. Наверно, поэтому и я так поступаю.

Я ученица девятого класса. Зовут меня Таня. Еще раньше, так примерно в седьмом классе, я увидела мальчишку... Я все больше и больше убеждалась, что он мне ужасно «нравится»... Начиная с декабря прошлого года я начала писать ему «глупые, смешные записки», в которых писала всякую чушь, но была довольна этим. Однажды я написала, что приду к нему. Когда пришла — его не было. Я очень расстроилась, даже хотела плакать...

Через несколько дней Таня снова пошла к НЕМУ, он был дома, встретил ее вежливо, они пошли гулять, но тут ОН закурил — и Таня пришла в ужас: по ее мнению, курить на улице — значит «изображать из себя какую-то чопорную даму». Дальше идет очень длинное и очень несвязное описание того, как она ему сказала: иди на все четыре стороны, и он ушел, а потом опять догнал ее, а потом она убежала от него, а он больше не пошел за ней. Дальше Таня пишет так:

«Я не плакала, хотя случилось непоправимое. Правильно говорится, что ошибка одной минуты составляет несчастье целой жизни. Одна минута, и бац — целое несчастье. Теперь я между двумя краями пропасти. Что мне теперь делать?.. Я не могу без него жить, может, это и зовется «любовью», но мне все равно, пусть так зовется...

Посоветуйте мне, как быть.

Если вам нетрудно, постарайтесь ему ответить. Мо-

жет, он сам поймет все. От этого будет зависеть все, вся моя, может быть, дальнейшая жизнь...»

Далее следует адрес мальчика, с которым Таня хочет помириться при помощи редакции.

В Таниной голове перепуталось все на свете. «Чопорные дамы», по ее мнению, — это те, кто курит на улице. Слова «чувство любви», «нравится» она заключает в кавычки — так поступают, когда хотят подчеркнуть несерьезное, ироническое отношение к тому, о чем говорят. Однако, как мы видим, Таня очень серьезно относится к происшедшему, считает, что вся ее «дальнейшая жизнь» зависит теперь от редакции «Юности».

Должна признаться: я несколько раз перечитывала Танино письмо, прежде чем уверилась, что правильно поняла его. На меня подействовали Танины заклинания: «несчастье целой жизни», «между двумя краями пропасти». Мне казалось, что где-то между строк я прочту о настоящем несчастье. Нет. Ничего не случилось. Просто девочке понравился мальчик, она стала добиваться его внимания, добилась, но вела себя глупо, он повернулся и ушел.

Но ведь Таня искренне пишет: «Я не могу без него жить...» И, значит, нельзя так говорить: ничего не случилось. Это с нашей, взрослой позиции, — пустяки. А с Таниной: «Бац — целое несчастье». Почему же оно произошло?

Потому что с самого начала все было бездумно. Точно так же, как у Марины, трагедия которой настоящая. А причина — одна. Подумайте над Таниным письмом: «Каждому известно, что именно в возрасте четырнадцати—шестнадцати лет начинает формироваться «чувство любви».

Каждому известно! Тысячи лет поэты, художники, мыслители пытаются понять, что это такое — чувство любви. А Таня полагает: проще пареной репы это самое чувство...

Каждому известно другое: в четырнадцать — шестнадцать лет человек начинает ощущать влечение к человеку другого пола. Поступают люди в этих случаях по-разному. Один понимает, что с ним происходит, и управляет своими инстинктами, не хочет им подчиняться, ждет того чувства, которое нельзя заключать в кавычки, а следовало бы писать с большой буквы: ЛЮБВИ. Другая кидается на шею первому попавшемуся парню, затем — «разным ребятам»: мы читали об этом в письме Марины. Третья начинает бегать за мальчиком, живущим в том же дворе, писать «глупые смешные записки»...

Мальчик оказался умнее и честнее Тани: увидев перед собой глупую девчонку, он повернулся и ушел. А если бы и он подчинился той темной, слепой силе, которая толкала Таню к нему, — какое письмо она тогда бы написала в «Юность»? Такое, как Марина?

Самое удивительное в Танином письме: «...может, это и зовется «любовь», но мне все равно, пусть так зовется...»

Тем, что зовется ЛЮБОВЬ, люди гордятся. То, что зовется ЛЮБОВЬ, людей украшает. А ты думаешь, что это — стыдное слово, да? Ну и пусть стыдное, тебе все равно, пусть, ты не можешь без этого мальчика жить... Не это зовется любовью. Или иначе — это не зовется любовью. Ты можешь без него жить.

Почему я так жестока к Тане? Ведь каждый из нас испытывал в юности ту остроту влюбленности, когда кажется, что весь мир заключен в одном человеке, и день, прожитый без него, вычеркнут из жизни, и все погибло, если ОН не посмотрел, отвернулся, ту

остроту влюбленности, которая проходит через месяц, но поверить, что она пройдет, невозможно.

Все это так. Но даже любовь, не только влюбленность — чувство преходящее — не дает женщине, девушке права на унижение. А что делала Таня? Бегала за понравившимся мальчиком самым бессовестным образом. Теперь, когда он от нее отвернулся, она и редакцию «Юности» просит о том же: побегите, верните его... «Может, он сам поймет все...»

ЧТО он должен понять? ЧЕМ ты заслужила его хорошее отношение — хотя бы просто хорошее человеческое отношение, не говоря уже о любви? «Глупыми смешными записками»? Тем, что — извини — навязывалась ему?

В Танином письме меня возмущает полная душевная беспомощность. «Помогите!» — кричит она во весь голос. А почему мы должны тебе помогать? Потому что сама не умеешь ничего: ни думать, ни чувствовать, ни отвечать за свои слова и поступки?

Письмо пятое

«Здравствуй, Галка Галкина!»

Пишу тебе первый раз в жизни и очень-очень волнуясь. Я всегда с большим удовольствием читаю журнал «Юность» и особенно твои странички. Сейчас я обращаюсь к тебе с просьбой. Слушай.

Получила я летом письмо от одного молодого человека восемнадцати лет. Это письмо я посылаю тебе. Когда ты его прочтешь, то поймешь, что это за молодой человек.

Теперь несколько слов о себе, а потом опять про него. Зовут меня Алла... Мне восемнадцать лет. Комсомолка. Студентка второго курса...

Далее называются имя и фамилия молодого человека, чье письмо Алла пересылает в редакцию, и сообщается, что «этот человек не отрицает, что он эгоист, что «он живет только для себя». Затем Алла пишет, что у нее есть друг, который ее понимает и ценит, с которым она ходит в походы и мечтает. Но молодой человек, написавший ей письмо...

«Можно сказать ему конкретно «нет», и все. На этом и успокоиться. Но как объяснить человеку, что нельзя жить так, как живет он? Это трудно. Вот я и обращаюсь к тебе, Галка, чтобы ты мне помогла».

Личное письмо, написанное ей одной, Алла посылает с довольно ясной целью: чтобы его высмеяли.

Чем разгневал Аллу молодой человек, что она решилась на такую жестокую месть?

И, наконец, из письма молодого человека видно, что это ответ на письмо к нему самой Аллы. Что она писала? Почему не упоминает об этом в своем обращении к Галке Галкиной?

Обратимся к письму молодого человека. Я не считаю себя вправе публиковать его, поскольку автор на публикацию не рассчитывал. Но я его прочла — раз Алла прислала. Написавший его парнишка читался ученых книг и потому пишет скучно-высокопарным, казенным, унылым каким-то слогом. Он пишет о любви, а слова у него — как в бухгалтерских отчетах. Он излагает свои взгляды на любовь, в чем-то бредовые, в чем-то правильные, по пунктам, под цифрами. Он требует от Аллы решительного ответа на вопрос, намерена ли она продолжать с ним встречаться. Пожалуй, между строк сквозит и другое: намерена ли она вступить с ним в близость. Впрочем, в письме идет речь о возможном браке. Одно из

двух: либо парень не умеет иначе писать — это его беда, а не вина, или он пишет таким образом, подсмеиваясь над Аллой. Не могу с уверенностью сказать, что она этого не заслужила.

Существуют элементарные законы порядочности, и они гласят: не показывай никому полученных тобою личных писем. Даже подругам. Алла решилась отправить личное письмо от человека, с которым у нее были какие-то отношения, которому она тоже писала, в редакцию, на предмет напечатания и осмеяния. А если бы ее письмо тоже было прислано Галке Галкиной, как бы ей это понравилось?

Письмо молодого человека к Алле — потертое на сгибах, мятое — читанное-перечитанное. Может быть, его долго носили в сумочке или в кармане. И после этого запечатали в конверт, опустили в ящик...

Меня всегда интересовало: какое чувство движет человеком, заставляя его сесть за стол, взять в руки перо, писать — это же трудное дело, — писать незнакомым людям в расчете не на помощь, поддержку и совет, а на неприятности, которые твое письмо может принести другому человеку? Что толкает авторов этих писем к перу — темное чувство зависти, мелкая мстительность, разросшаяся обида?

К сожалению, именно таким представляется мне письмо Аллы — по меньшей мере неблагородным. Я готова допустить, что девушка не задумывалась о последствиях, когда отправляла письмо в «Юность». Может быть, она даже верила, что обращается к Галке Галкиной с самыми чистыми намерениями: чтобы узнать мнение своих сверстников о человеке, который был же чем-то ей интересен, раз она с ним переписывалась. Но разве это оправдание: не задумывалась! Ведь она не забыла написать, чтобы не называли ее имя и фамилию. А того, кто прислал ей письмо, хотела ославить на всю страну!

Сначала я хотела назвать фамилию Аллы. Потом пожалела ее. Но надеюсь, что она узнает себя, и ей станет стыдно.

Письмо шестое

«Дорогая редакция!»

Мне стыдно обращаться за помощью в двадцать один год. Но я никогда не думала, что будет так трудно, как сейчас.

Я дружила с солдатом, любила, даже как-то особенно. Доверилась ему и очень глубоко ошиблась. Он уже забыл меня, когда я ему сказала, что будет ребенок. И вот уже второй месяц для меня нет светлых дней. В этом я не виню его, ведь сейчас я люблю его еще сильнее, вернее, тоскую.

Дорогая редакция, что же мне делать? Как избавиться от малыша? Я не хочу, чтобы узнал кто-либо из знакомых, тем более родных. После этого я не смогу жить на смеху.

Я теряю надежду жить.

Дорогая редакция, я очень жду вашей помощи. Помогите, мне хочется жить...»

Письмо седьмое

«Дорогая редакция журнала «Юность»!

Мне девятнадцать лет, и я уже мать. Сынишке один год десять месяцев. Я счастлива, что у меня сын, и я горжусь им, но люди почему-то говорят: незаконнорожденный. Почему это так? Ведь я люблю сына, он мне дороже всех. За него я готова на все. Ведь он у меня, как все дети, но у него нет отца...

Итак, сын у меня уже большой... Когда идешь с

ним по улицам, почему-то кажется, что нет в мире матери счастливей меня, я горжусь, но люди вслед осуждают. Почему осуждают, в чем я виновна? Я виновна, что не смогла разглядеть человека, у которого нет души и не было, я просто верила, ведь вера в человека — это главное. Может, я просто молодая и потому верила ему, отвечала лаской на его подлую ласку. Теперь он живет с другой женщиной, у него скоро будет ребенок и будет законнорожденным, а мой сын — нет.

...Теперь о главном. Я встретила парня, ему двадцать лет. Я не верю ему ничего, он говорит, что я ему нужна и мой сынишка. Он хочет, чтобы мы уехали с ним к его родителям. Дорогая редакция, я хочу, чтобы вы мне посоветовали, как быть... Ведь я совсем ничему не верю, но жить счастливо и чтобы у Алешки был отец, страшно хочется, чтобы люди не осуждали. Я его прогоняю, но он стоит весь вечер у калитки, ждет, а я говорю: ведь есть много красивых девушек, а он: нет, я люблю вас с Алешкой. Что мне делать, не знаю... Ничего не могу понять.

Дорогая редакция, если это в твоих силах, подскажи, как сделать, чтобы знать, вправду он любит моего сына и меня, можно еще раз поверить?»

Письмо восьмое

«Здравствуйте!

Я, право, не знаю, с чего мне начать это мое письмо, так как пишу в редакцию впервые, но начну с того, что меня побудило его писать.

Случилось это с моей подругой, которой уже нет среди живых... Было ей тогда восемнадцать лет. Вместе с нами учился парень, который внешне ничем не отличался от других, и все же он отличался, плохо учился... Лиля взяла на себя обязанность помочь ему. С этим ей легко было справиться, она сама хорошо училась, и она оставалась с ним в аудиториях и подолгу занималась... Лиля его полюбила. И их любовь казалась взаимной, пока не случилось ужасное.

Они поженились раньше того, как их должны были зарегистрировать в загсе. Когда подошел срок идти регистрироваться, он заявил, что никуда не пойдет, что она ему больше не нужна.

...А вечером она застрелилась, выстрел из ружья пришелся как раз в сердце.

А тот, убийца, иначе его не назовешь, через некоторое время женился и уехал в Тбилиси. И считает себя человеком, ходит рядом с людьми. Да, как тяжело сознавать, что есть еще такие люди, которые могут жить с такой совестью, как у него!»

К письму приложены фотографии Лили — красивая, яркая, веселая девушка смотрит с них.

Что можно ответить Тане Ивановой, приславшей это последнее письмо? Она не называет имени парня, по вине которого погибла Лиля, не требует мщения, она горюет о подруге. Как бы ни была сильна ненависть к обманувшему Лилю человеку, горечь и боль потери сильнее...

Что можно ответить, когда человека уже нет?

Лиле не поможешь. Но та молодая женщина, которой двадцать один год, и она ждет ребенка, и хочет избавиться от него, и просит помощи, совета... Но Марина — помните шестнадцатилетнюю Марину, написавшую второе письмо, — она тоже ждет ребенка и даже не знает, кто его отец...

Я знаю, как мало в горькую минуту значат слова — чьи бы то ни было: матери, отца, подруг, а тем более слова напечатанные. Я знаю, как мало значат

слова, когда небо кажется черным и солнце — черным, когда сил нет жить и от любви, и от стыда, и от муки непередаваемой. От того, что кто-то еще испытал эту муку, не легче: своя боль всегда кажется особенной.

И все-таки я пытаюсь сказать — нет, закричать! — всем молодым женщинам, попавшим в положение Лили и Марины, и той женщине, которая «любила солдата, даже как-то особенно», и теряет надежду жить: «Не теряйте надежду, потому что жизнь человека — длинная!» Небо перестанет быть черным, и солнце перестанет быть черным. Пройдут дни, и месяцы, и, может быть, годы, пока зарастет душевная рана, но она зарастет.

Посмотрите на мать Алешки: как она гордится своим сыном, как радуется ему! Она не пишет о том, как трудно, как страшно было ей одной, когда ребенок должен был родиться, когда он только родился, — все это позади. Теперь у нее есть сын.

И еще об одном я не могу не сказать: когда покинул, разлюбил, обманул любимый — это очень большая беда. Но еще не горе. Горе — это смерть и война. А рождение — радость. И на смену обманутой любви придет другая, как пришла она к матери Алешки, которому один год и десять месяцев.

Должна ли она поверить человеку, когда он весь вечер стоит у калитки и говорит, что любит ее и Алешку? Кто, кроме нее самой, может ответить на этот вопрос?

Три последних письма возвращают нас к тому, о чем мы не договорили вначале. Что можно назвать любовью? Почему мы должны подчиняться законам морали, выработанным не нами, а кем-то другим? Можно ли верить одному, если обманул другой?

Прочитанные нами письма написаны девушками и женщинами. Поэтому разговор у нас идет о женской позиции, женской судьбе, женской тактике поведения. Мне хотелось бы написать, и рассказать, и подумать вместе с вами вовсе не о тех трагических проблемах, о которых мы сейчас говорим, а о счастливой любви, возникшей в молодости и сохраненной целую долгую жизнь. Ведь на самом-то деле именно счастливые отношения — норма, а те, о которых мы говорим, — отклонение от нормы. Семейный разлад, женское горе и женское одиночество могут иметь самые разные причины. Но в молодости очень важно понять и запомнить одну истину: женская гордость, недоступность, сдержанность — все эти понятия, сегодня кажущиеся кому-то устарелыми, — на самом деле необходимое условие в том сложном переплетении отношений, которое называется любовью.

Вы можете возразить: при чем здесь любовь и прочие возвышенные вещи, если речь идет о примитивной подлости: парень соблазнил девушку и оставил ее, когда выяснилось, что она ждет ребенка? Да, это подлость — иначе не назовешь. Ничего, кроме отвращения, такой парень вызвать не может, потому что, как бы ни складывались его отношения с матерью ребенка, нести ответственность за его появление на свет мужчина обязан.

Если эти строки прочтут не только девушки, но и юноши, кто-то из них спросит: а почему, собственно, обязан? С такой же убежденностью, как те шестнадцатилетние девчонки из письма второго, которые говорили, что у нас «такое время и все такие», любой парень из дружков этих девчонок будет утверждать, что у нас равноправие и никаких обязанностей он не несет.

Я думаю, законы морали вырабатывались человечеством не по отвлеченному принципу: что такое хорошо и что такое плохо. Они возникли из вполне

конкретных причин: создавая строгий кодекс нравственности, люди ограждали себя от несчастий.

Вы нарушаете эти законы в одном звене: своем женском. Вы позволяете себе считать эти законы устаревшими. Но ведь мужское звено связано с вашим — и оно тоже рвется. Этого вы не предвидели и не хотели: от парня вы ждете благородства, порядочности, выполнения мужских обязанностей — после того, как вы пренебрегли соблюдением женских. Подумайте сами: справедливо ли это?

Я не пытаюсь защищать мужчин — они в этом вовсе не нуждаются. О них — и с ними — нужен разговор отдельный, и было бы убедительнее, если бы его вел мужчина. Я только хочу предупредить девочек: не надо кидаться в огонь — он жжется.

В наивном письме четвертом девятиклассницы Тэни наиболее открыто выразилась позиция, с которой начинаются многие трагические ошибки: «Каждому известно, что именно в возрасте четырнадцати — шестнадцати лет начинает формироваться «чувство любви»... Наверно, поэтому и я...»

Так вот, о любви. Это чувство возникает у каждого отдельного человека НЕ ПОТОМУ, что оно возникает у других. Любовь всегда неповторима — иначе это не любовь. И, пожалуйста, не торопите ее.

...Чем дольше я думаю обо всех этих сложных проблемах человеческой жизни, чем пристальнее смотрю на людей вокруг себя, чем дольше живу, тем глубже понимаю: самое важное, и самое трудное, и самое нужное — научиться не перекладывать свою беду, и свою вину, и свою жизнь на другие плечи. Это важно и для мужчины, и для женщины, и для подростка, и для юноши, и для девушки — для всех.

Вы, конечно, заметили: ни на одно из писем, вопиющих, требующих немедленного ответа, конкретного совета и рецепта, мы такого ответа не дали. Найти рецепты было можно. Но — я убеждена — они оказались бы по меньшей мере неточными. Потому что каждый человек особенный, и то, что принесет пользу одному, обернется для другого бедою.

Только ты сама можешь понять, вправду ли любишь твоего сына парень, который стоит у калитки. Только ты сама должна решить для себя, как тебе жить дальше с малышом, у которого нет отца. ТОЛЬКО ТЫ САМА...

Решать свои проблемы каждому приходится самому.

Твоя жизнь — это твоя жизнь. И, напутав, осложнив ее, имей достоинство: возьми на себя труд распутать сама. В этом — излечение от боли. В сознании, что ты человек и умеешь сама распорядиться своей жизнью, независимо от злой воли, подлости или равнодушия того, кого тебе не посчастливилось полюбить (или поверить на время, что полюбила). Выстроить (и выпрямить) твою жизнь — в твоих силах. Не спеши озлобиться, обвинить, упрекнуть, подсчитать чужую вину и успокоиться на этом. В отношениях двух людей всегда две вины. И, как ни странно, когда найдешь ту часть, которая твоя, становится легче.

А безысходный вопрос: что же теперь делать? — не так уж безысходен. Помни, что жизнь длинна и на смену черным дням придут светлые. Придут непременно — только ты не отталкивай их, а постарайся приблизить.

Николай
Рубцов

Зимняя песня

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся, светлые, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные,—
Где ж вы, печали мои!

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад,
Трудное, трудное все забывается,—
Светлые звезды горят!

Кто мне сказал, что угрюмо и ветрено
Чахнет покинутый луг!
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг!

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воет, воет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!

Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть!
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя!

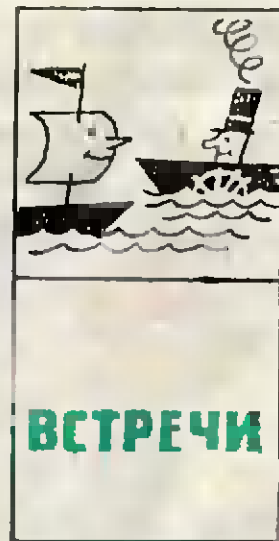
А утром солнышко взойдет —
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход!
Остановить его закат!

Вот так поэзия... Она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.

Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее...

Борис
Слуцкий

«МНЕ НИКОГДА НЕ БУДЕТ СОРОК!»

Мое знакомство с Асеевым

Когда я — в пионерском возрасте — начал читать Асеева, сразу и навсегда влезли в память строки:

Мне никогда не будет сорок!

И еще:

Да здравствует революция,
Сломившая власть стариков!

Когда — после войны — мы сошлись с Асеевым дружески, ему было за шестьдесят. Я знал Асеева-старика, властного и редко терпевшего возражения. Он ничего не редактировал, нигде не заседал, появлялся на людях очень редко. Но у него была большая власть большого таланта. Асеевское слово много весило — и хвала и хула — и многое решало.

Другим досталось видеть Асеева молодым. Маяковский называл его Колькой, правда, только в стихах. В жизни они были на «вы», изысканно вежливы друг с другом. Сельвинский звал Асеева Колечка, Кирсанов — Коля.

А для меня Николай Николаевич всегда был Николаем Николаевичем. Ровно 30 лет разделяли даты нашего рождения, и мы оба не забывали об этих трех десятилетиях. Естественно, Асеев больше говорил, я больше слушал.

Другие поэты расскажут про Асеева-юношу, зачитывавшегося поэзией и словарями старославянского языка; о фронтовике первой мировой войны, отра-

вленном газам и до конца дней своих выкашливавшим это отравление; о газетчике, писавшем листовки для подпольщиков Владивостока в годы японской оккупации; о кумире литературных эстрад; о лыжнике; о задире, которому Алексей Николаевич Толстой укоризненно говорил: «жестокый вы человек, Асеев».

Я знал другого Асеева — старика.

Правда, это был совсем особый старик. Он был сед, как лунь, прекрасной, цвета старого серебра сединой. Как лунь, он хохлился над письменным столом и жаловался на болезни. Но когда я напечатал стихи, где сравнил его не с лунем, а с другой хищной птицей — ястребом, Асеев обиделся, распрямился, расправил плечи, нахлобучил на седину шапку, и вдруг из-под шапки глянули зоркие, уверенные глаза, осветившие твердо очерченный профиль спортсмена, солдата и забияки.

Азарт

Иногда я встречал у Асеева старичка еще более старого, чем он сам. Он являлся с тощей брошюрой, изданной Московским ипподромом. Разговоры о людях и стихах временно прекращались. Начинались разговоры о лошадях. Николай Николаевич перелистывал расписание заездов, вчитывался, вдумывался, делал пометки. Старичок (он именовал себя секретарем Асеева) кое-что оспаривал, кое с чем соглашался. Получал деньги и уходил на бега — ставить на избранных Асеевым лошадей. Врачи месяцами не выпускали Асеева из дому. Секретарь, сам старый лошади, давным-давно проигравшийся в

пух и прах, смотрел за Асеева скачки, выигрывал за него — кажется, почти всегда, — потом приходил к Асееву и рассказывал. Кровь снова играла у Асеева по жилушкам.

В молодости Асеев много играл в карты. Однажды выиграл у Маяковского немалую сумму, полученную для заграничной поездки.

— Ну и что же было? — спросил я, потрясенный этим не вошедшим ни в какие истории литературы фактом.

— Я поехал за границу, а Маяковский остался в Москве.

— Да как же вы не вернули Маяковскому проигрыш?

— Я бы вернул, только он бы убил меня, если бы я заикнулся об этом.

Маяковский тоже был азартный человек, играл по всем правилам.

Однако вернемся к скачкам и лошадям. Страницы о них в русской литературе немаловажны. Едва ли не лучший рассказ Толстого написан от имени лошади, Холстомера. Самый славный из героев Лескова — Очарованный странник — профессиональный лошади-ник.

Я листаю асеевские страницы, и по всем пяти его томам скачут кони — не замученные коняги с кроткими глазами, а веселые кони эскадронов и ипподромов:

С неба полуденного
Жара не подступи.
Конная Буденного
Рассыпалась в степи.

Или:

Полоз остер, полосатит снег.

Или:

Жизнь отходит как скорый —
На коня!
Стисни зубы и шпоры:
Нагоняй.

Нет, недаром ходил Асеев на бега.

А деньги, выигранные на скачках, уходили самым разнообразным способом. Вскоре после войны Николай Николаевич увидел на улице нищенку и с искаженным от яростной жалости лицом вывернул ей в подол все карманы.

Работа над стихами настолько захватывает и выматывает, что поэту не обойтись без разрядки, без полного переключения. Наверное, поэтому Некрасов играл в карты, Маяковский — на бильярде, а Николай Николаевич ходил на скачки.

Что он читал

Как это ни странно, одна из книжных полок Асеева напоминала полку любого читателя «Пионера». Там стояли Брет Гарт и Стивенсон, изрядно залистанные и зачитанные. О Брете Гарте, на его темы, было даже написано стихотворение.

Но у Асеева были и другие полки.

Он знал русскую литературу, как свой дом — со всеми углами и закоулками. Асеев решительно предпочитал Гоголя и Достоевского. О Гоголе написал поэму. Достоевского перечитывал всю жизнь. Почему Достоевского, а не, скажем, Толстого или Чехова? Интересно, что Маяковский тоже был связан с Достоевским особо прочными связями. Может быть, потому, что непрекращающийся спор, идущий во всех

романах Достоевского, спор о самых важных вещах, о жизни, о смерти, о России, о предназначении писателя, спор, где всем дают выговориться до конца, совпал с предреволюционной и революционной молодостью Асеева и Маяковского. Оба они были, как сказал бы Достоевский, «русские мальчики». Оба решали судьбы мира.

Были еще ученые книги по языкознанию. Одна из книг «замотана» мной, что представляет предмет моей гордости. Эта книга — «Народ на войне» Софьи Федорченко — собрание записей солдатских словечек, поговорок и маленьких рассказов, услышанных писательницей в госпиталях германской и гражданской войн. В начале 20-х годов, когда она была издана, Асеев не прочел ее, а может быть, прочел и забыл. А в конце пятидесятых прочел с превеликим удовольствием. Очень он любил слова, особенно свежие, незатертые.

Помню высокие отзывы Асеева о Заболоцком и Мартынове.

Маяковский

Конечно, больше всего Николай Николаевич любил стихи, и особенно стихи Маяковского.

Много лет, а точнее, лет восемь после возвращения Николая Николаевича в Москву с Дальнего Востока, они вместе жили, встречались почти ежедневно, вместе сочиняли, иной раз и для заработка, рядом, плечом к плечу стояли во всех литературных драках — за новую поэзию, и во всех политических драках — за Советскую власть.

Однако, рассказывая о Маяковском истории, подчас смешные, Николай Николаевич никогда не забывал, что дружил он не только с человеком, и потом, и бильярдистом, и неутомимым путешественником, но и с чем-то похожим на молнию, на ураган.

Недаром, отвечая каким-то неназванным оппонентам, Асеев писал:

Имя мое, а не ваше
в стихах его семижды повторено.

Надо же было — сосчитать по всем тринадцати томам Маяковского!

Я видел едва ли не все памятники, фотографии, живописные портреты Маяковского, но больше всего — если не считать стихов — мне помогло понять, кем он был, пламя, загоравшееся в глазах его друзей, когда речь заходила о Владимире Владимировиче. Зажженные им и опаленные им, они до конца несли частицы этого пламени.

Однажды Николай Николаевич сказал:

— Перечитайте Маяковского. Там нет и двух стихотворений, написанных на одну и ту же мелодию. С одной и той же интонацией. Всегда заново, словно в первый раз.

Иногда мне казалось, что Асееву не верится, что они с Маяковским вместе рекламы сочиняли и вместе за девушками ухаживали.

Иногда казалось, что он и впрямь поверил в нечто острое и живое слово о том, что он, Асеев, только «деталь монумента».

На самом деле они были совсем разные поэты, с разными характерами, разными тембрами голоса, разными судьбами. Много раз мне встречались люди, предпочитавшие тенор Асеева басу Маяковского. Но Николай Николаевич не хотел об этом слушать. Как ветвь, захваченная ураганом, он сохранил верность урагану, шумел его шумом.

Телефонные звонки

Пописав с утра стихи и почитав Гоголя или Брет Гарта, Асеев в добром расположении духа носил длительные визиты (по телефону). В его звонках не было никакого конкретного дела. Это были беседы, споры, диспуты, перемежаемые легким ворчанием.

Я запомнил содержание одного такого звонка, может быть, из-за его длительности — сто минут. Сначала Николай Николаевич сообщил мне, что ему пришла в голову важная мысль: объем строфы и обычного четверостишия и редкостной октавы связан с объемом грудной клетки поэта. Ведь строфа — трибуны — читается, как правило, от вдоха до выдоха. Естественно, широкогрудый Маяковский мог уместить в строфу много больше, чем иные его художники. Эта мысль иллюстрировалась чтением пяти старинных стихотворений из сборника Кирши Данилова. Киршу Асеев по заслугам читал и постоянно пропагандировал.

Чувствуя, что я не вполне убежден, Асеев наизусть, не бегая за книгами, прочитал мне две старославянские молитвы и две греческие.

На этом теоретическая часть звонка была кончена. Пошли воспоминания. Я часто расспрашивал Николая Николаевича о героях его вещей.

Героиней поэмы «Королева экрана» была красавица 20-х годов, машинистка из «Огонька», снявшаяся в «Аэлите». Эта история была подробно рассказана. Потом перешли к Харькову, где я вырос и откуда Асеев вывез жену, Ксению Михайловну, «Оксану — жемчужину мира», которую он, Асеев, «из недр Малороссии вырыл и в песню оправил».

Потом к Хлебникову, бывавшему в доме сестер Ксении Михайловны Синяковых и написавшему о них поэму «Синие оковы».

И т. д. и т. п. — сто минут.

Молодые

Я никогда не видел у Асеева поэтов его поколения. В самом деле — восьмой этаж, лифт работает не так уж часто. Кроме того, поэты так усердно предаются культу дружбы в юности, что рано устают и выдыхаются (в этом отношении). Зато молодых поэтов, начинающих и начавших, он привлекал. Иногда Асеев звонил:

— Я хорошо себя чувствую. Присылайте побольше.

Была неделя, в течение которой были присланы Владимир Корнилов, Владимир Британишский и Виктор Соснора.

Асееву особенно по душе пришелся Соснора. В биографии этого, тогда еще совсем молодого, двадцатилетнего поэта были удивительные страницы. Мальчиком он попал в партизанский отряд, пережил его гибель, был ранен и спрятан в больнице врачами.

Но Асеева, конечно, подкупили и талант Сосноры и совпадения с литературными вкусами его, асеевской, молодости. Работая становником на большом ленинградском заводе, Соснора читал не то, что другие слесаря и другие поэты его возраста, а летописи, былины и больше всего «Слово о полку Игореве».

Горевший взор его затмевался воспоминаниями то о XII веке, а то и об XI.

Преданность родному слову, гремучим огнепальным летописям и сблизила двух поэтов — очень старого и очень молодого.

На балкон восьмого этажа асеевской квартиры взобралась молоденькая ива, прижилась и росла высоко над уличным грохотом, над обыденностью.

Когда на этот же восьмой этаж взбиралось нечто молодое, зеленое, неумелое, его встречали чество.

Пришел однажды неустроенный студент и стал собирать по забытым журналам забытые самим Николаем Николаевичем статьи. И насобирал целую книгу, целый том собрания сочинений.

Сейчас это Станислав Лесневский, член Союза писателей, критик и литературовед.

Пришел Юрий Панкратов. Никто не хотел печатать его книгу стихов. Николай Николаевич написал к ней предисловие. Никто не хотел печатать книгу, несмотря на предисловие. Тогда Николай Николаевич напечатал предисловие в журнале под названием «Предисловие к ненапечатанной книге». И книгу напечатали.

Если бы собрать в один зал всех поэтов СССР, а ведь только для поэтов с членскими билетами Союза писателей понадобился бы зал тысячи на полторы человек, и спросить:

— Кому Асеев помог делом?

Встали бы, наверное, сто — сто пятьдесят человек.

А если бы спросить:

— Кому Асеев помог словом, своей поэзией?

Встали бы, наверное, почти все.

Многоуважаемый шкаф

В 1956 году, когда Семену Кирсанову стукнуло пятьдесят, Асеев, которому к тому времени стукнуло шестьдесят семь, приветствуя юбиляра, сказал, что он, Асеев, «многоуважаемый шкаф», а Кирсанов — напротив, «музыкальная шкатулка». Действительно, к тому времени место Николая Николаевича в поэзии было столь бесспорно, что всякие споры о нем прекратились.

Между тем стоило прислушаться — и внутри многоуважаемого шкафа начинала звучать своя, асеевская музыкальная шкатулка.

Стариковские стихи Асеева, собранные в книге «Лад», прекрасны. Не раз там рифмуются и по-всякому комбинируются слова «песней» и «пенсией». Асеевская песня не вышла на пенсию даже тогда, когда самому певцу было по всем правилам выправлена пенсионная книжка.

Однажды заседала в Клубе писателей редакционная коллегия очередного «Дня поэзии».

Внезапно пришли и сказали: умер Асеев, надо спешно писать некролог. В некрологе должны быть даты, факты, названия книг. Дали мне тощенькое «Дело» с асеевскими анкетами, и там в графе «Ваше отношение к Союзу писателей» я прочел шутливый, но правомерный ответ: «Основатель».

Ушел один из основателей нашей советской поэзии.

1. ОЛЕГ ЧАХОВ И ЕГО ИГРУШКА

С профессором Олегом Чаховым я познакомился много лет назад, может быть, лет двадцать, когда он еще не был профессором и даже кандидатом наук. Тогда мы, откровенно говоря, над ним посмеивались. Посмеивались потому, что, будучи в Америке, он истратил все свои деньги на какой-то пластиковый пузырь с двумя рукавами и горловиной. Рукава заканчивались резиновыми перчатками. Надевая их и вворачивая рукава, можно было забираться внутрь пузыря, как при зарядке фотографических кассет в темный ящик. Пузырь был герметичен, и, когда его наполняли воздухом, он стоял на столе как небольшой, элегантный, совершенно прозрачный ангар.

— Для чего тебе этот настольный гараж? — спрашивали мы Олега. — Ты поставишь туда микроскопы, чтобы они не пылились?

— Внутри этой пластиковой камеры свой мир, — отвечал он нам. — Этот мир отделен от нашего, изолирован полностью. И когда-нибудь, когда привезут первые образцы почвы, влаги, растений или животных с других планет, их поместят в такие пузыри.

— Зачем?

— Чтобы неведомые нам микробы, если они окажутся в этих образцах, не распространились по земле. Они могут быть опасными для людей, животных или растений нашей планеты — Земли. Да и не только о микробах речь. Впрочем, вы правы. Этот пузырь действительно — всего лишь игрушка. Нужно строить целый изолированный город для возможных пришельцев из космоса. Его сначала надо будет собрать на чужой планете, притом так, чтобы при его сборке не попала внутрь ни одна пылинка извне.

— Уж не думаешь ли ты, — спросил я однажды, — что на планету, где возможна жизнь, люди привезут в своем космическом корабле такой большой и сложный пузырь, надуют его, войдут в него прямо из корабля и уж внутри соберут свою первую планетарную станцию?

— Именно так и будет, — ответил Чахов. — Жаль только, что до сих пор мы не начали отрабатывать все это на Земле. Нам все кажется, что на ближайших планетах жизни нет и что до других миров мы доберемся не так скоро.

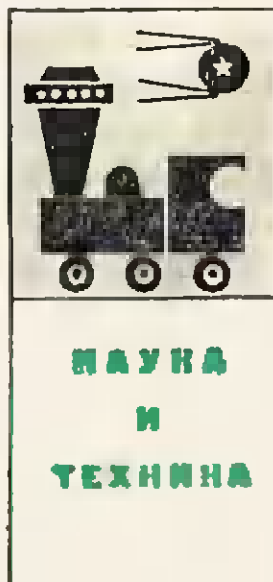

Рэм Петров,

доктор
медицинских наук

ГОРОД ГНОТО- БИОНТОВ

Научно-
фанта-
стический
очерк

Рисунки
В. Уризченко.

2. ВЕНЕРА ПРИКАЗЫВАЕТ

Этот очерк я начал писать давно. Но Олег Чахов, который к тому времени стал уже профессором, попросил меня отложить перо года на три. Было это так.

Однажды утром я включил приемник и услышал:

— Внимание! Работают все радиостанции...

Сообщалось, что совершена мягкая посадка автоматической станции на Венеру. Первые же стереофотоснимки, переданные станцией, говорили о наличии жизни на планете.

Я тотчас же стал искать Чахова. Поймал его лишь через неделю и в тот же вечер сидел у него дома.

— Где ты пропадал?

— Понимаешь, подписано решение строить Город Гнотобионтов. Сколько времени я добивался хотя бы лаборатории, выступал в институте, в академии, доказывал, что изучение жизни в изолированных от микробов, стерильных условиях — важнейшая проблема современности. Ничего не добился. Нужно было, чтобы приказала Венера! И теперь все надо сделать за полтора года. Все! Ты понимаешь, что это значит? Ни достаточного опыта, ни подготовленных кадров — ничего.

— Так уж и ничего. Ты ведь сам мне рассказывал, что хирурги стали делать операции внутри твоих пластиковых пузырей, засунув туда руки через рукава с перчатками.

Да, такие пузыри действительно были внедрены Чаховым в полевую хирургию несколько лет назад, и стерильные операции стали возможны в любых условиях, даже в окопе. Достаточно этот пузырь наложить на больного и разрез делать изнутри камеры. А потом в устроенных по такому же принципу стерильных камерах стали держать больных с большими ожогами, и обширные раневые поверхности теперь заживают быстро, без осложнений, так как на них не попадает ни один микроб. В некоторых клиниках лечат астму, помещая больных в пластиковые изоляторы. Они дышат воздухом, очищенным от всех бактерий, пылинок, от всех примесей, включая те неизвестные агенты, которые и вызывают у них приступы удушья — астму. В инфекционных больницах перестали опасаться заражения лечащего персонала и больных разными инфекциями друг от друга. Мне рассказывали, что с помощью пластико-

вого изолятора можно оперировать заразных больных, даже больных чумой, и хирург не подвергается риску заразиться. А в прошлом году был опубликован отчет Института иммунологии о результатах пятнадцатилетнего наблюдения за девятью детьми с агаммаглобулинемией. Дети, обреченные на гибель в первый же год жизни, от первой инфекции, великолепно живут в стерильных камерах вот уже пятнадцать лет.

Обо всем этом я напомнил Чахову.

— Да, да,— пробурчал он.— Мне ли не знать! Я сам монтировал камеры для Института иммунологии.

— Значит, есть опыт и кадры?

— Есть-то есть! Только не все знают, что всего было не девять детей, а тридцать. Двадцать одна камера за пятнадцать лет так или иначе вышла из строя. Инфекция прорвалась.

Потом профессор добавил:

— Конечно, причины неудач исследованы. Последние два года камеры работают, как часы. Подача стерильного воздуха гарантирована полностью. Система шлюзования для доставки стерильных предметов обихода, пищи и воды идеальна. Выброс отходов надежен. И все-таки одно дело — камера, а другое — городок. Стерильный городок. С абсолютной надежностью на десятки лет. И я назначен комендантом этого города.

Олег ходил по комнате, не скрывая своего волнения. Я сказал:

— Я напишу очерк о жизни в стерильных условиях, о науке, которая изучает ее.

— Не надо,— попросил он.— Подожди года три, я приглашу тебя в Город Гнотобионтов, покажу исследования, которые мы сумеем к тому времени выполнить, и тогда пиши. Уверен, будет о чем.

— Пусть будет по-твоему.

3. ГНОТОБИОНТЫ

Ия действительно не стал тогда писать. Зато в течение этих трех лет я многое узнал о гнотобионтах, о том, что за наука гнотобиология и какова ее история. С историей мне особенно повезло. Ее рассказал мне Томас Лаки, профессор Колумбийского университета, один из основоположников современной гнотобиологии. Прежде всего он объяснил само название «гнотобиология». Оно составлено из трех греческих слов: «гнотос» — известный, «биос» — жизнь, «логос» — наука. Наука о жизни в известных условиях.

— Разве мы с вами живем не в известных условиях? — спросил я.

— Конечно,— ответил Лаки.— Любой сложный организм на Земле, будь то растение, животное или человек, является полибионтом. На нашем теле, в дыхательных путях, в кишечнике, обитают сотни других видов живых существ — простейших бактерий, вирусов.

— Великий Мечников считал, что в большинстве бактерии кишечника вредны, они отравляют организм токсинами,— вспомнил я.

— Мой учитель считал иначе. Он полагал, что без такого совместного существования жизнь вообще невозможна. Собственно, с этого вопроса и началась история гнотобиологии. Послушайте. В конце прошлого столетия были проведены исследования с выращиванием растений в стерильных, безмикробных условиях. Было обнаружено, что некоторые бобовые не могут жить, если в почве у их корневой системы отсутствуют определенные бактерии. Первые годы исследований в области гнотобиологии животных составили период, в котором аппаратура и методы ботаников приспособлялись для безмикробных животных. Многие первоначальные неудачи были вознаграждены уже в первые 15 лет нашего столетия, когда были получены первые безмикробные мухи, цыплята и козлята. Это достижение явилось крупным фактом для теоретической биологии. Оно дало основание считать, что жизнь без бактерий возможна. Следующие два десятилетия были, так сказать, спокойными, дремлющими. Было опубликовано лишь 4—5 сообщений, но их оказалось достаточно, чтобы сохранить эту важную концепцию жизнеспособной. В 1936 году была опубликована монография моего сотрудника, профессора Глимстеда. Она показала важность использования безмикробных животных как объекта научного исследования. Для гнотобиологии начался новый период. В течение следующих двадцати лет в США, Швеции, Японии были выведены колонии безмикробных цыплят, крыс, морских свинок. Широкое применение безмикробных животных сильно ускорилось после того, как применили пластиковые изоляторы и «подшевели» безмикробные животные, сначала в США, а потом и в других странах. В 1966 году было опубликовано уже около 500 работ, в которых использованы гнотобионты!

Обдумывая рассказ Томаса Лаки, я обратил внимание на то, что он говорил все время о безмикроб-

ных животных, а закончил словом «гнотобионты». В то время мне это показалось даже странным. Ведь все, собственно, и делается для того, чтобы обеспечить стерильную изоляцию, обеспечить жизнь в стерильных условиях. Однако позже я понял: для гнотобиологии это не самоцель.

Да, стерильную изоляцию обеспечить можно!

Да, в стерильных условиях животные живут, развиваются, оставляют потомство.

Но это — только начало. Стерильное животное — всего лишь основа для изучения жизни в известных условиях. Оно лишь самый простой вариант гнотобионта. На его базе можно создавать контролируемые сочетания представителей нескольких жизней.

Если стерильного гнотобионта заселить одним из известных видов микроорганизмов, то их сожительство можно изучать по-настоящему, без дополнительных осложняющих помех. Такой гнотобионт называется моногнототрофом («монос» — один). Если вывести два вида микробов, то возникает новый вариант известного сожительства — с двумя постоянцами. Возникает дигнототроф («ди» — два). Понятно, что может быть создан тригнототроф и т. д.

Итак, гнотобионт — это организм, который не содержит живых микробов или содержит только известные исследователю.

4. В ГОРОДЕ

Чахов строил город. Потом заселял его гнотобионтами. Потом организовывал в нем специальные лаборатории. За прошедшие три года я видел его всего несколько раз, и то мельком. У него не было ни одной свободной минуты, а я ждал, когда истекнут назначенные им три года и я попаду в совершенно особенный мир. Как я проникну туда со всеми своими микробами? Как там вообще работают люди? Ведь они там словно на чужой планете, которую нельзя загрязнить земными микробами. Почему-то эти вопросы меня интересовали больше всего. Я не представлял, что буду гораздо больше потрясен другим.

— ...Вообрази огромную плоскую консервную коробку диаметром 250 метров и высотой 6 метров,— рассказывал мне Чахов по дороге в город.— Она сварена из нержавеющей стали и врыта в землю. Внутри этой герметической коробки наш город. Ничто не может проникнуть внутрь без стерилиза-

ции и контроля стерильности. Город соединяют с внешним миром шесть гидрошлюзов: два входных, наиболее сложных, и четыре для выхода и вывода контейнеров с ненужными вещами и отбросами из четырех районов города.

— Районы, конечно, изолированы друг от друга? — спросил я.

— Конечно. Все помещения-коттеджи внутри районов могут быть полностью герметизированы. Изолированно подаются стерильные воздух и вода. В городе свое атмосферное давление, оно чуть выше наружного, около 800 миллиметров ртутного столба. Как ты думаешь, зачем?

Я догадался, что в таком несколько повышенном давлении таится ответ на вопрос о том, может ли проникнуть в стальную коробку загрязненный воздух через какую-нибудь микрощель.

Машина остановилась у глухих ворот. Они бесшумно раздвинулись, и мы въехали на территорию гидрошлюза.

Ажурный переплет застекленной крыши высоко над головой, рельсы узкоколейки, два небольших проворных крана и несколько дверей справа от своеобразного широкого перрона напомнили мне крытый вокзал. Только перрон и рельсы кончались у бассейна. И здание, в которое вели двери, тоже обрывалось у самой воды.

— Это и есть вход в наш город. Только мы говорим не бассейн, а ванна.

— Обеззараживающая, иначе говоря, стерилизующая. Она наполнена специальным раствором.

— Мы будем нырять через нее в стерильную зону, как из теплой раздевалки в бассейн под открытым небом? — пошутил я.

— Именно так, — ответил Чахов без тени иронии. — Заходи в дверь.

Мы оказались в небольшой пластовой комнате. Все ее углы были закруглены. Пахло озоном от работающих бактерицидных ламп. Висели два...

— Скафандры, — перехватил мой взгляд Чахов. — Я помогу тебе одеться. Свой костюм можешь не снимать. Жарко не будет, обеспечено внутреннее кондиционирование в течение рабочего времени в стерильной зоне.

Скафандр состоял из двух частей. Нижняя эластично и мягко облегла мое тело. На уровне плеч шлем соединял с костюмом круговой валик, полый внутри. Под давлением в него подкачали бактерицидную жидкость. Давление сжало края соединения и опустило их в жидкость.

— Теперь, — прозвучал голос Чахова из-под шлема, — в следующую комнату.

Дверь отодвинулась, мы перешагнули порог и оказались в стальной камере. Через секунду загорелось табло «ГЕРМЕТИЗАЦИЯ ШЛЮЗА ОБЕСПЕЧЕНА». И сразу заработал душ.

— Мы подвергаемся первичной гермицидной обработке, — снова прозвучал из скафандра голос Чахова. — Через две минуты наступает полная стерилизация наружных поверхностей. Тем не менее мы проходим и ванну — для перестраховки стерильности, а главное, для контроля целостности скафандра.

Отъехала в сторону третья дверь, и мы оказались на решетчатой площадке следующего шлюза. Его стены уходили в уже знакомый зеленоватый раствор. Пол был решетчатый. Слева и справа высились стены, подобные шведским стенкам. Вспыхнуло табло «ПОГРУЖЕНИЕ!».

— Возьмись за перекладину и держись! — скомандовал Чахов.

Мы опустились не более чем на два метра, кабина наклонилась, легла набок и пошла вперед.

— Нырять, — услышал я в наушниках. — Держись крепче. Кабина совершит поворот на 360 градусов.

— Зачем? — спросил я и почувствовал, что скафандр раздувается.

— Это вроде проверки велосипедной камеры. Когда ищут маленькую дырку, велокамеру опускают в воду. Малейшие пузырьки, выходящие из скафандра, будут тотчас же зарегистрированы, и тогда кабина вернется назад.

Пузырьков, очевидно, не было. Кабина продвинулась еще на несколько метров и подняла нас в круглый зал.

— Ну, вот мы и в городе.

5. «ВСТРЕЧА С ТУЗЕМЦАМИ»

— Я покажу тебе только два наших района, — сказал мой проводник. — Район гнотобионтов и район гнотобиологических лабораторий.

Мы вошли в дверь сектора. Вдоль широкого коридора-улицы были расположены коттеджи-боксы. На перекрестке улиц нам встретилась самоходная тележка. Сидящий на ней человек в скафандре вез пластиковую камеру — «игрушку Чахова». Внутри камеры были крольчата.

— Привезли новую линию стерильных кроликов, будем размножать, — сказал профессор.

Тележка остановилась у входа в коттедж. Мы вошли, и я был поражен светом, солнечным светом. Подняв голову, я увидел небо, плывущие облака. Так вот она — верхняя крышка стальной коробки Города. В ней окна!

Мы находились в виварии, но совершенно обычном на первый взгляд. В клетках с автоматическими кормушками и поилками кролики жевали брикеты синтетического корма. Непривычными были только стеллажи с запаянными контейнерами слева у входа и вскрытыми, как большие коробки от шпрот, — справа. Но я уже видел эти контейнеры: в них доставляют стерильный фураж.

Молодой человек в скафандре внес камеру с крольчатами.

— В этом секторе, — пояснил Чахов, — нет ни одного микроба. Стерильных животных первично мы получаем не здесь и даже не в Городе, а за его пределами. Получаем в пластиковых изоляторах. После тщательнейших проверок камера со стерильными гнотобионтами проходит шлюзование через гермицидную ванну и поступает в один из коттеджей. Здесь сейчас их поместят в обычную клетку.

Молодой человек в скафандре поставил свою ношу на стол и вышел. К столу подошел другой юноша, разгерметизировал шлюзовое отверстие камеры и стал пересаживать крольчат в клетку.

— Олег! — с ужасом воскликнул я. — Почему он без скафандра?

Чахов рассмеялся. Юноша тоже.

— А ты помнишь о тех мальчиках и девочках с врожденной агаммаглобулинемией? Они всю свою жизнь жили в пластиковых изоляторах, как в камерах. Теперь они здесь. Это их город. Они коренные жители Города Гнотобионтов. Они здесь работают, учатся. У них дома с окнами на небо.

Ну, а на Большую землю им, увы, приходится выходить в скафандрах. Как нам сюда. Через гидростлюз.

Мы посетили коттеджи с безмикробными мышами, потом с обезьянами, с собаками породы чихуахуа.

Когда Чахов взял на руки маленького чихуахуа и тот стал играть с его пальцем, покрытым довольно тонкой перчаткой скафандра, я спросил:

— А вдруг во время работы случайно прорвется или проколется скафандр? Вся стерильность Города полетит к чертям?

— Нет. Это практически безопасно. Атмосферное давление в Городе, ты помнишь, около 800 миллиметров, а внутри скафандра 760. Если появится отверстие, ток воздуха пойдет в скафандр, а не из него. Средний слой материала, из которого изготовлен скафандр, при контакте с воздухом самосплавляется, за полсекунды затягивая отверстие. При больших авариях коттедж остается загерметизированным вплоть до выполнения сложных аварийных работ и полной внутренней стерилизации.

6. СЕКТОР ОТКРЫТИЙ

В лабораторном секторе Города царствовали пластиковые изоляторы. В каждом коттедже-лаборатории был зал с изоляторами, расположенными на длинных столах и подключенными к централизованному воздушному поддуву. Они были разных размеров и содержали различных животных в прозрачных клетках. Большая часть исследований проводилась на мышах, крысах, морских свинках, поросятах, меньшая — на собаках и обезьянах.

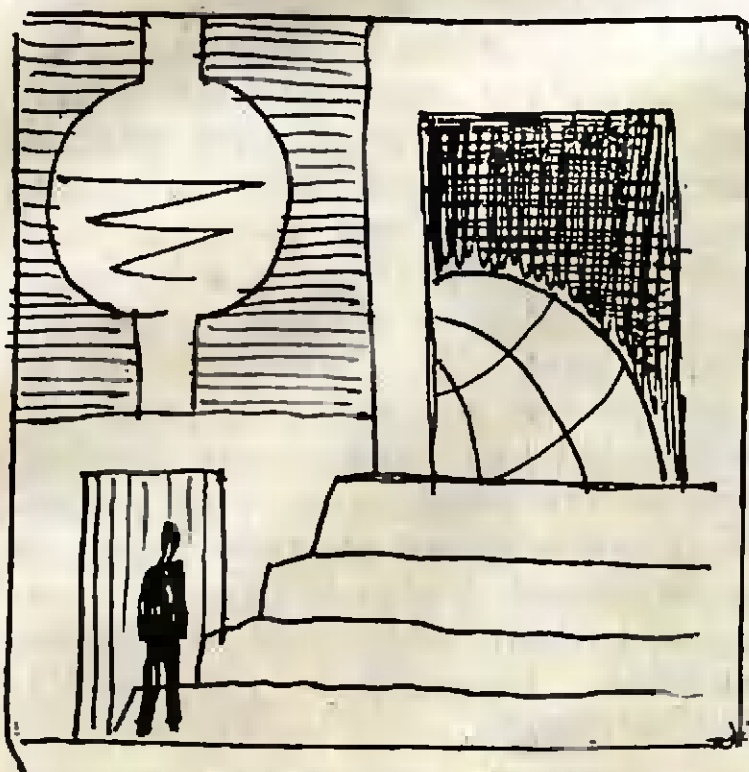
— Почему здесь всюду индивидуальные изоляторы? — спросил я. — Или, может быть, эти животные не гнотобионты?

— Ты забыл теорию, — улыбнулся Чахов. — Гнотобионты не обязательно без микробов. Они либо стерильны, либо содержат известных исследователю представителей микромира. Во многих изоляторах изучается в чистом виде взаимодействие животного организма с одним или несколькими микробами, роль контактов с микробами при развитии организма после рождения, значение микрофлоры кишечника для переваривания пищи, для обеспечения организма витаминами и так далее.

В лаборатории иммунологии Чахов рассказал мне о развитии иммунных сил организма, о развитии

системы, обеспечивающей его невосприимчивость ко всему чужеродному. Оказывается, если животное растет в безмикробных условиях, его лимфоидная система — главный орган иммунитета — не развивается. Для нее нет стимулов. Иммунная неполноценность стерильных гнотобионтов выражается в том, что, попадая в нестерильные условия существования, они быстро гибнут, не выдерживая массированного контакта с микробами. Этот дефект безмикробных гнотобионтов может быть устранен серией вакцинаций животных препаратами из убитых бактерий. Эта же особенность может быть использована при пересадке чужих тканей и органов. Как известно, именно иммунные силы создают барьер несовместимости тканей при пересадках. Именно лимфоидная система обеспечивает отторжение пересаженного чужеродного органа. А у безмикробных организмов она недоразвита. Иммунитет молчит. Возникает толерантность — терпимость к чужеродным тканям.

— А может ли это быть применено к человеку? — спросил я.

— Представь себе, может, — пояснил Чахов. — Безмикробные организмы обычно получаютсся двояко: либо от безмикробных родителей в таких вивариях, как ты только что видел, либо путем кесарева сечения, когда перед самыми родами плод хирургически стерильно извлекают из матки обычной «микробной» матери. Однако в последнее время довольно успешно разрабатываются методы перевода взрослых животных в безмикробное или близкое к этому состояние. Содержание в стерильных условиях, на стерильной диете, в сочетании со сложным циклом антибиотиков приводит к обеднению и почти полному исчезновению нормальной микрофлоры. Через несколько недель начи-

нается сопутствующая безмикробному существованию атрофия лимфоидной системы. Возникают условия успешного создания толерантности по отношению к трансплантату. Правда, на людях такой перевод в безмикробное состояние пока не осуществлен. Здесь необходимо еще многое уточнить, и мы уточним. Цель заслуживает усилий. Отмена несовместимости тканей при пересадках — заветная мечта хирургов.

Мы перешли в лабораторию питания. Чахов напомнил мне, что нормальная микрофлора кишечника у животных и у людей выполняет большую работу: расщепление таких веществ, как клетчатка, перевод ряда неорганических соединений металлов в органические, синтез витаминов.

— Последнее, — сказал Чахов, — самое интересное. У безмикробных животных очень трудно поддерживать витаминный баланс. Проблема их питания — основная задача лаборатории. Здесь постоянно совершенствуются синтетические корма. Нам уже известны истинно оптимальные соотношения различных витаминов для разных животных. Но этого мало. Было обнаружено, что у безмикробных гнотобионтов постоянно понижено содержание кальция в костях. Когда у обычных, микробных животных с помощью стерильного содержания и антибиотиков мы создавали обеднение микрофлоры, у них развивались нарушения кальциевого обмена, кости беднели в отношении своего основного материала прочности — кальция. Мы думали, не хватает витамина Д. Но все оказалось не так просто. Витамин Д не компенсировал нарушений. Расшифровка явления привела к открытию нового витамина — фактора кальцификации, мы назвали его ФК. При его недостатке всасывание кальция и его отложение в костях замедляется, при избытке же начинается повышенная кальцификация тканей — склероз сосудов, почечно-каменная болезнь и другие расстройства солевого обмена. А вырабатывается этот витамин микробами кишечника. Сейчас ФК передан клиницистам, которые уже сообщили нам об успешном применении химического аналога — антагониста ФК — при склерозе сосудов и камнях почек.

Когда мы пришли в лабораторию инфекционных болезней, нам показали изоляторы с моногнототрофами и дигнототрофами, то есть с гнотобионтами, зараженными одним или двумя видами микроорганизмов.

— Тебе, конечно, известно, — об-

ратился ко мне Чахов, — что до сих пор нет хороших препаратов, предупреждающих дизентерию, особенно амебную дизентерию, распространенную в странах Востока. Посмотри же, какие чудеса кроются в этих изоляторах. Вот это обыкновенные безмикробные свинки. Они живые и подвижные. Они здоровы. В соседнем изоляторе животных заразили три дня тому назад возбудителем дизентерии. Что ты видишь?

— У них взъерошена шерсть, они грязны и еле двигаются. Они явно больны.

— А теперь подойди к следующему изолятору, — позвал профессор. — Ты снова видишь здоровых, жизнерадостных зверей. Так знай, они тоже заражены дизентерией. Но вместе с возбудителями этой болезни им споили других микробов — особый вид кишечной палочки. И никакой дизентерии! Теперь смотри сюда. Вот еще три изолятора. В них три группы аналогичного опыта — только с амебной дизентерией. После заражения этим возбудителем стерильные гнотобионты не заболевают. Но достаточно вместе с амебой ввести кишечную палочку — и развивается тяжелейшая дизентерия.

— Значит ли это, что вы открыли способ борьбы с дизентерией посредством регуляции микрофлоры кишечника направленным воздействием на нее? — спросил я.

— Да, значит. И на очереди у нас грипп — эта неподдающаяся инфекция, до сих пор поражающая миллионы людей на всем земном шаре. С помощью дигнототрофов мы обнаружили безвредный вирус RV-200, в присутствии которого возбудитель гриппа не размножается и не вызывает заболевания.

В лаборатории фармакологии для меня тоже нашлись сюрпризы. Я знал, что эта отрасль медицины создает новые лечебные препараты и изучает механизмы их действия. Но я не предполагал, что с момента внедрения в практику безмикробных животных началась новая эра фармакологии. Я не предполагал, что механизмы действия многих лекарств раньше трактовались без учета взаимодействия с микробным фактором нормальной микрофлоры тела. Только теперь становились понятными истинные влияния многих лекарств

на клетки и ткани организма. Не случайно, например, что ряд японских фармакологических фирм применяет для апробации новых

лекарств именно гнотобионтов — безмикробных или конкретных гнототрофных животных.

Наши скафандровые три часа подходили к концу, и я видел, что Чахов не спешит показывать мне тот район города, который предназначен для приема живых объектов с других планет.

— Как называются внеземные формы жизни? — решил намекнуть я.

— Экзобионты, — ответил мой проводник. — А район города, отведенный для них, назван сектором экзобиологии. Но сегодня мы не попадем туда. Так что в другой раз.

И мы пошли к шлюзу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда научно-фантастическое произведение создает писатель, он имеет право оставлять читателя в неведении на тот счет, где выдумка, а где реальный научный факт. Но когда такое произведение пишет ученый, он не имеет права вводить читателя в заблуждение, иначе он предаст научную истину.

Это — мое глубокое убеждение, и потому прежде, чем закончить очерк, я должен сказать, где истина, где экспериментальные приближения к ней и где пока всего лишь фантазия.

Приказа с Венеры еще не было.

Города Гнотобионтов пока нет. Но полностью стерильные стальные лабораторные комплексы с несколькими комнатами для размножения животных и экспериментирования уже существуют. Процесс гидрошлюзования не выдуман мною: он описан в отчете стерильной лаборатории Института Рега в Лувене (Бельгия). Коммерческая доступность безмикробных животных в ряде стран — это реальный факт. Пластиковые изоляторы для получения и содержания гнотобионтов, использование таких изоляторов в хирургических и других клиниках — это практика наших дней. В стерильных камерах содержат ожоговых больных (госпиталь королевы Виктории в Англии), больных после трансплантации костного мозга (Институт канцерологии и иммуногенетики во Франции), больных после пересадки сердца (вспомните Блайберга, оперированного в Южной Африке Кристианом Барнардом), людей, страдающих бронхиальной астмой, и т. д. Однако детей с врожденной агаммаглобулинемией пока еще никто не содержал всю жизнь в стерильных условиях.

Некоторое опережение событий допущено мною и в главе «Сектор открытий». Действительно, кальций, железо и некоторые другие элементы нормально всасываются из кишечника только в условиях нормальной микрофлоры. При ее обеднении наблюдается частичная утрата кальция костями. Но фактор кальцификации (ФК) пока не открыт.

Действительно доказано, что результаты заражения организма одним микробом зависят от наличия или отсутствия других. Дизентерийная амеба не размножается при отсутствии в кишечнике кишечных палочек. Но до практического использования этого явления дело еще не дошло.

Таким образом, в моем очерке прифантазировано только то, что хотелось бы как можно скорее видеть. Он написан и как призыв развивать гнотобиологические исследования, пока есть время, пока не получен приказ с Венеры, пока не пришлось строить Город Гнотобионтов за полтора года, как в моем очерке. Ведь этот срок для такого дела тоже... фантастический.

Это самое настоящее лесничество, только у лесничих нет формы: приходится занимать три костюма у соседей и фотографироваться по очереди. А за дежурство в лесу ставят оценки — в журнал и в дневник.

Дмитровск-Орловский даже на карте Орловской области и то не сразу найдешь: так глубоко он в лесу запрятан. С областным центром его соединяет только узкая асфальтированная дорога. Теперь

гордостью сказала Валя, — а мальчишек я бы не очень-то брала, от них мало толку.

— Почему ты так думаешь? — вступаюсь я за мальчишек.

— С ними работать совершенно невозможно. Пришли мы однажды в лес, надо обход делать. У нас территория вон какая — всю никогда не обойдешь. Мы и не обходим, мы объезжаем. Зимой на лыжах, летом на велосипедах. Дело как раз летом было. Так мальчиш-

она, — и берем с собой самое необходимое: топоры, палатки, волейбольный мяч, радиолу на транзисторах и пластинки к ней. Рядом с лагерем — настоящее лесничество, там есть собака, она нас будет по ночам стеречь.

— Как же вы будете работать в лесу?

— Я уже говорила, что надо сделать обход, посмотреть, вдруг кто лес вырубает. Но мы, к счастью, еще ни разу браконьеров не встречали. Лес надо обязательно «подметать», убирать сучки засохшие, если надо, то рубить целые засохшие деревья.

— То есть пропалывать?

— Пропалывают в огороде, а в нашем лесном деле это называется «осветлять».

— Так, значит, это у вас практика?

— А ты думал, что? Нам и оценки обязательно поставят за практику по лесному делу. Между прочим, мы заговорились, а машины в лес уже уезжают.

Продолжить разговор с Валей мне так и не удалось, поскольку девочки и ребята сели в разные грузовики, а изменить мужской солидарности я не рискнул. В кузове «своего» грузовика я сразу же познакомился с одним из тех парней, о которых так категорически высказывалась Валя.

— Лагерь у нас прекрасный, — сказал он, — но девчонки?! Ты не поверишь, но никакого сладу с ними нет. Они разыщут какого-нибудь птенчика и ну над ним причитать. Или ягоды начнут собирать и все сами съедят...

А учитель биологии Ювеналий Андреевич Назаров, который тоже ехал в нашем грузовике, сказал мне:

— Ребята знают лес не хуже меня. Недавно мне показали, где бобры у нас водятся. А была история, когда на спор с другими школьниками мои ребята засадили каменистый овраг, в котором ничего не росло. Теперь там — роща, птицы поют.

А. ПЧЕЛЯКОВ

В ЛЕС — ЗА «ПЯТЕРКАМИ»

вы понимаете, почему в Дмитровской школе № 2 ставят оценки за дежурство в лесу? И не просто в лесу, а в своем, школьном лесничестве, которому на территории «взрослого» — Неруссовского — выделили четыреста двадцать пять га леса. В прошлом году дмитровцы заняли второе место по РСФСР среди школьных лесничеств.

— Расскажи, пожалуйста, как вы этого добились, — спрашиваю я старшего лесничего Валентину Мироничеву, окончившую в этом году девятый класс. Валя отвечает, что довольно просто, так как школьных лесничеств почти нигде нет и занять второе место не представляло особого труда.

— А что, из вашей школы в лесничество всех берут?

— Девочек всех берут: они всегда дисциплинированные, — с

ки один велосипед спрятали. Подвесили его на самую высокую сосну. Пока велосипед искали, у нас все дежурство пропало. Это еще что, а вон видишь того парня, он из стрелкового кружка. Мы в лес скамейки ставим и вешаем щиты с надписями и лозунги. Он как придет с «духовушкой» в лес — плакали наши щиты... Вот и посуди после этого: можно ли с мальчишками в лес ходить.

Признаюсь, я не нашел, что возразить. Пришлось мне перевести разговор на другую тему и спросить, зачем это возле школы стоят грузовики. Валя разъяснила, что я приехал как раз в день открытия лагеря для лесничих и что на этих грузовиках ребята будут переселяться в лес.

— Жить будем в самых первобытных условиях, — продолжала

ШАХ-
МАТЫ

Алексей
Самойлов

ПУТЬ К СЕБЕ

Фоторепортаж Геннадия Куруса и Юрия Моргулиса.

Ругает себя:
— Играл ненатурально, было много неоправданных экспериментов.
Читает «Великого Гэтсби»:
— Чистая, по-американски наивная вещь.
Радуется новому знакомству:
— Сними с меня «культурную одежду», и ничего не останется. А здесь оригинальный, натуральный человек.

Натуральность слога, душевного движения, шахматного стиля, верность натуре Борис Спасский ставит чрезвычайно высоко. «Натуральный» не случайное слово, а точка отсчета, синоним многих важных, существенных понятий, отношений, связей.

В десять лет — перворазрядник, в восемнадцать — чемпион мира среди юношей, в тридцать два — лучший шахматист планеты. Биография человека, двадцать лет находящегося в поле всеобщего внимания, в основных чертах хорошо известна. За эволюцией его стиля следят специалисты. Попробуем, конспективно хотя бы, проследить его «путь вверх» как путь к себе, как воплощение, осуществление себя.

Его редкие шахматные способности проявились в раннем детстве. И физически он был одарен: подавал большие надежды как прыгун в высоту, отлично плавал, увлекался боксом. Чемпион мира среди юношей по шахматам, международный гроссмейстер, берущий планку на 180-сантиметровой высоте, «красивый сам собой», скромный, воспитанный, начитанный — так умильно писали о нем в те годы. Но

этот «гармонично развитый молодой человек» был и сложнее и противоречивее.

Он не знал бы многих хлопот, жизнь его была бы безмятежнее, если бы он получил от природы к большому таланту большую силу воли, усидчивость и трудолюбие исследователя, устойчивость к внешним помехам разного рода. Но талант Бориса был заключен в оправу характера совсем не кремневой твердости.

Работать над шахматами ежедневно помногу часов он не умел: были «запойные» черно-белые дни — ничего, кроме шахмат; были иные недели — все цвета, кроме черного и белого, все, кроме шахмат. Иногда ему претило ожесточение шахматной борьбы. Самокритичный до крайности, самолюбивый, он чересчур сильно упрекал себя после за упущенные возможности. Впечатлительный, он слишком долго жил окончившейся партией. Неуравновешенный, он на финише важнейших турниров мог растерять все. Так было в Риге в 1958-м и в Москве в 1961-м, когда Спасский на шесть лет исключил себя из числа соискателей высшего шахматного звания.

Его воспитывали хорошие наставники — В. Г. Зак, А. К. Толуш, И. З. Бондаревский. Его воспитывали шахматы, развивающие не только самостоятельность мышления, но и твердость характера. Но ничто не

Вверху на снимке: Борис Спасский в день открытия матча беседует с одним из его арбитров, чехословацким гроссмейстером Филиппом.

помогло бы ему, если бы в себе самом не нашел он материала для перестройки, если бы не самовоспитание, не придирчивый, безжалостный самоконтроль, предельная искренность с самим собой.

После второго поединка с Петросяном Спасский сказал:

— Хотелось в этом матче быть ближе к себе. Играть чисто, не мудрствовать.

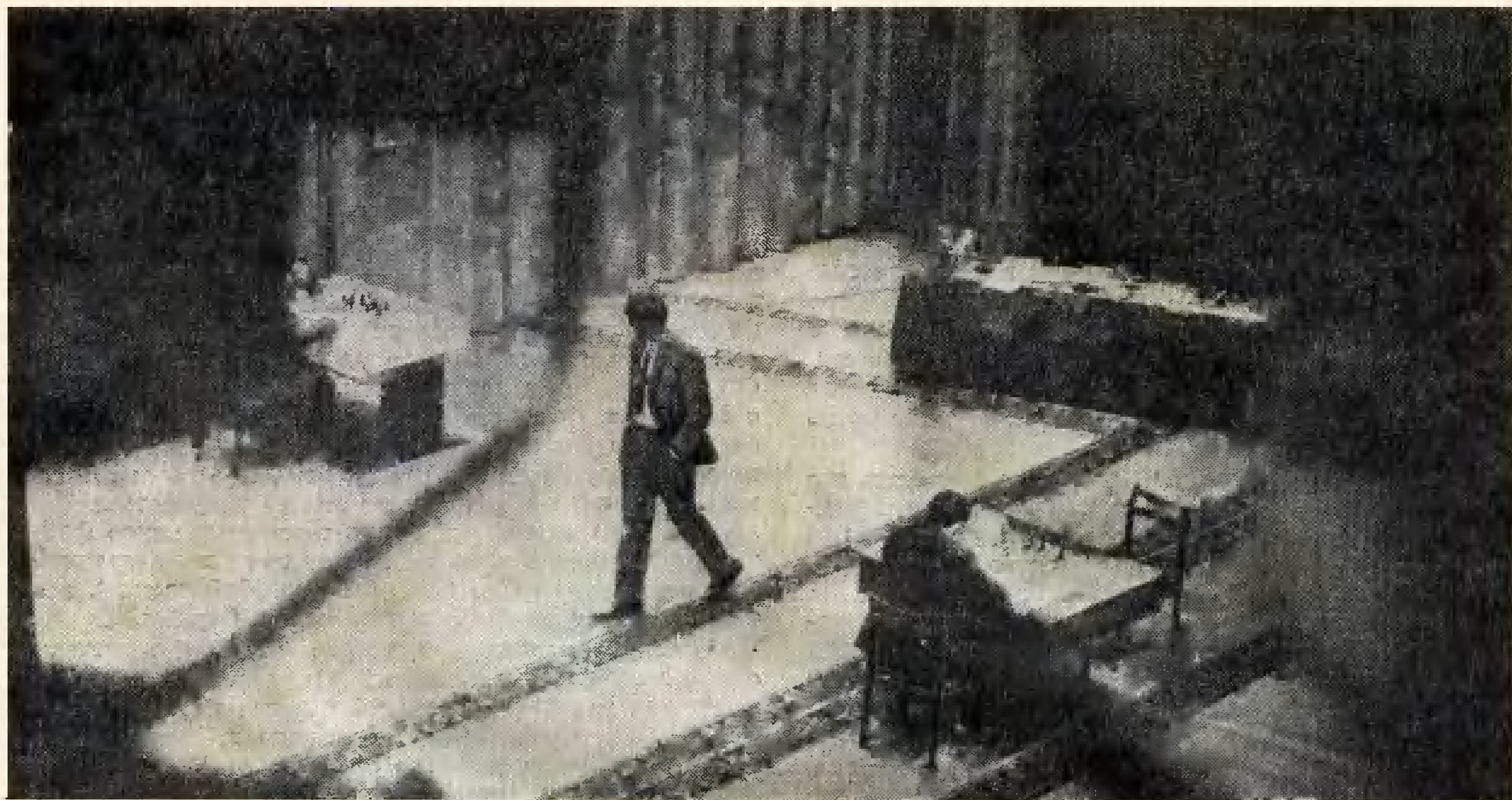
Пожалуй, второе по частоте употребления слово в его лексиконе — «ясность». Помню один из прошлогодних сентябрьских дней в Киеве, пустую аллею парка над днепровской кручей. До начала девятой партии финального матча претендентов оставалось

около двух часов. Говорили о чем угодно, только не о шахматах. Неожиданно для меня (его, очевидно, и не оставляли в тот день мысли, связанные с пред-

Вверху: Тигран Петросян ликует — он выиграл партию! Он охотно принимает поздравления темпераментных болельщиков. Вы, очевидно, догадываетесь, что этот снимок сделан в начале матча.

У Спасского было не меньше поклонников, чем у Петросяна, но он держался от них на некотором отдалении: боялся пасть жертвой «шахматной лихорадки». Внизу вы видите Бориса вместе с его тренером Игорем Бондаревским.

стоящей партией, матчем, с шахматами) Борис заговорил о своем понимании шахмат:

— В шахматах стремлюсь к ясности, гармонии. Лучшими своими партиями считаю те, в которых сыграл логично, чисто по стилю, без вымучивания и в то же время с огоньком. Шахматы — все-таки прежде всего игра. Замечательная игра. В ней сталкиваются, закаляются характеры. Шахматы заставляют быть сильным, даже если ты этого и не хочешь.

Июньская ночь в Москве. Тихая зеленая улочка в районе Суховского вала. Во всех городах Борису

нравятся эти старые улицы, зеленые, потаенные, настраивающие на созерцание, помогающие снять возбуждение боя. Позади отложенная 23-я партия матча с Петросяном, судя по всему, последняя. Анализ показал, что у него есть несложный путь к выигрышу.

Вверху: сцена Театра эстрады. Спасский сделал ход и невозмутимо прогуливается по сцене. Вряд ли он более спокоен, чем Петросян, но он умеет скрыть свои эмоции.

Внизу: к концу матча Петросян уезжал домой в несколько ином настроении, чем прежде.

Но ему достаточно ничьей для общей победы, и не надо больше ожесточения борьбы, завтра утром — решено — он позвонит Альбертику О'Келли и предложит сопернику ничью. А сейчас он пытается увидеть самого себя со стороны, объяснить себе Спасского — шахматиста, вышедшего с честью из единоборства с Тиграном Петросяном.

— Матч показал: мне по душе игра чистая, с ясным планом, активная, предприимчивая.

Идет крупным шагом, сцепив руки в замок за спиной, словно меряет сцену Театра эстрады.

— Чем старше становишься, тем больше видишь недостатков в своей игре. Надо работать, работать. Если буду неутомим в этом, в ближайшие год-два буду хорошим шахматистом, может быть, даже очень хорошим.

Согласитесь, несколько удивительно слышать это от чемпиона мира, пусть даже без пяти минут чемпиона. Не знал бы его много лет, подумал бы: кокетничает, набивает себе цену, играя «на понижение». Но не водится за ним такой слабости. И на чрезмерную скромность — сестрицу самоуничижения, что паче гордыни, — это не спишешь. Спасский чувствует свою силу, сознает истинные потенции и обязан быть к себе беспощадным.

Непредубежденность, тактичность, корректность, доброжелательность, обостренное чувство справедливости привлекают в этом человеке. Но и чопорности, педантизма, часто являющихся оборотной стороной корректности, не найдется у Бориса. Да, Спасский умеет владеть собой, и ни один мускул не дрогнет у него на лице, когда он погружен в игру на виду у большого зрительного зала. В президиумах сидит строгий, даже хмуроватый. Но в его душе нет осенней слякоти. Он не затворник, не отшельник. Склонность к уединению хорошо уживается с потребностью к общению. Самобытный юмор, безусловный имитационный дар (его «глаз» фотографирует

человека моментально) помогают в дни матчей Борису переносить тяжкие перегрузки ожесточенной борьбы.

Михаил Таль писал, что в трех матчах 1965 года — с П. Кересом, Е. Геллером, М. Талем — мы увидели трех Спасских: Спасского-стратега, Спасского-тактика, Спасского-техника. Подобное «расчленение» весьма условно: даже в одной партии, не говоря уже о целом матче, приходится решать стратегические, тактические, технические задачи. Но тенденция к перемещению центра тяжести борьбы в зависимости от индивидуальности противника прослежена точно. С Кересом основной упор делался на завязывание острой борьбы в миттельшпиле — середине партии, с Геллером, большим знатоком дебютов, Спасский завязывал сражение уже в начальной стадии борьбы, не давал ему захватить инициативу, ибо Геллер чрезвычайно опасен в атаке и не любит защищаться. Таль, ищущего «покой» в бурях, темпераментного фантазера, Спасский затягивал не в омут комбинационных осложнений (это было бы самоубийственно), а в тихие воды спокойной маневренной борьбы.

Но семь отборочных турниров и матчей вымотали его, опустошили шахматный арсенал. Превосходно подготовленный, сохранивший больше нервной энергии, Тигран Петросян играл отлично и, несмотря на отчаянное сопротивление Спасского, заслуженно победил. Именно тогда, на пресс-конференции после матча, Спасский и сказал:

— Я играл ненатурально, было много неоправданных экспериментов.

Подстраиваясь под разных соперников, он в какой-то мере уходил от самого себя. Но не это было главной причиной того, что Спасский вынужден был во многом изменить своей натуре, творческой индивидуальности, отойти от самого себя и перед очередным циклом матчей соискателей высшего шахматного звания оказался в серьезном кризисе.

Спасский выходит из Центрального шахматного клуба после доигрывания — он только что сдал партию. Гроссмейстер Николай Крогиус (справа), который помогал в ходе матча Спасскому, делает вид, что не слышит реплики одного из болельщиков Петросяна: «Ну что, помогла психология?» (Крогиус по профессии — психолог.)

— Спасский играет так, будто бы он не получает от этого удовольствия. Стил Спасского за последние несколько лет ушел далеко от смелой и предпримчивой игры, свойственной ему ранее. Он стал в большой степени выжидающим игроком, что, по моему мнению, стоило ему матча с Петросяном, — заявил Бент Ларсен в интервью американскому журналу «Чесс ревью».

Возможно, датский гроссмейстер выразился слишком категорично, однако во многом он был прав.

Но ведь что-то заставило Спасского стреножить фантазию, обуздать в себе художника, стать более трезвым, практичным, осмотрительным?

Это «что-то» — изнурительный, выматывающий отбор. Прежде чем получить аудиенцию у «короля», Спасский прошел через горнило четырех отборочных турниров и трех единоборств с сильнейшими гроссмейстерами. А подниматься со ступени на ступень — значит все время думать о спортивных результатах, не допускать риска, поступаясь во многом творческими моментами, не позволять себе играть в свое удовольствие, не допускать ни малейшей расслабленности. Даже самый неисправимый романтик, проходя через систему отбора ФИДЕ, трезвеет, превращается постепенно в прагматика.

Чтобы выйти из кризиса, Спасскому надо было разобраться в себе самом, в шахматах, взглянуть на себя как бы со стороны. Турниры с их азартом, гонкой и прочими прелестями мало подходили для этого. И Спасский предпочел уединение, затворничество. Полгода перед сухумским поединком с Геллером Борис не выступал в соревнованиях. Ему хотелось пересмотреть свои творческие позиции, покопаться в самом себе, изменить в какой-то степени стиль, как он сам выразился, «от сугубо практичных, деловых, в худшем смысле слова профессиональных шахмат прийти к более импровизированному, творческому, дерзкому».

В новый этап борьбы он вступил иным, изменившимся. Но в коротких матчах с Геллером, Ларсеном, Корчным проведенная им перестройка, переосмысление своего шахматного «я», приближение к себе сказались менее очевидно, чем в повторном поединке с чемпионом мира. В коротких матчах, где одна-две партии могут оказаться решающими, на первый план выдвигается негативная сторона, главное — не дать сопернику развернуться. В матче из 24 партий, в матче, победитель которого получает титул первого шахматиста мира, для успеха необходимо не только и не столько опровергнуть, сколько утверждать, больше рисковать, чем выжидать. И в конечном счете именно своей смелости, агрессивности, предприимчивости, богатству фантазии обязан Спасский победой над Петросяном.

— Матч с Петросяном обнаружил новые несовершенства моей игры, — сказал Спасский в день своего триумфа гроссмейстеру Николаю Крогиусу.

Борис верен себе и в день триумфа. Акцент у него всегда не на том, что сделано, достигнуто, освоено, а на том, что надо сделать, в чем надо успеть. Он получил гуманитарное образование (окончил отделение журналистики филологического факультета Ленинградского университета), немало, но гораздо меньше, чем хотелось бы самому, изучал самостоятельно русскую историю, увлекался и увлекается философскими трактатами (давняя привязанность — «Опыты» Монтеня), его притягивает сложный мир современной биологии, он постоянно обращается к Пушкину, Достоевскому, Льву Толстому, испытывает наслажде-

Только что закончилась пресс-конференция, которую Борис Спасский давал как новый чемпион мира. Журналисты разошлись. Борис наконец остался один...

ние от Бунина, Пастернака, ему нравится Окуджава, он не может жить без музыки: его сердцу многое говорят Скрябин и Шопен, он любит слушать Шалыпина и Вертинского, современных певцов американского джаза.

— Только сейчас, когда перевалило за тридцать, я почувствовал истинную потребность учиться. Как много прошло мимо меня, как много хочется узнать!

Спасский верен себе: акцент на том, что надо успеть сделать.

К званиям, в том числе и к своему званию чемпиона мира, он относится с некоторым предубеждением. Его искреннее уважение вызывают люди, хорошо делающие свое дело, мастера, осуществившие себя полностью, будь то футболист Пеле, плотник Мышев (тот самый, с острова Киж), актер Габен, ученый-космонавт Феоктистов. Помню, однажды он так сформулировал свое кредо:

— Способность, умение, смелость оставаться при всех обстоятельствах жизни самим собой, выразить себя до конца, полностью себя осуществить.

Алексей Талызин

ПОЧЕМУ МЫ ИГРАЕМ В РЕГБИ

Фото А. Карзанова.

Утверждаю и готов утверждать бесконечно, что регбист — носитель вечной, никогда не стареющей моды, моды на настоящего мужчину, нет, не на супермена, не на огромный бессмысленный кусок мышц, а на бесстрашного духом мужчину, который в «вечном бою», мужчину, который добивается своих побед в суровой и опасной борьбе. Недаром еще А. В. Луначарский заметил, что из регбистов, несомненно, должны выработаться замечательные борцы как на поле битвы в собственном смысле, так и на поле битвы житейской... Облик такого мужчины всегда, во все времена, был неизменно притягателен.

И тот, кто преувеличенно печется о своем здоровье, никогда не станет заниматься регби, а предпочтет питаться витаминами и поднимать гантели, ибо самое страшное для него — получить повреждение, которое будет портить гармонию его рельефного тела.

Когда-то считалось, что «добрый шрам» украшает мужчину. Те романтические времена давно миновали. Но неужто картинное совершенство культуриста становится нынче образцом мужественности? Конечно, приятно иметь мышцы настоящего мужчины, но сперва надо обрести его дух.

Но почему же все-таки регби, именно регби? Можно играть в баскетбол или волейбол, заниматься футболом или борьбой. Нисколько не умаляя достоинств всех этих видов спорта, я все же осмеливаюсь заявить, что в каждом из них в отдельности «чего-то не хватает» (это — субъективное мнение регбиста, и я его, разумеется, никому не навязываю). Все-таки футбол — это в основном ноги, в какой-то мере корпус, а руки целиком выключены; в баскетболе, а тем более в волейболе, нет силового единоборства, а в борьбе слишком мало движения — только в пределах ковра. Правила каждого из этих видов спорта довольно ограничены: что разрешено в одном, категорически запрещено в другом. Так вот, кого это не устраивает, тот, оказывается, может заниматься всем одновременно, играя в регби. Регби — это что-то вроде многоборья, проводимого по всем составным видам

сразу, одновременно. Вот где «житуха» любителям острых ощущений, вот где поистине ощущаешь то, что в психологии спорта именуется «мышечной радостью». Здесь к регби ближе всего хоккей.

Меня осеняет шальная мысль: «Что, если бы в регби играли во времена Киевской Руси?!» Я абсолютно убежден, что эта игра была бы любимейшим развлечением Ильи Муромца со всей его «дружинной хороброй», которая наверняка стала бы отменной регбийной командой — чемпионом Киевской Руси», например. Хитрый Алеша Попович лихо действовал бы на краю, в линии так называемых трехчетвертных, где, как правило, в регбийных командах выступают самые «шустрые» и маневренные игроки. Нашлось бы дело и Добрыне Никитичу в «мозговом центре» команды — в линии полузащиты. (В этой линии, как и в футболе, в регби закладываются программы будущих атак и отсюда «выдаются» молниеносные и в то же время мудрые решения.)

Ну, разве может человек с истинно богатырской, ратной душой устоять против соблазна остаться одному против четверых, а то и шестерых здоровых парней, стремительно выходящих с мячом к его зачетному полю! А он один... И зачетное поле не ворота. Оно во всю ширь поля. И остановить атаку он может не перехватом мяча, а перехватом игрока, непосредственно вступая с ним в суровую и бескомпромиссную борьбу. А противников много!

Вот тут и кумекай головой, и боже тебя упаси дрогнуть, смалодушничать, короче, струсить. Тогда это уж точно: все, конец. И если ты такой, тогда лучше не выходи на поле совсем. В такой ситуации есть от чего «взыграть» крови или затрястись коленкам. Поэтому люди, склонные к коленной дрожи, в регби не задерживаются. Для них есть занятия спокойнее и безопаснее. Например, сидеть на трибуне и снисходительно посмеиваться над «примитивными идиотами», несущимися, как стадо баранов».

Если вы когда-нибудь услышите такое на трибуне во время игры в регби, знайте: эти слова не от чистого сердца, не от души.

Любопытно: я ни разу не слышал ни от одного сколько-нибудь крупного, известного спортсмена ничего дурного о регби. Наоборот, большинство из них живо интересовалось событиями и положением на регбийном «фронте», а многие с интересом посещали матчи регбистов. Хороший мастер умеет ценить хорошее творчество, и когда игра регбистов действительно стоила того, восхищались ею. При этом борцы отдавали должное захватам, а футболисты (даже знаменитые) — выдающимся ударам по воротам из отнюдь «неголевых» положений.

А противник регби продолжает спрашивать: «Не ужели тебе приятно, когда всю игру тебя швыряют, как куклу?» Но ведь швыряют-то в регби чаще всего тех, кто играть не умеет. Лезть на рожон не велико умение. Нужно голову иметь на плечах, чтобы сообразить, да еще в считанные секунды, как сыграть эффективно и с «малыми потерями». (Я хотел сказать «с малой кровью», но это распространенное выражение нам, регбистам, противопоказано: слишком многие захотят понять нас буквально. А это только и надо таким: «Смотрите, сам регбист говорит о крови!») Тот, кто захочет играть в регби «без головы», прямолинейно, напролом, — тот действительно скоро устанет лечиться от травм. Если поговорка «дураков бьют» соответствует действительности, то она более, чем где-либо, применима к регби (опять оговариваясь: «бьют» здесь сказано не в буквальном смысле, ибо в регби разрешены удары только по мячу, но не по игрокам).

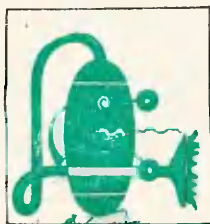
В 1962 году я приехал в Донецк в составе москов-

ского «Спартак» на показательный матч с МВТУ. Когда наш автобус подъехал к стадиону, его обступила огромная, притихшая в недоумении толпа зрителей, пришедших посмотреть диковинку. Мне кажется, публика была несколько шокирована, увидев обычных парней, выходящих с сумками из автобуса. Ведь уже столько лет они читали и слышали кругом, что в регби играют существа, чуть более цивилизованные, чем питекантропы. Но мы, к великому разочарованию, оказались обычными людьми. Думаю, поначалу зрители почувствовали себя крупно обманутыми. Но затем нам удалось «показать» регби. И уже вечером нас узнавали на улице, к нам подходили незнакомые люди, благодарили и спрашивали с надеждой, не будем ли мы играть второй матч. Я, помнится, тогда еще подумал, что в регби, вероятно, есть что-то притягательное именно для шахтеров, людей мужественных и сильных и потому умеющих лучше других ценить эти качества. Ведь недаром в Уэльсе — стране шахтеров — регби самая популярная и любимая игра.

А вот в сентябре 1968 года в Воронеже, на финальных играх первенства СССР по регби, в заключительный день соревнований, я уже видел толпы у касс. Очередь на стадион явно превосходила очередь в цирк, где в это же время выступал единственный в стране цирк лилипутов. В толпе я услышал реплику, прозвучавшую как высшая похвала: «Как во время футбола...»

Не правда ли, в последнее время что-то очень уж расплодилось «опасные» виды спорта? И чаще всего ими занимаются люди интеллектуального труда, малоподвижного, физически малоопасного, поскольку мужчина должен оставаться мужчиной. И вот интеллектуалы выбирают альпинизм, самбо, туризм на плотах по горным рекам, путешествуют по океанам на плотах и в лодках, в одиночку и в мини-коллективах. Выбирают и регби. Ибо не только для мужественных и сильных шахтеров есть что-то притягательное в этой игре!

А. Курляндский А. Хайт

АКСИОМА

Учитель отошел от доски и отряхнул пальцы от мела.
— А теперь запишите: две параллельные прямые никогда не пересекутся, сколько бы мы их ни продолжали.

Ученики склонились над тетрадями.

— Две параллельные прямые... ни-ког-да... не пересе-кут-ся... Сидоров, а ты почему не записываешь?

— Я думаю.

— О чем ты думаешь?

— Почему они не пересекутся.

— Как почему? Я же объяснил, потому что они параллельные.

— Значит, если их продолжить на километр, они тоже не пересекутся?

— Конечно.

— А если на два?

— Также нет.

— А если на пять тысяч километров продолжить, они пересекутся?

— Нет.

— А это кто-нибудь проверял?

— Это не надо проверять. Это и так ясно. Потому что это аксиома... Семенов, скажи нам, что такое аксиома.

С соседней парты поднялся аккуратный мальчик в очках:

— Аксиома — это истина, не требующая доказательств.

— Правильно, Семенов, — сказал учитель, — садись... Ну, теперь понял?

— Это я знаю, только я не пойму, почему они не пересекутся.

— Потому что это и есть аксиома. Истина, которую не надо доказывать.

— Так это любую теорему можно называть аксиомой и не доказывать.

— Любую нельзя.

— А почему эту можно?

— Фу, какой ты упрямый... Ну, вот послушай, Сидоров, тебе сколько лет?

— Одиннадцать.

— А на следующий год сколько будет?

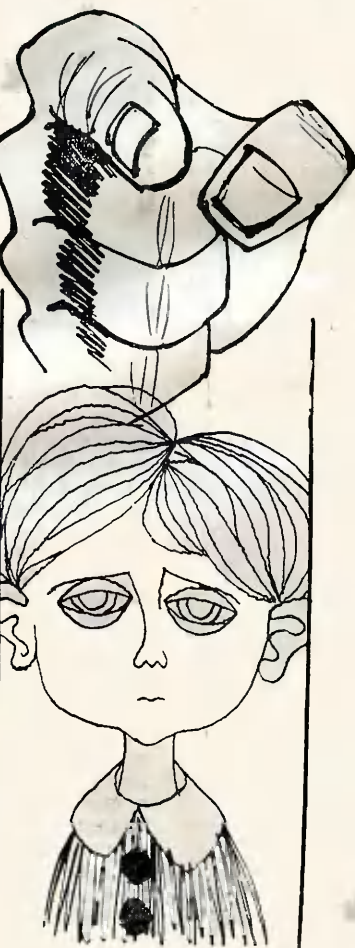

Рисунок И. Бронникова.

— Двенадцать.

— А еще через год?

— Тринадцать.

— Вот видишь, с каждым годом человек становится на год старше. Это тоже аксиома.

— А если человек вдруг умрет?

— Ну и что?

— Он же тогда через год не станет на год старше.

— Это — исключение. Ты меня на слове не лови. Я могу тебе и другой пример привести. Я мог бы тысячи примеров привести. И доказать. Только это не нужно. Потому что аксиоме не надо доказывать.

— А если это не аксиома?

— А что?

— Теорема. Тогда ее надо доказывать?

— Тогда надо. Но это аксиома.

— А почему?

— Потому что это Эвклид сказал.

— А если он ошибся?

— Ты что, может, думаешь, что Эвклид глупей тебя?

— Нет, я так не думаю.

— Так что же ты споришь?

— Я не спорю. Я просто думаю, почему они не пересекутся.

— Потому что не пересекутся! Не могут они пересечься. На этом вся геометрия построена.

— Значит, если они пересекутся, то вся геометрия неправильная?

— Тогда да. Но ведь они не пересекаются... Вот, смотри, видишь я по доске веду... Ну что, пересекаются?

— Пока нет.

— Хорошо, смотри, вот я по стене веду... Пересекаются?

— Нет.

— Что тебе еще надо?

— А дальше, за стеной?

— Теперь я понял. Ты просто хулиган. Ты все прекрасно понимаешь. Ты назло мне не хочешь согласиться.

— Но я правда не понимаю.

— Ну, хорошо, Эвклиду ты не веришь. Его ты не знаешь. Но меня-то ты знаешь? Мне ты веришь? Так вот, это я тебе говорю, что они не пересекутся... Ну, что ты молчишь?

— Думаю.

— Ну вот что, Сидоров. Или ты сию же минуту осознаешь, что они не пересекутся, или я тебя выгоню вон из класса. Ну?

— Не могу я этого понять, — захныкал Сидоров.

— Вон! — закричал учитель. — Собирай портфель и за родителями.

Сидоров собрал портфель и, всхлипывая, вышел из класса.

Учитель устало опустился на стул. Несколько секунд все сидели молча. Потом учитель встал и подошел к доске.

— Ну, хорошо, ребята. Продолжим урок. Запишите следующую аксиому: через две точки можно провести прямую, и притом только одну.

Наташа Ребикова,

ученица 9-го класса 203-й школы г. Ленинграда

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ СТОЛ

Из школьного рукописного журнала «Тропинка»

Стоит он, этот многострадальный стол, в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, в просторном читальном зале, и даже открывать его не надо: подходи и читай. Здесь представлено все многообразие настольно-литературных жанров. Правда, встречаются еще на традиционные рожицы с длинным носом и рожками и хрестоматийной подписью

Я-морда твоя

Но это уже архаизм.

Совершенно в духе нашего строгого атомного века стол испещрен формулами типа:

$H_2O = OH + \text{ЕЩЕ ЧЕГО-ТО}$

Тут же разворачивается дискуссия на одну из самых животрепещущих тем, волнующих школьников от 12 до 15 лет:

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

Ниже идут ответы:

ЛЮБОВЬ — ЭТО ЗУБНАЯ БОЛЬ В СЕРАЦЕ

ЭТО КРИК ДУШИ, КОТОРОГО НИКТО НЕ СЛЫШИТ.

ЛЮБОВЬ ЭТО ПРИВЕТ АНГЕЛОВ ЗВЕЗДАМ.

Гого и я

ВЛЮБЛЯТЬСЯ В ТАКОМ ВОЗРАСТЕ НЕПРИЛИЧНО. МОЖНО ТОЛЬКО ДРУЖИТЬ ИЛИ ВООООЩЕ НИЧЕГО.

Староста 4«А»

ЛЕНА МАШЕЧКИНА

Немолбленная настольная форма — диалог.

ТЫ ДУРАК

А ЧТО ЕСЛИ ЭТО МОЕ МАЛЕНЬКОЕ ХОББИ?

Большую популярность получил отдел «Старинный романс в новейшей модификации»:

УЖ НЕ ЖДУ ОТ ЖИЗНИ НИЧЕГО...

(Провалившийся.)

Первая половина стола — сплошная мемориальная доска. Изящной резьбой по дереву выполнены надписи:

ЗДЕСЬ 24.1.69 с 15⁰⁰ до 15⁰⁷ РАБОТАЛИ, НЕ ПОКЛАДЫВАЯ РУК

с с.м. и п.л.

ЗДЕСЬ СИДЕЛ Я

Со времен существования этого стола существует и отдел объявлений:

Хочу познакомиться с симпатичным мальчиком 16-17 лет без очков.

600 Девушка в очках

Я ГОТОВ. МАЛЬЧИК СО ВСТАВНОЙ ЧЕЛЮСТЬЮ

Ж2-60-29. С 14ВЛ

Звонить только вечером. Просить ЕМУ

Хочу познакомиться с ДЕВУШКОЙ НЕ СТАРШЕ 17 лет, ЧЕРНОВОЛОСЫЙ И С КРЕПКИМИ ЗУБАМИ

Приколота прясть волос, и нарисован зуб размером с лошадиный.

ПОДХОДИТ?

Мечтаю познакомиться с хорошенькой спортсменкой. Будущий боксер

А в настоящем ты-пудель?

Признавайтесь, кто съел мой бутерброд с сыром!?

По-моему, он был с брынзой...

Работает филиал «Спрашивай — отвечаем». Вопрос:

КАК НАПИСАТЬ СОЧИНЕНИЕ?

Ответ:

Познакомиться с отличником, выпускником прошлого года.

А вот «Отдел критики»:

Ирка примитив: не ходит в кино «ДО 16»

Два дня я изучала надписи. Возмущение медленно закипало во мне. Бессовестные бездельники, портящие общественные столы!..

Я вооружилась тушью и латкатым пером. К концу моего рабочего дня через весь стол красовалась жирно, четким чертежным шрифтом № 2 сделанная надпись:

КАК ВАМ НЕ СТЫДНО ПИСАТЬ НА БИБЛИОТЕЧНЫХ СТОЛАХ !!!

На следующий день я увидела, что кто-то вырезал эту надпись ножом, букву за буквой, прямо по моему чертежному шрифту. Значит, все-таки есть у меня единомышленники!

В. Ватагин,

действительный член Академии
художеств СССР¹

АПОЛЛОН И ДАФНА

Беспощадная жестокость судьбы вырвала из жизни только что расцветший талант гениальной московской девочки Нади Рушевой. Да, гениальной — теперь уж нечего бояться преждевременной оценки...

Невосполнимый духовный ущерб; внезапно и навсегда исчез источник дивных образов — источник радости для многих, кто видел ее работы, начиная с первой выставки фантазий Нади в редакции «Юности» в мае — июне 1964 года.

Тогда, пять лет назад, я писал в большом и густо заполненном восторженными записями альбоме отзывов: «Я имею счастливую и ответственную возможность наблюдать развитие необычных способностей Нади Рушевой в течение одного года. Я вижу, что как художник она растет не по дням, а по часам. Ее рисунки далеко выходят за пределы «детского творчества», но и среди взрослых художников едва ли многие могут поспорить с легкостью ее техники, чувством композиции, с остротой ее образов, с ее творческим восприятием мира».

...А в последующие пять лет, с каждым показом в моей мастерской ее новых толстеньких папок (Надюша приходила в дни школьных каникул в сопровождении отца или матери), я радовался разнообразию ее творческих находок, выразительности и правильности пропорций и, главное, красоте души ее героев — людей и животных, фантастических кентавров и сиренок, нимф и сатириков... И даже ведьмы и лешие у нее были добрыми...

Росла Надя и в овладении новой для нее техникой в акварели, темпера, монотипии, офорте, но упругая, враз проведенная (без подготовок и поправок) линия пером или цветным фломастером навсегда оставалась ее главной особенностью.

Я посетил одну из выставок Нади в Центральном Доме работников искусств в мае 1967 года, где она отчитывалась о своей поездке в Варшаву, и при обсуждении отметил, что Надюша благополучно миновала ломку переходного возраста и продолжает самосовершенствоваться.

Был я и на удивительной выставке в музее А. Н. Толстого в июне 1968 года, где Надя показала 75 рисунков своего юного прочтения романа «Война и мир»! И если она рисует любимого Пьера, — то как он спасал чужого ребенка при пожаре Москвы, или безоружный бросился защищать женщину от пьяного французского мародера, или как при расстреле «поджигателей» чуть не погиб вслед за юным мастеровым...

А если Кутузова, — то в избе в Филях, перед военным советом, в заботе о судьбе Москвы и России, с шестилетней Малашей Севостьяновой, которую пригласил, угостил сахаром и оставил здесь же, на печке...

А как удалось Наде множество милых радостей и заблуждений Наташи Ростово! Прекрасна Наташа, когда, уговорив родителей, вместе с Петей и няней освобождает графские подводы для израненных солдат — героев Бородина!

Волнует Надю окрыленный Петя Ростов, когда в тылу врага он отдает свой ужин мальчишке-барабанщику и когда сам гибнет в первом бою... Очень напоминает

этот юный защитник Родины, раскинувшийся на снегу...

Завершила выставку большая и мудрая композиция — «Наташа — счастливая мать»: три дочки играют в куклы у ее ног, а она, торжествуя, держит на руках четвертого ребенка — сына!..

Вот если бы теперь издать альбом ее «Войны и мира», ибо в четырех папках у нее около 400 рисунков! Большой выбор.

За летние каникулы прошлого года, в свои 16 лет, Надя вдруг создала около ста монотипий, рисунков кистью и фломастером к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита»... И как талантливо и просто она справилась со сложными философскими концепциями романа! Как убедительна в передаче страданий больного Мастера и жертвенного чувства Маргариты, суровости Пилата и одержимости Иешуа, животной силы Крысособя и предательства Иуды, фантазмагории Воланда и его бесовских спутников, а также в сатирических образах Ивана Бездомного, управдома, бюрократов...

Оканчивая десятый класс, закончившая общественной работой (еженедельные листы сатиры, оформление вечеров КВН), скромная, неторопливая, — когда же она все успевала?

И читала не по летам много, любила музыку, танцы, театры, кино, была в музеях, на выставках и в мастерских художников Москвы, Ленинграда, Горького, Варшавы. Успевала вести обширную переписку с друзьями, особенно по Артеку-67: она была участницей III Всесоюзного слета пионеров. Сейчас, когда пионеры прислали безутешным родителям Надины письма, — видишь, какой там кладезь острых наблюдений и

¹ Известный советский художник В. Ватагин умер вскоре после того, как написал эту статью.

чистых мечтаний. Все письма — в рисунках.

Виделись мы с Надей в последний раз в январские школьные каникулы этого года... Она была уже высокая, стройная, сильная; ее прекрасные восточные глаза были спокойны и теплы. Как всегда, она молча показывала свои новые папки: из «Пушкинианы», из «Античности», из серии «Современная молодежь», из «Мастера и Маргариты», при этом больше старалась смотреть на мои работы.

Уже после ее внезапной кончины (от кровоизлияния в мозг, дома, утром 6 марта, а ей едва исполнилось 17), я, потрясенный, сквозь слезы перебирал ее последнюю папку... и вдруг, как ее предчувствие — прозрачная, красивая композиция: «Аполлон и Дафна»...

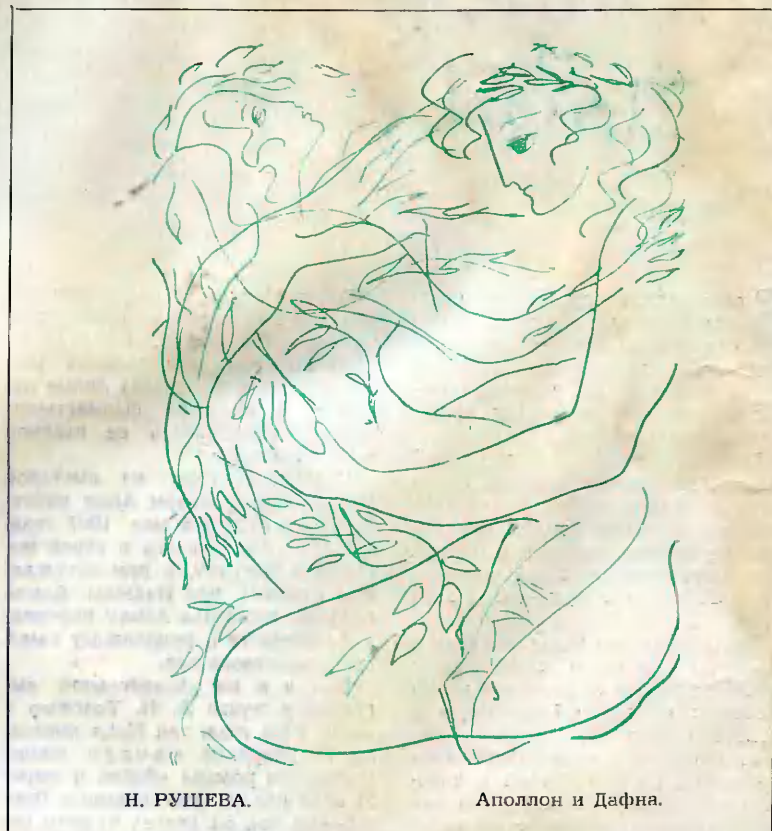
Хочется напомнить содержание этого горестного мифа. Светлый, радостный бог света и искусства Аполлон знает и печаль, его постигло горе... Когда, гордый своей победой над чудовищем Пифоном, он увидел около себя юного бога любви Эроса с золотым луком, то, смеясь, сказал ему: «На что тебе, дитя, такое грозное оружие? Тебе ли равняться со мной, стреловержцем?»

Обиженный Эрот вынул две стрелы и одной, ранящей сердце и вызывающей любовь, он поразила Аполлона, а другой, убивающей любовь, — юную нимфу Дафну... Лишь только увидела Дафна златокудрого Аполлона, она пустилась бежать; влюбленный, он быстро настигал ее... Взмолилась Дафна: «Расступись земля и по-

глоти меня!..» И тотчас онемели ее члены, кора покрыла ее нежное тело, волосы обратились в листву, а руки, поднятые к небу, превратились в ветви стройного деревца лавра... Долго, пораженный, стоял Аполлон перед лавром и наконец промолвил: «Пусть же венок лишь из твоей зелени укра-

шает мою голову, пусть отныне украшаешь ты своими листьями мою кифару и колчан. Пусть никогда не вянет твоя зелень!»

Пусть же и множество самобытных листов беспримерного творчества юной Нади Рушевой всегда будет украшать наше искусство.

Н. РУШЕВА.

Аполлон и Дафна.

Н. РУШЕВА. Пушкин в юные годы.

«Мне минуло шестнадцать лет»

Таню надпись сделала прошлой зимой Надя Рушева на подаренном мне прекрасном рисунке полуженщины-полукентавра с ребенком.

Помню еще первые рисунки Нади на пушкинские темы. Они были несовершенны, но чувствовались в них взволнованность, непосредственность, творческая радость обретающей себя художницы.

Меня поразили в них удивительное ощущение ушедшей эпохи, ясно-видящее проникновение в дух и настроения Пушкина и его поэзии.

И все это — тонкими, очень скупыми штрихами, несколько напоминающими набросы пушкинских рисунков.

Откуда у этой девочки такое глубокое и изящное чутье художника?! Я писал тогда очередную главу новой книги «Жизнь поэта» и дал ей рукописи главы «Лицейский Парнас» — о Пушкине на старшем курсе лицея.

— Попробуйте, Надя, иллюстрировать ее, — предложил я. Она не сразу ответила — дала согласие лишь после нескольких минут раздумья.

Через месяц мы снова встретились.

В ее папке лежали ожившие лицеист Александр Пушкин, долговазый, смешной и благородный Кюхля, Жано Пушкин, Антон Дельвиг в очках. Заболевший Пушкин, полусидя в постели, читал окружающим его товарищам своих озорных «Пирующих студентов».

Рисунков было много, более 70. Они были совершеннее прежних, перенесли нас в знакомый с детства пушкинский мир...

Как неожиданно трагически, в одно короткое мгновение, оборвалась этаю весной ее прекрасная, полная надежд жизнь...

Десять тысяч рисунков остались после Нади...

А. ГЕССЕН

● ПРОЗА

САЙЯР. Мой брат — Шунур-ана. Рассказ.
С узбекского перевели Олег
тор и М. Муравник 3

Сергей АНТОНОВ. Царский двугривен-
ный. Повесть. Продолжение 12

● ПОЭЗИЯ

Саги ЖИЕНБАЕВ. Памятник Ленину.
С казахского перевел Олег
Дмитриев 2

Геннадий ЮШКОВ. Моя звезда. С коми
перевел В. Павлинов 2

Сергей ДРОФЕНКО. «Когда я вернулся
домой...» «Летел, летел поспешный
снег...» «Ночью дождь в окно стучал...»
«Однозвучно пост тишина...» «Сегодня
мне снилась Москва...» «Этот порт,
этот город приморский...» 41

Станислав КУНЯЕВ. «Мой город ра-
стет не по дням...» Свидание. «Этот
город никак не уснет...» 42

Дмитрий СУХАРЕВ. Хорошее дело.
Ночь. Подражание 43

Давид КУГУЛЬТИНОВ. Обращение к сло-
вам. Начало дня. С тех пор... Антеру.
Размышления. «Любой из нас, кто тру-
дится во имя...» «Когда играют с дет-
ворой...» «За годом год уходит в
никуда...» Москва. С калмыцкого
перевела Юлия Нейман 65

Давид БРОМБЕРГ. Субботник в Кремле.
Первым учителям. С еврейского
перевел Владимир Цыбин 78

Николай РУБЦОВ. Зимняя песня. «Стихи
из дома гонят нас...» 91

● ПУТЕШЕСТВИЯ

А. Ф. ТРЕШНИКОВ. Вокруг Антарктиды 44

● ПУБЛИЦИСТИКА

Владлен ЛОГИНОВ. Мыслитель, рево-
люционер, человек 67

Ада ЛЕВИНА. Урок обществоведения 79

● СРЕДИ КНИГ

Маленькие рецензии и аннотации 84

● ПОЧТА «ЮНОСТИ»

Н. ДОЛИНИНА. Восемь писем 86

● ВСТРЕЧИ

Борис СЛУЦКИЙ. «Мне никогда не
будет сорок!» 92

● НАУКА И ТЕХНИКА

Рэм ПЕТРОВ. Город гнотобионтов. На-
учно-фантастический очерк 95

● ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

А. ПЧЕЛЯКОВ. В лес — за «пятерками» 100

● ШАХМАТЫ

Алексей САМОЙЛОВ. Путь к себе 101

● СПОРТ

Алексей ТАЛЫЗИН. Почему мы играем
в регби 106

● ПЫЛЕСОС

А. КУРЛЯНДСКИЙ, А. ХАЙТ. Аксиома 108

Наташа РЕБИКОВА. Многоуважаемый
стол 109

В. БАТАГИН. Аполлон и Дафна 111

А. ГЕССЕН. «Мне минуло шестнадцать
лет» 112

На 1—4-й стр. обложки рисунок Т. ЗЕБРОВОЙ.

Художественный редактор Ю. Цишевский.

Технический редактор Л. Зябкина.

Адрес редакции: Москва, Г-69, ул. Воровского, 52.

Тел. 291-62-47.

Рукописи не возвращаются.

А 06097. Подп. к печати 28/VIII 1969 г.

Формат бумаги 84×108¹/₁₆.

Объем 12,18 усл. печ. л.

17,62 учетно-изд. л.

Тираж 2 000 000 экз.

Изд. № 1712.

Заказ № 1927.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Надя РУШЕВА.

Пушкин и дама.

Цена 40 коп.

Главный редактор Б. Н. ПОЛЕВОЙ.

**Первый заместитель главного редактора
С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.**

**Редакционная коллегия: А. Г. АЛЕКСИН, В. И. АМЛИНСКИЙ,
В. И. ВОРОНОВ (зам. главного редактора), В. Н. ГОРЯЕВ,
Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ (отв. секретарь), К. Ш. КУЛИЕВ,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА.**

**Индекс
71120**